

102
С 892

18-май 2

СУДЕБНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПРИЛОЖЕНИЕ

къ

„СУДЕБНОМУ ВѢСТНИКУ“.

№ 2.

1870 ГОДЪ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- 1) Дѣло купчихи Кусенковой. — 2) Уголовное уложение съверо-германскаго союза и его литература *Ив. Фойншлага*.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Неклюдова (Офицерская, домъ № 7—14).

1870.

№ 2.

ДѢЛО ОДЕССКОЙ КУПЧИХИ ОЛЬГИ КУСЕНКОВОЙ,

ОБВИНЯЕМОЙ ВЪ МОШЕНИЧЕСТВѢ.

Судебное засѣданіе Одесскаго окружнаго суда, по уголовному отдѣленію съ уча-
стіемъ присяжныхъ.

Предсѣдательствовалъ: Товарищъ предсѣдателя П. А. Устимовичъ. Обви-
няль прокуроръ Б. А. Евреиновъ, защищалъ присяж. повѣр. И. М. Шип-
мановъ. Гражданскій истецъ Пономаревъ.

Стенографическій отчетъ О. П. Темникова.

7-го мая, 1868 года, коллежскій ассесоръ Пономаревъ, зая-
вилъ полицейскому приставу, что вслѣдствіе соглашенія его съ
купчихой Кусенковой, послѣдовавшаго наканунѣ, о займѣ у нея
500 золотыхъ англійскихъ сувереновъ, на сумму 2,196 р., подъ
вексель въ 2,200 р., онъ пришелъ вышеозначеннаго числа къ
Кусенковой за полученіемъ денегъ и, отдавъ ей вексель въ 2,200
руб., получилъ отъ нея, вмѣсто золотыхъ монетъ, мѣдныя ко-
пѣйки. При слѣдствіи Пономаревъ пояснилъ, что будучи нѣсколько
лѣтъ знакомъ съ Кусенковой, онъ бралъ у нея въ займы деньги,
платя, какъ и другіе ея должники, по 3% въ мѣсяць. Несмотря
на нежеланіе дѣлать новые займы у Кусенковой, онъ былъ вы-
нужденъ въ апрѣлѣ мѣсяць 1868 г., взять у нея 500 р. по
слѣдующему случаю: Кусенкова объявила ему, что за выѣздомъ
за границу, она, для облегченія расчетовъ, желаетъ сократить
число своихъ должниковъ, и потому все свои деньги отдать 2-мъ
или 3-мъ лицамъ, вслѣдствіе чего и предложила ему, или упла-
тить деньги 400 рублей по двумъ ея вексялямъ въ 300 и
100 р., или взять еще у нея свободные 300 р. и вексель гу-

бернскаго секретаря Артемьева въ 200 р. Не имѣя въ то время денегъ, онъ, Пономаревъ, рѣшился на послѣднее. Кромѣ того, Кусенкова нѣсколько разъ предлагала ему взять въ займы по курсу иностранное золото, преимущественно англійское, на 4,000 руб. съ тѣмъ, чтобы онъ опять и возвратилъ ей золотомъ же, на что онъ не согласился, желая скорѣе расчитаться съ нею. 6-го мая 1868 г. утромъ, часовъ въ 11, Кусенкова пришла въ одесскую контору государственнаго банка, гдѣ онъ служилъ секретаремъ и, вызвавъ его черезъ сторожа, предложила ему пройти съ нею около конторы. Показывая носовой платокъ съ завязанною въ ономъ, по видимому, какою-то монетою, она объявила, что принесла продавать въ банкъ англійское золото; но такъ какъ за него даютъ дешево, то она и просила его взять отъ нея это золото въ займы, обѣщая назначить меньшіе проценты съ тѣмъ, чтобы онъ ей возвратилъ долгъ золотомъ же; на это онъ обѣщаль дать ей рѣшительный отвѣтъ вечеромъ. Часовъ въ 8-мъ вечера того же числа, зайдя къ Кусенковой, онъ заявилъ согласіе свое на заемъ предполагаемаго золота и условился съ нею прийти на слѣдующій день утромъ взять 300 англійскихъ сувереновъ на сумму 2,196 р. и принести ей вексель для равнаго счета 2,200 р. На другой день, въ 11 часовъ утра, принеся Кусенковой вексель, онъ просилъ выдать ему обѣщанныя деньги. Кусенкова достала изъ комода жестяной ящикъ, въ которомъ находилось 12 свертковъ, обшитыхъ бѣлымъ холстомъ и заклееннымъ сургучемъ, и объяснивъ ему, что въ каждомъ изъ этихъ свертковъ находится 25 совереновъ, просила вручить ей вексель. Когда онъ потребовалъ, чтобы свертки были разрѣзаны и соверены сочтены, Кусенкова, повидимому, обидѣлась такимъ недоверіемъ, пошла въ кухню, взяла тамъ ножъ и, стоя у двери, разрѣзала одинъ изъ свертковъ, оставивъ ножъ въ кухнѣ. Затѣмъ она высыпала изъ разрѣзаннаго свертка 25 золотыхъ совереновъ, изъ которыхъ онъ предложилъ ей взять, 22 въ счетъ должной ей суммы. Затѣмъ онъ, Пономаревъ, вручилъ Кусенковой, по требованію ея, вексель въ 2,200 р., просилъ принести

ножь, чтобы прорѣзать остальные свертки; Кусенкова ушла въ кухню, и не возвращалась, чѣмъ подала поводъ къ подозрѣнію, которое еще усилилось тѣмъ, что въ жестяной коробкѣ не оказалось 3-хъ остальныхъ отъ уплаты совереновъ; почему онъ, взявъ одинъ изъ свертковъ, началъ его тереть объ острия края жестянки и сквозь протертое, такимъ образомъ полотно, увидѣлъ, что тамъ, вмѣсто золотыхъ монетъ, находятся мѣдныя копѣйки. Вслѣдствіе чего онъ, отворивъ дверь изъ квартиры Кусенковой, выходящую на улицу, позвалъ двухъ мимо-проходившихъ мѣщанъ Шамаса и Фингельштейна, пославъ послѣдняго за полицейскимъ приставомъ. Прибывшимъ тотчасъ полицейскимъ приставомъ найденъ былъ въ квартирѣ Кусенковой жестяной ящикъ, въ которомъ находилось 12 свертковъ, зашитыхъ въ бѣлый холстъ. Изъ нихъ нѣкоторые были протерты и чрезъ скважины видны были находящіяся тамъ мѣдныя копѣйки, 12-й свертокъ былъ пустъ, до половины распоротъ и отличался отъ прочихъ бѣлою ниткою, которою былъ обернутъ. При обыскѣ Пономарева, у него найдено до 40 р. билетами и кредитными билетами. Купчиха Кусенкова, не признавая себя виновною въ взведенномъ на нея преступленіи, показала, что ящикъ съ свертками былъ принесенъ самимъ Пономаревымъ, который приходилъ къ ней 7-го мая 1868 года и, отдавъ ей вексель въ 2,200 р. получилъ эту сумму кредитными билетами; послѣ чего ушелъ и снова возвратился, принеся означенныя свертки въ ящикъ. Въ банкѣ 6-го мая она не приходила, и золота въ займы Пономареву не предлагала. Затѣмъ Кусенкова при послѣдующихъ допросахъ, измѣнила свое показаніе въ томъ, что происхождение векселя въ 2,200 р. объяснила перемѣною стараго векселя на ту же сумму на новый, а не платежъ Пономареву 7-го мая этой суммы кредитными билетами. Къ сему Кусенкова добавила, что первое ложное показаніе дано ею по наущенію купца Гликберга, съ которымъ, впрочемъ, она находилась два года уже въ ссорѣ и что стараго векселя она никому не показывала и о существованіи его никому не говорила, исполняя просьбу о томъ Пономарева.

Спрошенные по дѣлу этому свидѣтели показали: мѣщане Футранъ Бенеръ, Лея Зонштейнъ, Рейза Школьніченка, Сура Вейнбергъ и чиновникъ Артемьевъ — что 6-го мая 1868 г. они видѣли въ конторѣ банка Ольгу Кусенкову, которая держала въ рукахъ что-то завернутое въ бѣлый платокъ и спрашивала ихъ о цѣнѣ англійскихъ совереновъ по курсу, при чемъ Артемьевъ добавилъ, что Кусенкова говорила ему о принесенномъ ею золотѣ, которое она хотѣла, по словамъ ея, отдать Пономареву, для чего, вызвавъ Пономарева, ходили съ нимъ, разговаривая, вблизи банка. Чиновникъ Гирсъ — что въ началѣ мая Кусенкова у себя на квартирѣ говорила ему о намѣреніи дать въ займы Пономареву золото, которое было, по словамъ ея, зашито въ холстѣ. Квартирующая у Кусенковой мѣщанка Уць — что Кусенкова часто говорила ей о намѣреніи своемъ отомстить Пономареву за то, что онъ оставивъ ее, женился на другой. Греческій подданный Джано — что въ первыхъ числахъ марта Кусенкова, давъ ему 3-хъ рублевый кредитный билетъ, просила размѣнять его на мѣдныя копѣйки, но онъ этого не исполнилъ и возвратилъ ей 3 р. Кухарка Кусенковой, мѣщанка, Марья Карпенкова, по мужу Кончина — что жестяную коронку и свертки она давно видѣла у Кусенковой; недѣли за 2 до 7-го мая 1868 г. Кусенкова: посылая ее на базаръ, приказывала приносить сдачу мѣдными копѣйками, что она и исполняла; дней за 5 до 7-го мая Кусенкова послала ее купить 2 аршина бѣлаго холста, который она купила и принесла ей; дня за 3 до 7 мая Кусенкова, сидя на кровати, шила изъ этого холста мѣщечки и считала копѣйки; 7-го мая въ то время, когда въ квартирѣ былъ Пономаревъ, Кусенкова брала у нея ножъ, и разрѣзывала свертокъ, послѣ чего прибѣгала въ кухню и давала ей держать что-то завернутое и какую-то новую бумажку, но скоро взяла все обратно и вышла во дворъ. Пономаревъ, будучи у Кусенковой, не выходилъ изъ ея квартиры; а только отворивъ дверь, позвалъ проходящихъ евреевъ; когда ее, свидѣтельницу, призвали къ слѣдствію, то Кусенкова настаивала на томъ, чтобы она показала, что ни коробки, ни свертковъ не видѣла. Живущая въ

домъ Даховскаго, турецкая подданная Елена Костанди, показала, что 7-го мая 1868 г., сидя въ кухнѣ Кусенковой, она видѣла, какъ послѣдняя брала ножъ и имъ что-то рѣзала; затѣмъ она видѣла, что Кусенкова держала что-то завернутое въ бѣлый платокъ и пошла въ квартиру Гликберга. Энта Гликбергъ показала, что 7-го мая Кусенкова дала ей спрятать носовой платокъ, въ которомъ было что-то завернуто; увидѣвъ въ квартирѣ полицейскаго пристава, она, Гликбергъ, испугалась и отдала узелокъ этотъ работнику Шестопалу. Мѣшанинъ Шестопаль, — что въ платкѣ, полученномъ имъ отъ Энты, было золото и вексель, которые и возвращены имъ Кусенковой; при этомъ онъ слышалъ, какъ послѣдняя, говоря о Пономаревѣ, сказала: довольно онъ крови моей напился; надула наконецъ его. Черезъ нѣсколько дней Кусенкова общала ему вознагражденіе, просила при слѣдствіи показать, что онъ ничего не знаетъ. Маркъ Гликбергъ показалъ, что Кусенкова встрѣтивъ его 7-го мая, рассказала ему о томъ, какъ она обманула Пономарева, взявъ у него вексель въ 2,200 р. и выдавъ ему вмѣсто золота мѣдныя копѣйки, зашитыя въ холстѣ. При обыскѣ, произведенномъ судебнымъ слѣдователемъ 14 мая 1868 года въ квартирѣ Кусенковой, найденъ кусокъ бѣлаго холста, который былъ признанъ экспертами одинаковымъ съ холстомъ на сверткахъ. Форма найденнаго у Кусенковой куска холста такая же, какая нужна для того, чтобы сшить мѣшки, въ которыхъ находились мѣдныя копѣйки. Вслѣдствіе сего одесская купчиха Ольга Кусенкова, уличаемая вышеизложенными обстоятельствами дѣла, обвинялась въ томъ, что 7-го мая 1868 года, взявъ у коллежскаго ассесора Пономарева вексель въ 2,200 р. отдала ему, вмѣсто золотыхъ монетъ, мѣдныя копѣйки, что составляетъ преступленіе, предусмотренное ст. 1666 ул. о наказ. Вслѣдствіе того купчиха Кусенкова, 36 лѣтъ, была арестована въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ, и затѣмъ предана суду одесскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Подсудимая виновной себя не признавала.

Председатель. Г. Пономаревъ, на вопросы, которые вамъ будутъ предлагать, вы будете показывать здѣсь безъ присяги, какъ лицо, заявившее себя потерпѣвшимъ, и которое согласно заявленію обоихъ сторонъ должно быть спрошено безъ присяги, но тѣмъ не менѣе я долженъ вамъ напомнить, что законъ строго наказываетъ за всякое ложное показаніе, хотя и безъ присяги данное. Въ виду этой законной отвѣтственности приглашаю васъ показать правду по долгу чести и по чувству доброй совѣсти. Бойтесь уклоняться въ вашихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ отъ истины, помня, что ваши показанія могутъ имѣть значеніе въ пользу или не въ пользу обвиняемой, и что тѣмъ необходимѣе поэтому, чтобъ вы отрѣшились отъ чувства неудовольствія или вражды, если вы имѣете ихъ къ Кусенковой.

Пономаревъ. Я былъ знакомъ съ Кусенковой нѣсколько лѣтъ, часто бывалъ у нея и иногда даже занималъ деньги. 6-го мая 68 года Кусенкова приходитъ въ банкъ и вызываетъ меня чрезъ сторожа. Я вышелъ къ ней и она стала говорить, что у нея есть золото, но не знаетъ, куда его помѣстить, предлагаетъ мнѣ взять его съ условіемъ, возратить ей также золотомъ и съ $\%$. Я сказалъ ей, что подумаю объ этомъ, но она мнѣ сказала, что будетъ ждать отвѣта не дальше какъ до вечера и просила прійти къ ней. При этомъ она указала на узелокъ, который держала въ рукахъ, говоря: вотъ деньги. Того же дня часовъ въ 8 вечера прихожу я къ ней въ квартиру; она сидѣла за столомъ, и сургучемъ печатывала маленькіе свертки. Что это вы дѣлаете? спрашиваю я. — Такъ какъ я не знала вашего рѣшительнаго отвѣта, отвѣчала она, да и къ тому же ѣду за границу, то и зашила въ каждый свертокъ по 25 совереновъ. Я говорю ей, что я возьму это золото, но только завтра часа въ два. На слѣдующій день утромъ прихожу я въ банкъ, и оттуда послалъ солдата къ маклеру Картамышеву, чтобы тотъ приготовилъ вексель на сумму 2,200 р. Чрезъ нѣсколько часовъ, я отправился къ маклеру, подписалъ приготовленный имъ вексель и затѣмъ прихожу къ Кусенковой и отдаю ей вексель. Она достала изъ комода жестяную коробку, въ кото-

рой я увидѣлъ нѣсколько маленькихъ свертковъ, и подавая ее мнѣ, говорить, что въ каждомъ изъ нихъ зашито по 25 золотыхъ совереновъ, а всего 300. Я попросилъ ножъ для того, чтобы разрѣзать одинъ изъ свертковъ и удостовѣриться, дѣйствительно ли въ немъ было 25 совереновъ, но она какъ будто обидѣлась моимъ требованіемъ, говоря, что нѣсколько лѣтъ не обманывала, а теперь вы подозрѣваете меня въ обманѣ, и взявши одинъ изъ свертковъ ушла въ кухню за ножемъ. Возвратившись оттуда, она не входя въ гостиную, остановилась въ дверяхъ, разрѣзала свертокъ, а ножъ тотчасъ же подала кухаркѣ. Взявши отъ нея разрѣзанный свертокъ, я отсчиталъ, изъ 25, 22 соверена и отдалъ Кусенковой должны мною ей по роспискѣ, но просилъ при этомъ, чтобы она дала мнѣ ножъ разрѣзать остальные свертки, тогда она ушла изъ гостиной и долго не возвращалась, чѣмъ и возбудила во мнѣ подозрѣніе. Придвинувъ къ себѣ ящикъ со свертками, я взялъ изъ него одинъ свертокъ и не имѣя при себѣ ножа, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли въ сверткахъ соверены, потеръ этотъ свертокъ объ острый уголъ жестяной коробки и что же вижу? копѣйки; потеръ другой — тоже; тогда я вышелъ въ переднюю и сквозь стеклянную дверь, выходящую на улицу, увидѣлъ двухъ проходящихъ мимо молодыхъ людей. Отворивъ дверь на улицу, я пригласилъ ихъ войти въ комнату и сказалъ имъ, что меня здѣсь обмошенничали. Когда эти молодые люди вошли въ комнату, тогда я одного изъ нихъ просилъ сходить за приставомъ и сказать ему, что здѣсь обмошенничали банковаго чиновника. Въ это время, когда разговаривалъ съ мальчиками, изъ кухни отворилась дверь и оттуда выглянула кухарка Кончина. Я говорю ей: Маша, иди сюда, будешь свидѣтельницей, — она отвѣчала: это не мое дѣло; и опять скрылась. Вслѣдъ за этимъ въ комнату вошла г-жа Кусенкова, и увидя постороннихъ людей, начала кричать: что это людей навели, грабить, что-ли! Маша, дай мнѣ шляпку, я пойду, я говорю ей, погодите, сейчасъ приставъ прійдетъ и дѣло разъяснится. Явился приставъ, я заявилъ ему о случившемся и на первый вопросъ пристава Кусенкова отвѣ-

тила, что дала мнѣ вчера деньги подъ вексель кредитными билетами по 100 и 50 р., затѣмъ начался обыскъ, но ничего не было найдено; при мнѣ въ то время оказалось кредитными билетами 46 р.

Предсѣдательствующій предлагаетъ Пономареву осмотрѣть вещественныя доказательства (Пономаревъ осматриваетъ вещественныя доказательства).

Прок. (Пономареву). Вы въ банкѣ говорили съ Кусенковой—или на улицѣ?

Пон. Около банка ходили и разговаривали.

Прок. Кто-нибудь изъ лицъ, которыхъ вы видѣли здѣсь на судѣ, не видѣлъ ли какъ вы вышли, съ Кусенковой на улицу?

Пон. Чиновникъ Артемьевъ видѣлъ, онъ даже разговаривалъ съ нею.

Прок. Послѣ этого разговора съ Кусенковой, когда вы были у нея и видѣли, что она припечатывала свертки, то свертки эти были уже зашиты?

Пон. Да.

Прок. Когда вы призвали свидѣтелей, какую вы отворили дверь? которая выходила на улицу или на дворъ?

Пон. На улицу выходила стеклянная дверь.

Прок. Вы съ Фингельштейномъ были знакомы до этого времени?

Пон. Никогда не встрѣчалъ даже.

Прок. Кого изъ свидѣтелей послали вы за приставомъ?

Пон. Фингельштейна.

Прок. Когда приставъ дѣлалъ обыскъ у Кусенковой, то не было ли найдено векселей или росписокъ вашихъ?

Пон. Ничего не было найдено.

Прок. И того векселя не было найдено, который составляетъ предметъ настоящаго дѣла?

Пон. Нѣтъ.

Прок. Вы давно Кусенкову знаете?

Пон. Около 10 лѣтъ.

Прок. Вы въ настоящее время состоите ей должнымъ по какому-либо векселю?

Пон. Кромѣ 162 р. по роспискѣ ничего не долженъ.

Прок. Во время поступка Кусенковой, котораго вы сдѣлались жертвою, вы были ей должны?

Пон. Былъ долженъ до этого времени 1,700 руб. да еще по двумъ вексямъ по 500 р., но этотъ долгъ я ей заплатилъ.

Прок. Вамъ не показалось страннымъ со стороны Кусенковой, что она дала вамъ золото безъ процентовъ?

Пон. Не безъ % она мнѣ давала деньги. Я долженъ былъ заплатить ей $1\frac{1}{2}\%$ по полученіи суммы.

Прок. Какими деньгами вы должны были платить проценты золотомъ или бумажками?

Пон. Бумажками.

Прок. Такъ какъ вы у Кусенковой часто бывали, то не знаете ли, долго ли у нея жила кухарка М. Кончина?

Пон. Около 10 лѣтъ.

Прок. Когда вы отдали написать вексель Картамышеву?

Пон. Въ самый день событія 7-го мая.

Прок. Въ которомъ часу вы приходили обыкновенно въ банкъ?

Пон. Часовъ въ 9.

Прок. Гдѣ помѣщалась въ то время контора маклера Картамышева?

Пон. На Почтовой улицѣ, всего только 2 квартала отъ банка.

Прок. А отъ конторы маклера до бывшей квартиры Кусенковой?

Пон. Тоже два или три квартала. Всѣ эти три пункта стоятъ близко одинъ отъ другаго.

Прок. Въ которомъ часу былъ составленъ актъ полицейскимъ приставомъ?

Пон. Я не обратилъ на это вниманія.

Прок. Сколько примѣрно прошло времени съ вашего прихода къ Кусенковой, до время врученія вамъ векселя, разрѣзыванія мѣшечка съ золотомъ и призыва вами свидѣтелей?

Пон. Никакъ не болѣе 10 минутъ.

Прок. Какой день это приходился?

Пон. Вторникъ.

Прок. Случалось ли вамъ, когда вы производили дѣловые расчеты съ Кусенковой, выдавать ей вексель прежде льготы?

Пон. Нѣтъ, этого не случилось прежде, но въ день этого событія я отдалъ вексель тогда, когда уже былъ разрѣзанъ одинъ свертокъ, да и къ тому же это дѣло было днемъ, пропасть народа проходило по улицѣ, какъ я могъ подозрѣвать подобную продѣлку.

Прок. Когда вы пришли въ квартиру Кусенковой 7-го мая то сама она отворила дверь съ улицы, или прислуга вамъ отворила?

Пон. Сама, служанки не видѣлъ.

Прок. Входя съ улицы, не замѣтили ли вы, кто былъ въ кухнѣ?

Пон. Не замѣтилъ; дверь въ кухню была заперта.

Прок. Видѣли ли вы прежде жестянку эту у Кусенковой?

Пон. Видѣлъ очень давно, но въ послѣднее время не видалъ.

Прок. Табачная фабрика помѣщается въ одномъ домѣ, гдѣ была и квартира Кусенковой?

Пон. Да, въ томъ же домѣ.

Прок. Такъ какъ часто вы бывали у Кусенковой, то не были ли вы въ этомъ домѣ съ кѣмъ либо знакомы?

Пон. Я зналъ только Гликберга и то потому, что когда я былъ секретаремъ банка, то Гликбергъ бывши должникомъ банка приходилъ просить разсрочки, и банкъ разсрочилъ ему уплату по 5 или по 10 р. въ мѣсяць.

Прок. На долго ли Кусенкова отлучалась послѣ того, какъ она получила отъ васъ вексель и пошла въ кухню съ тѣмъ, чтобы разрѣзать мѣшочекъ съ золотомъ?

Пон. Минуть на 5.

Прок. Куда выходило окно изъ той комнаты, въ которой вы находились?

Пон. На улицу.

Прок. Значить, вамъ изъ той комнаты не было видно, кто проходилъ по двору?

Пон. Нѣтъ.

Прок. Въ которомъ изъ своихъ показаній приставу Кусенкова говорила о томъ, что она вручила вамъ деньги накануню 7-го мая?

Пон. Въ первомъ показаніи.

Прок. Вы знаете мѣщанку Уцъ?

Пон. Я видѣлъ ее у Кусенковой только раза два.

Прок. Что она служила у Кусенковой или какъ знакомая ходила къ ней?

Пон. Она комнату нанимала у Кусенковой.

Прок. Долга она тамъ жила?

Пон. Не знаю.

Прок. Какія были отношенія Біязи къ Кусенковой, вамъ неизвѣстно?

Пон. Не знаю.

Прок. А греческаго подданнаго Джано, знаете?

Пон. Тоже нѣтъ.

Прок. Когда Кусенкова подала на васъ вексель этотъ ко взъсканію?

Пон. Послѣ возникновенія уголовного дѣла.

Защ. Въ которомъ году вы познакомились съ Кусенковой?

Пон. Не помню положительно, кажется въ 1858—59, или можетъ быть въ 57 г.

Защ. Познакомившись съ Кусенковой вы часто посѣщали ее?

Пон. Прежде рѣдко, а въ послѣднее время раза два въ недѣлю.

Защ. Въ какихъ именно отношеніяхъ вы были съ ней — въ интимныхъ отношеніяхъ, близкихъ?

Пон. Я не могу сказать, что въ интимныхъ отношеніяхъ, но довольно близкихъ.

Защ. Часто обѣдали у нея?

Пон. Нѣсколько разъ обѣдалъ.

Защ. Ночи у нея проводили?

Пон. Гмъ, не то чтобы проводилъ, а бывалъ...

Защ. На хуторъ вы жили съ нею?

Пон. Нѣтъ, не жилъ, а приходилъ.

Защ. Оставаясь тамъ у нея; проводили время по цѣлымъ днямъ?

Пон. Нѣтъ, не по цѣлымъ днямъ, а по нѣскольку часовъ.

Защ. Когда вы лишились мѣста секретаря магистрата, то и въ то время вы оставались съ Кусенковой въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ были прежде?

Пон. Я вамъ разкажу все для ясности. Я былъ съ Кусенковой въ близкихъ отношеніяхъ, потомъ эти отношенія прекратились, а потомъ опять возобновились.

Защ. Вы говорите, что бывали часто у Кусенковой; не случилось ли вамъ держать у нея табакъ въ жестяной коробкѣ?

Пон. Вовсе нѣтъ, я курю готовые попиросы.

Защ. Она вамъ помогала деньгами?

Пон. То есть какъ помогала? Въ помощи и милости ея я не имѣлъ надобности, а что я занималъ у нея деньги, это не есть помощь. Я платилъ ей за это проценты и всегда по 3% въ мѣсяцъ.

Защ. Вы играете въ карты?

Пон. Да, играю.

Защ. И по большой?

Пон. По копѣйкѣ играю.

Защ. Вы сказали, что у Кусенковой, въ моментъ событія 7 мая, былъ вашъ вексель, на сумму 1,700 р., потомъ на 500 и еще на 500, всего значить на 2,700 р., не было ли у Кусенковой еще вашего векселя до 7-го мая на 2,209 р.

Пон. Никого не было.

Защ. Не брали ли вы денегъ у Кусенковой на уплату долга вашего князу Гагарину, около 1,000 р.?

Пон. Не помню.

Защ. Развѣ вы часто обращались къ займамъ?

Пон. Не то, чтобы часто, а занималъ иногда.

Защ. Вы не помните, сколько вы взяли у Кусенковой денегъ въ началѣ 1867 г.?

Пон. Не помню положительно 900 или 1,000 р.

Защ. Выдали ли вы ей на эту сумму какое либо обязательство?

Пон. Выдалъ.

Защ. А почему у нея не было векселя ни на 900, ни на 1.000 р. а только на 500?

Пон. Потому что долгъ былъ уплаченъ мною.

Защ. Когда вы взяли у Кусенковой въ заемъ 22 полуимпериала?

Пон. Это было до новаго года, въ концѣ 1867 г.

Защ. А не въ февралѣ мѣсяцѣ?

Пон. Нѣтъ.

Защ. Вы дали росписку ей на 162 р.?

Пон. Дальше.

Защ. Росписка эта при обыскѣ въ квартирѣ Кусенковой оказалась?

Пон. Ничего не было найдено, ни одной бумажки.

Защ. Вы говорили, что когда Кусенкова взрѣзала свертокъ, то вы предоставили ей взять изъ числа этихъ совереновъ 22 и вѣроятно, тотчасъ же спросили у нея росписку?

Пон. Просилъ, но она не возвратила, а пошла за ней.

Защ. Что вы имѣли къ ней въ это время довѣріе?

Пон. Конечно вѣрилъ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ занималъ у нея деньги; положимъ, иногда и были недоразумѣнія, относительно процентовъ.

Защ. Изъ числа 25 совереновъ вы отдали ей въ счетъ долга 22, значить осталось еще 3 соверена, куда же эти-то 3 соверена дѣвались?

Пон. Она взяла должно быть, но я не замѣтилъ.

Защ. Вы сами ей отдали?

Пон. Нѣтъ, она взяла такъ, что я не замѣтилъ.

Защ. Но если не оказалось 3 совереновъ, если она вамъ не возвратила росписки на 22 полуимперіала, которые вы ей заплатили, то какимъ же образомъ вы рѣшились дать ей вексель, не увѣрившись, что въ сверткахъ было то самое количество монетъ, какое она говорила?

Пон. Вексель лежалъ на столѣ вмѣстѣ съ соверенами и потому я предполагаю, что она взявши этотъ вексель, взяла вѣроятно и 3 соверена (подходить къ столу вещественныхъ доказательствъ и показываетъ примѣръ, какъ можно было въ одинъ разъ взять и вексель и соверены). Да наконецъ, согласитесь сами, что я вовсе не подозрѣвалъ этого обмана.

Защ. Вы говорили, что вы часто посѣщали Кусенкову и были съ нею въ близкихъ отношеніяхъ, потомъ оставили ее и женились. Что же, она довольна была тѣмъ, что вы ее оставили?

Пон. Она ничего особенно не выражала, но приходила ко мнѣ нѣсколько разъ за разными совѣтами по дѣламъ.

Защ. Послѣ вашего брака, вы не имѣли возможности заплатить Кусенковой вашъ долгъ всего будто бы 2,700 р?

Пон. Этотъ долгъ образовался уже послѣ брака, именно слѣдующимъ образомъ: до брака я оставался только должнымъ 1,200 руб., потомъ подарилъ ей 500 р., потомъ когда она хотѣла ѣхать за границу, сказала, что у нея денегъ нѣтъ, я подарилъ ей еще 500 р. Послѣ этого я пересталъ къ ней ходить. Около 20 февраля она присылаетъ ко мнѣ, чтобы я къ ней пришелъ непременно, но я попросилъ моего знакомаго Артемьева сходить къ ней и узнать, что она отъ меня хочетъ. Артемьевъ возвращается и говоритъ мнѣ, что Кусенкова кричитъ, что я обѣдалъ у нея, чай пилъ, и хочетъ со мною расчитаться. Нечего дѣлать, отправляюсь самъ туда. Прихожу и говорю: давайте скорѣе окончимъ наши расчеты. Она опять начала кричать и требовать деньги за то, что я у нея обѣдалъ и чай пилъ. Тогда я сказалъ, что еще дамъ 100 р., но такъ какъ у меня денегъ нѣтъ, то я выдамъ вексель—въ одинъ годъ заплатить 500 р., а другіе 500 черезъ два года. Она на это согласилась.

Защ. Гдѣ вы служили въ то время?

Пон. Въ банкѣ, секретаремъ.

Защ. Большое жалованье получали?

Пон. 1,500 — 1,600 р.

Защ. Вы сказали, что дали въ подарокъ Кусенковой 500 р., когда это было?

Пон. Передъ новымъ годомъ, когда получилъ награду.

Защ. Но вы же сказали, что именно передъ новымъ годомъ взяли у Кусенковой 22 полуимперіала, значить, вы и имѣли надобность въ ея кредитѣ, и въ тоже время дарили ей 500 р. — какъ это?

Пон. 500 р. я во всякое время могъ достать.

Защ. Если вамъ такъ легко было занять деньги послѣ вашей женитьбы, то почему вы долго не платили Кусенковой до того времени, пока началось слѣдствіе?

Пон. Она не требовала, потому что знала, что за мною деньги не пропадутъ.

Защ. И послѣ того она еще вѣрила вамъ, когда вы бросили ее и вступили въ законный бракъ?

Пон. Этого сказать не могу.

Защ. Вы говорили, что она не требовала съ васъ денегъ, но вѣдь она часто посѣщала васъ на службѣ?

Пон. Сначала рѣдко, потомъ очень часто, такъ что я даже убѣгалъ отъ нея.

Защ. Но вѣдь вы говорите, что она съ васъ денегъ не требовала, такъ почему же вы убѣгали отъ нея?

Пон. Потому чтобы отдѣлаться.

Защ. Не говорили ли вы кому-либо изъ сослуживцевъ, что вы никакъ не можете отдѣлаться отъ Кусенковой, что вы къ сожалѣнію не имѣли никакой возможности расплатиться съ нею и что долгъ вашъ составляетъ, такъ-сказать, послѣднюю вашу связь?

Пон. Не помню.

Защ. Вы говорили, что Кусенкова предложила вамъ взять у нея въ кредитъ 2,200 р., почему же вы предположили, что Ку-

сенкова видитъ въ васъ благонадежнаго должника и сама, такъ-сказать, напрашивается: возьмите, пожалуйста, у меня деньги?

Пон. Потому что я никогда ее не обманывалъ, да и тѣмъ болѣе вѣрила мнѣ, что у моей жены было состоянія на 40,000.

Защ. Почему вы, имѣя, какъ говорите, и средства и деньги и наконецъ женясь такъ счастливо, почему вы не позаботились заплатить Кусенковой долгъ, когда вамъ было непріятно, какъ вы сами говорите, что Кусенкова ходила къ вамъ въ банкъ?

Пон. Денегъ у меня въ то время свободныхъ не было. Въ лѣтнее время каждый помѣщикъ нуждается въ деньгахъ, да и къ тому же Кусенкова хотѣла уѣхать за границу, даже вывѣсила объявленіе на окнахъ «отдается квартира въ наемъ» то я и не ожидалъ съ ея стороны безпоярства.

Защ. Почему она вамъ именно оставляла деньги, а никому-либо другому?

Пон. Это не мое дѣло. Я не знаю по какой причинѣ.

Защ. Вы сказали, что Кусенкова прежде, до женитьбы, брала съ васъ по 3%, а послѣ, т. е. когда вы бросили ее, по $\frac{1}{2}$ %. Въдѣ вы объясняете, что Кусенкова, когда вы бросили ее и когда состояніе ваше улучшилось, вдругъ сдѣлалась къ вамъ великодушнѣе и старается дѣлать вамъ добро, требуя съ васъ всего только $\frac{1}{2}$ %, а не три, какъ прежде?

Пон. Это объясняется очень просто. Курсъ на золото въ то время постоянно возвышался и я обязанъ былъ возвратить ей золото, вотъ вся и штука.

Защ. Вы сказали, что въ коробкѣ лежали свертки, въ числѣ 12, какимъ образомъ вы узнали, что тамъ 12 свертковъ, вы брали ихъ въ руки?

Пон. Конечно, бралъ.

Защ. Занимая у Кусенковой золото, вы знали, что золотые соверены почти вдвое тяжелѣе копѣйки?

Пон. Ну, это не такъ-то легко отличить, тѣмъ болѣе, когда они зашиты.

Защ. Вы, какъ человѣкъ со средствами, какъ секретарь банна,

часто конечно видѣли золото и держали его въ рукахъ и потому вы должны бы казаться лучше, чѣмъ кто-либо знать вѣсь золота?

Пон. Я былъ секретаремъ банка, но не счетчикомъ, и признаться сказать, я очень рѣдко держалъ въ рукахъ золото.

Заш. Не нашель ли частный приставъ въ квартирѣ Кусенковой тѣхъ 3 золотыхъ монетъ, которыя въ вашихъ глазахъ улетучились?

Пон. Не было найдено.

Заш. А при васъ также не было этихъ монетъ?

Пон. У меня была одна французская монета.

Заш. Скажите: вы, какъ бывший секретарь магистрата, видѣли, что приглашенные вами понятые были несовершеннолѣтние, вы же имѣли возможность пригласить жильцовъ того дома, въ которомъ происшествіе случилось, или окольныхъ людей; почему вы для большей улики Кусенковой и для устранения всякаго подозрѣнія не попросили пристава, чтобы онъ пригласилъ кого-нибудь изъ жильцовъ этого дома для бытности при обыскѣ, почему вы довольствовались какими-то проходившими мальчиками?

Пон. Это дѣло уже было не мое, а пристава.

Заш. Вы сказали, что Кусенкова ушла изъ комнаты и не возвращалась минутъ 5, и что вы, видя, что она не возвращается, взяли свертокъ — потеряли, убѣдились, что тамъ не золото, потеряли другой и нашли тоже. Скажите: примѣрно, минуты 3 возились вы со свертками?

Пон. Нѣтъ, менѣе. Когда я увидѣлъ, что въ сверткахъ не золото, а копѣйки, то тотчасъ же, сейчасъ отворилъ дверь и позвалъ свидѣтелей.

Заш. Понятые сейчасъ же и явились? они тутъ и стояли у дверей и на ваше приглашеніе тотчасъ и вошли въ комнату?

Пон. Они проходили мимо. Я пригласилъ, они вошли.

Заш. Неужели для того, чтобы прийти въ переднюю, отпереть дверь, потомъ кликнуть проходящихъ людей, уговорить ихъ войти (вѣдь они, какъ вы говорите, не рѣшались на это), объясниться съ ними, затѣмъ, одному изъ нихъ дать еще инструкцію,

что вотъ молъ случилось происшествіе, что секретаря банка Пономарева, надули, потомъ опять возвратиться къ тому мѣсту, гдѣ стояла жестянка съ свертками, — неужели для всего этого нужна была только одна минута?

Пон. Не болѣе, такъ какъ отъ того мѣста, гдѣ стояла жестянка до дверей было не болѣе 5 шаговъ.

Защ. Какъ вы розыскали понятаго Финкельштейна?

Пон. Въ городскомъ мировомъ сѣздѣ я встрѣтилъ Гликберга и спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Финкельштейнъ? — онъ мнѣ сказалъ, что знаетъ, что Финкельштейнъ приходилъ къ нему и просилъ его принять на фабрику.

Защ. Вы сказали, что обыскъ въ квартирѣ Кусенковой былъ произведенъ 7-го мая. Что васъ побудило потомъ просить судебного слѣдователя произвести вторичный обыскъ въ ея квартирѣ?

Пон. Я не просилъ, но подавалъ объ этомъ бумагу.

Защ. Вамъ извѣстно, конечно, что при вторичномъ обыскѣ найденъ былъ кусочекъ холста и что этотъ холстъ имѣлъ сходство съ тѣмъ, изъ котораго сшиты мѣшочки; извѣстно вамъ также и то, что Кусенкова показала, что она шила вамъ сорочки — и вы, насколько я помню, не отвергали этого факта — при чемъ Кусенкова просила слѣдователя сличить этотъ кусочекъ холста съ вашими сорочками. Не знаете ли причины, почему судебный слѣдователь отказалъ въ этомъ Кусенковой?

Пон. Она мнѣ сорочекъ никогда не шила; я просилъ ее иногда купить холстъ и потомъ чрезъ ея руки отдавалъ портнихѣ.

Защ. Вы ссылались еще на свидѣтеля Розенталя и указывали судебному слѣдователю, если я не ошибаюсь, что Кусенкова разсказывала ему всѣ подробности этого преступленія, и просили слѣдователя спросить его. Почему онъ не спросилъ его?

Пон. Вѣроятно не счелъ лучшимъ.

Защ. Изъ какихъ источниковъ вы узнали, что Кусенкова разсказывала Розенталю всѣ подробности этого происшествія?

Пон. Я былъ въ городскомъ саду, тамъ встрѣтилъ знакомыхъ, въ числѣ ихъ былъ и Розенталь. Я разговорился про эту исто-

рию, Розенталь при этомъ и говоритъ: «стойте, да она и мнѣ рассказывала объ этомъ, я былъ во 2-й части и тамъ встрѣтилъ Кусенкову, она подошла ко мнѣ и рассказала».

Защ. Вы сказали, что Гликбергъ — одинъ изъ самыхъ главныхъ свидѣтелей — былъ неоплатнымъ должникомъ банка и что ему банкъ разсрочилъ долгъ — какъ именно разсрочилъ?

Пон. По 5 или 10 р. въ мѣсяцъ.

Защ. Ему сдѣлали эту разсрочку наканунѣ событія (7-го мая)?

Пон. Нѣтъ, это было передъ пасхою.

Защ. Какъ долго жила Уцъ въ квартирѣ Кусенковой?

Пон. Года 2 — 3.

Защ. Вы такъ часто проводили время у Кусенковой, какъ же это такъ, что вы въ продолженіи 3-хъ лѣтъ не познакомились съ этою Уцъ, жившею тамъ же?

Пон. Я вовсе не желалъ имѣть никакихъ знакомствъ тѣмъ болѣе, что я бывалъ у нея часа по два, по три, но случалось, что она принимала и другихъ гостей?

Защ. Вашихъ же знакомыхъ?

Пон. Да, многіе бывали у нея.

Защ. А кухарку Кусенковой вы хорошо знали?

Пон. Да, она жила у нея лѣтъ 10.

Защ. Не чинила ли вамъ платя кухарка Кусенковой, напр., сюртукъ или что-нибудь другое?

Пон. Не помню, можетъ что-нибудь и просилъ когда-нибудь г-жу Кусенкову, но не кухарку.

Защ. Ваши знакомые не заставляли васъ у Кусенковой спать?

Пон. Очень не мудрено, такъ какъ я всегда имѣлъ обыкновеніе дремать часъ или $1\frac{1}{2}$.

Предс. (Пономареву). Вы говорили здѣсь о томъ, что желательно было бы, чтобы представилась возможность тутъ же взвѣсить золотыя монеты и копѣйки. Потрудитесь подойти (Пономаревъ, подходитъ, беретъ у предсѣдателя 2 монеты золотую (со-

рень) и мѣдную (копѣйку) и взвѣшиваетъ ихъ на рукѣ. Послѣ этого присяжные заседатели производили (тоже испытаніе) замѣно

Предс. Подсудимая Кусенкова, вы слышали продолжительное показаніе свидѣтеля Пономарева, что вы имѣете сказать по поводу этого показанія?

Подс. Съ самаго перваго и до послѣдняго слова неправда, ваше пр-ство.

Предс. Свидѣтель Пономаревъ рассказывалъ, какъ онъ зналъ; расскажите и вы что-нибудь, что знаете, — и какъ было дѣло по вашему.

Кусенкова. Я познакомилась съ нимъ въ 55 г., въ то время, когда онъ служилъ секретаремъ магистрата; я обратилась къ нему съ просьбою похлопотать тамъ же о моемъ дѣлѣ, за исполненіе котораго и обѣщала дать ему 100 р., т. е. хобара (взятку). Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ и сталъ заводить знакомство. Я въ то время была молода, мнѣ было только еще 22 года, пусть онъ самъ скажетъ, если это неправда, имѣла большое состояніе: до 35 тысячъ; вѣдь я въ то время могла и лучше его найти. Вѣдь онъ вотъ предъ вами, господа сидитъ, ну, посмотрите на него хорошенько, что же въ немъ особеннаго! (при этомъ г. Пономаревъ поворачивается къ ней спиною. Въ публикѣ сдержанный смѣхъ. Кусенкова плачетъ). Онъ меня погубилъ, онъ меня въ карты проигралъ. Бывало проиграется въ карты, приходитъ ночью ко мнѣ, стучится, проситъ денегъ... я ему никогда не отказывала и когда онъ уже проигралъ все мое состояніе, то я для него уже занимала деньги; сама платила по 5% и выкупала его. Я заплатила за него князю Гагарину 1,400 р. и онъ обѣщалъ на мнѣ жениться, икону со стѣны снималъ — и я вѣрила, а онъ... (плачетъ) онъ меня *снизилъ* со всѣмъ, а далъ клятву, что женится на мнѣ.

Предс. Скажите теперь, подсудимая, не имѣете ли чего объяснить по поводу случившагося въ вашей квартирѣ 7-го мая?

Кусенкова. 7-го мая онъ пришелъ ко мнѣ, и далъ мнѣ вексель, я ему возвратила старый, онъ тутъ же разорвалъ его и закурилъ имъ папиросу. Въ это время я уже была одѣвшия въ бѣлое платье

и собиралась ѡхвать въ домъ графа Лидерса — я тамъ имѣла дѣло — а Пономаревъ сталъ раскладывать пасьянсъ и спрашиваетъ меня: вы скоро возвратитесь, пожалуйста прїѣзжайте поскорѣе. Я говорю: не знаю, — и затѣмъ уѣхала. Возвращаюсь обратно домой и вдругъ встрѣчаю на порогѣ мальчика, вхожу въ комнату — другаго вижу, спрашиваю ихъ, что вамъ угодно, они отвѣчаютъ: насъ позвали; тутъ же явился и приставъ.

Предс. Сколько времени вы отсутствовали? не вѣдъ и вѣдъ
Кусенкова! Должно быть болѣе 1/2 часа.

Предс. Вы чрезъ какую дверь вошли въ комнату: парадную или со двора?

Кусенкова. Чрезъ парадную.

Пред. А Пономаревъ гдѣ находился въ то время?

Кусенкова. Въ комнатѣ. Когда я вошла, начался обыскъ по комодамъ, по кровати — вездѣ (плачетъ). Я дему бывало покупала сигары по 25 р. за сотню... венгерскимъ виномъ его всегда поила — и въ 3 р. бутылка, — въ бутылкѣ будетъ не болѣе пяти рюмочекъ. (За симъ послѣдовала перерывъ засѣданія на одинъ часъ).

По возобновленіи засѣданія, председатель обратился къ подсудимой съ вопросомъ, не желаетъ ли она сказать еще что-нибудь по предмету показаній Пономарева и получивъ отрицательный отвѣтъ, пригласилъ къ допросу бывшего пристава, свидѣтеля Горича, производившаго дознаніе по настоящему дѣлу, напомнивъ ему предварительно о святости, принятой имъ присяги.

Горичъ. Я просилъ бы судъ предварительно прочесть составленный мною актъ по дѣлу, чтобы я въ показаніи своемъ не упустилъ ничего-нибудь.

Предс. Расскажите намъ какъ помните.
Горичъ. Не помню котораго именно числа, изъ перваго полицейскаго участка ко мнѣ подбѣжалъ мальчикъ — фамиліи не помню — и объявилъ, что въ домѣ Духовскаго случилось происшествіе, подробностей котораго онъ не знаетъ, а сказалъ только, что его послалъ какой-то чиновникъ. Взявъ извожника, я вмѣстѣ

съ этимъ мальчикомъ пріѣхалъ въ квартиру Кусенковой, на столѣ стояла жестяная коробка съ свертками и одинъ изъ нихъ былъ пустой. Р. Пономаревъ заявилъ мнѣ, что г-жа Кусенкова его обмощеничала слѣдующимъ образомъ: обѣщала занять ему 2,200 р. золотомъ, что онъ, Пономаревъ, совершилъ на эту сумму вексель у какого-то маклера — фамиліи не помню — пришелъ къ Кусенковой за полученіемъ золота, что Кусенкова взяла отъ него этотъ вексель и дала ему жестяную коробку съ 12 свертками, что онъ просилъ у Кусенковой ножицы или ножикъ, но Кусенкова взяла одинъ изъ свертковъ и ушла въ кухню, возвратившись оттуда, она на порогѣ разрѣзала свертокъ и отдала ножъ кухаркѣ, затѣмъ, Пономаревъ взялъ отъ нея золотыя монеты, изъ числа которыхъ отдалъ Кусенковой въ счетъ долга, и опять таки просилъ ее дать ему ножъ. Кусенкова ушла изъ комнаты и долго не возвращалась; Пономаревъ, видя долгое отсутствіе Кусенковой и не дождавшись ножа, протеръ жестянку свертокъ и увидѣлъ, что въ немъ не золото, а мѣдныя копѣйки; будучи пораженъ этимъ, онъ отворилъ дверь на улицу и позвалъ двухъ мимопроходившихъ молодыхъ людей въ комнату. Затѣмъ я приступилъ къ обыску, тогда когда вы

Прок. При первомъ осмотрѣ свертковъ вы обратили ли вниманіе на тотъ свертокъ, который оставался пустымъ?

Горичъ. Какъ же. Я нашелъ на немъ нитяную петельку, каковой на другихъ мѣсточкахъ не оказалось.

Прок. Кусенкова говорила ли вамъ, что эта жестянка ея?

Горичъ. Этого я не могу припомнить.

Прок. Кусенкова въ первомъ своемъ показаніи говорила вамъ, что она вручила Пономареву всѣ 2,200 р.?

Горичъ. Вотъ это-то и побудило меня обыскать Пономарева, но при немъ оказалась незначительная сумма.

Прок. При обыскѣ въ квартирѣ Кусенковой вы не нашли никакой росписки или векселя?

Горичъ. Ничего не найдено.

Прок. Вы осматривали и платье Кусенковой?

Горичъ. Осматривалъ насколько дозволяло приличіе.

Прок. Когда вы въ первый разъ вошли въ квартиру Кусенковой, то не курилъ ли сигару въ это время Пономаревъ?

Горичъ. Не помню.

Прок. Долго жила Кусенкова въ вашей части?

Горичъ. Около 5 лѣтъ.

Прок. Содержала Кусенкова домъ терпимости?

Горичъ. Этого не могу сказать.

Пон. (Горичу). Когда вы встрѣтили будочника, стоявшаго у квартиры Кусенковой, то вы не спрашивали его ни о чемъ?

Горичъ. Я спросилъ его: что тутъ такое? онъ отвѣтилъ, что пришелъ на шумъ.

Защ. Карманы платья Кусенковой вы осматривали?

Горичъ. Не могу припомнить.

Защ. На вопросъ вашъ, гдѣ вексель, который она получила отъ Пономарева, что Кусенкова отвѣтила?

Горичъ. И этого также не могу припомнить — кажется сказала, что нѣтъ при мнѣ.

Защ. Этого не припоминаете, а какже вы такъ хорошо помните о найденной вами нитяной петелькѣ на разрѣзанномъ мѣшочкѣ?

Горичъ. Я полагаю, что нельзя было пропустить такого существеннаго доказательства.

Защ. Послѣ этого событія вы ѣздили въ Херсонъ и на обратномъ пути видѣлись съ Александровымъ?

Горичъ. Видѣлся.

Защ. Не говорили вы съ нимъ объ этомъ дѣлѣ такъ: сначала я ничего не зналъ, но потомъ узналъ всю подноготную, и теперь убѣжденъ въ невинности Кусенковой?

Горичъ. Если я въ то время говорилъ объ этомъ, то не какъ агентъ полиціи, а какъ частный человѣкъ.

Защ. Понятые, которыхъ вы застали у Кусенковой, были мальчики?

Горичъ. Да, люди молодые, еще несовершеннолѣтніе.

Защ. Но почему же ихъ несовершеннолѣтіе не привело васъ къ мысли пригласить кого-либо изъ жильцовъ этого дома?

Горичъ. Если бы я сталъ собирать свидѣтелей, то далъ бы возможность скрыть слѣды преступленія.

Предс. Пересчитали ли вы свертки?

Горичъ. Кажется пересчиталъ, но не помню, сколько ихъ было.

Предс. Неудобно ли вамъ осмотрѣть эту коробочку со свертками (*Горичъ осматривая ихъ*). Да, это та самая коробка и свертки.

Предс. (*Кусенковой*). Что вы скажете по поводу этихъ погрозъ?

Кусенкова. Вѣроятно г. приставъ не понялъ меня; я сказала ему, что у меня такихъ коробокъ много, а какъ посмотрѣла, что въ ней не табакъ, а что-то другое, то и сказала, что это коробка не моя.

Вызванъ свидѣтель Финкельштейнъ.

Предсѣдатель, напомнивъ ему о святости принятой имъ присяги, предложилъ рассказать, что онъ знаетъ по этому дѣлу.

Финкельштейнъ. Мы вдвоемъ проходили по улицѣ, вдругъ подбѣгаетъ къ намъ какой-то человекъ и проситъ насъ зайти въ комнату. Мы не хотѣли идти, но онъ сталъ просить «господа, не бойтесь, зайдите къ намъ на одну минуточку». Мы вошли, онъ меня сталъ просить, чтобы я сходилъ въ часть и привелъ кого-нибудь. Я пошелъ, а товарищъ мой остался тамъ. Не доходя до части, я увидѣлъ пристава и говорю ему: я имѣю большой секретъ, васъ просили, чтобы вы ѣхали туда; онъ говоритъ, что я уже ѣду туда; потомъ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ, а я пошелъ пѣшкомъ. Прихожу туда, тамъ какая-то дама приходитъ и спрашиваетъ, что мнѣ угодно? Тутъ подошелъ Пономаревъ; дама начала кричать. Приставъ началъ дѣлать обыскъ; потомъ написалъ актъ и насъ туда вписалъ.

Прок. Вы Пономарева знали прежде?

Финк. Никакъ нѣтъ, въ первый разъ увидѣлъ тогда.

Прок. Въ какомъ часу это было?

Финк. Незнаю.

Прок. Вы не припомните ли того, когда вы вошли въ комнату, Пономаревъ курилъ сигару?

Финк. Не припомню.

Прок. Вы видѣли жестянку со свертками, которая стояла на столѣ въ квартирѣ Кусенковой?

Финк. Я видѣлъ эту коробку (показываетъ на вещественное доказательство) и какіе-то сверточки (осматриваетъ коробку).

Прок. Приставъ при васъ производилъ осмотръ?

Финк. При мнѣ обыскивалъ и по комодамъ и по горницамъ — вездѣ.

Прок. Что же приставъ нашелъ какія-нибудь бумаги?

Финк. Нѣтъ.

Прок. При васъ приставъ не спрашивалъ Кусенкову о вѣселяхъ?

Финк. Я слышалъ только, что Кусенкова кричала: вы мнѣ вѣселя перемѣнили!

Защ. Вы сказали, что приставъ вамъ отвѣтилъ «я уже ѣду туда», такъ ли онъ вамъ отвѣтилъ?

Финк. Такъ.

Защ. Прежде чѣмъ приставъ предложилъ вамъ подписать актъ, прочелъ онъ вамъ этотъ актъ?

Финк. Онъ прочиталъ и самъ подписалъ, такъ какъ я писать не умѣю, потомъ вынулъ изъ кошелька рубль и далъ намъ.

Защ. Не давалъ ли вамъ еще вторые деньги послѣ того?

Финк. Черезъ нѣсколько времени я прослышалъ, что меня ищутъ. Сижу я какъ-то разъ въ трактиръ, ко мнѣ подходитъ мальчикъ и говоритъ, что мѣсто есть пригичика у Глинкберга. Я прихожу къ Глинкбергу, онъ взялъ у меня бумагу и велѣлъ навѣдаться. Прихожу я къ нему черезъ 4 дня, онъ даетъ мнѣ рубль и потомъ спрашиваетъ меня, знаю ли я о дѣлѣ Кусенковой — я уже про это давно забылъ — но онъ мнѣ напомнилъ и далъ еще одинъ рубль; потомъ посылаетъ онъ меня къ Пономареву, онъ, говоритъ, поблагодарить васъ за это, но мусье Глинкбергъ все-таки

удерживаетъ мою бумагу, и говоритъ мнѣ, что я долженъ присягать и показывать по дѣлу Кусенковой. Я говорю, почему не такъ, расскажу, какъ было. Потомъ я пошелъ къ Пономареву; они меня заставляли (указываетъ на Пономарева), чтобы я сказалъ, что я не здѣшній и дали 5 р., а потомъ 25 р. я думаю себѣ; слава Богу, хорошій человекъ нашелся, что даетъ деньги.

Защ. И долго Глибергъ держалъ вашу бумагу?

Финк. 8 мѣсяцевъ.

Защ. Что же Глибергъ не предлагалъ вамъ показать и то, чего вы не видѣли у Кусенковой?

Финк. Онъ только говорилъ, что тутъ есть 35 присягателей.

Прок. Вы гдѣ жили постоянно?

Финк. У брата, Житомирской губ., Браулавскаго уѣзда.

Прок. Деньги вамъ давали на какой предметъ?

Финк. На содержаніе.

Пон. Вы приходили ко мнѣ съ братомъ вашимъ?

Финк. Да.

Пон. Что вашъ братъ говорилъ мнѣ?

Финк. Онъ говорилъ, мнѣ кажется, что желаетъ вамъ сказать, что-то по секрету.

Пон. А я ему ничего на это не отвѣчалъ?

Финк. Вы ему отвѣтили: ну, что онъ мной недоволенъ.

Пон. Я съ вами ходилъ къ прокурору?

Финк. Ходили.

Пон. Вы слышали, что я говорилъ съ прокуроромъ?

Пон. (пред.). Я дѣйствительно приходилъ съ Финк. къ т. прокурора Гердзею, и предлагалъ ему деньги на содержаніе Финкельштейна, но Гердзею отказалъ мнѣ въ этомъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого ко мнѣ приходитъ Финк. съ братомъ; послѣдній говоритъ мнѣ, что хочетъ сказать мнѣ что-то по секрету. Я говорю, что секретовъ мнѣ никакихъ не нужно; онъ говоритъ мнѣ: съ васъ нужно вознагражденіе за то, что братъ дастъ показаніе какъ слѣдуетъ; я отвѣчаю ему, что ничего не могу дать. Въ такомъ случаѣ вы будете насъ помнить, сказалъ онъ, — и ушли. Между

тѣмъ съ недѣлю тому назадъ, явился ко мнѣ неизвѣстный и сказалъ, что слышалъ какъ одинъ мѣщанинъ и дамскій портной разговаривали между собою о томъ, что ихъ подкупила Кусенкова дать ложное показаніе. Объ этомъ я заявилъ г. прокурору. Считаю также своевременнымъ заявить о не точности показанія Финкельш. о томъ, что приставъ Горичъ будто бы хорошо знаетъ о случившемся и сказалъ ему: я знаю, я уже ѣду туда.

Пред. Г. Горичъ! вы всё слышали неточность показаній Финкельштейна?

Гор. Да, слышалъ (обращаясь къ Финк.). Вы подбѣжали ко мнѣ и сказали, что въ домѣ Д. случилось происшествіе. Я съѣлъ на дрожки вмѣстѣ съ вами и поѣхалъ, но что, — какъ я отвѣтилъ на ваши слова?

Фин. Ну вотъ я уже ѣду туда.

Прок. Считаю необходимымъ заявить гг. присяжнымъ засѣдателямъ, что если къ словамъ, «поѣду туда» или «ѣду туда» прибавить слово «уже» то они конечно получаютъ другое значеніе; но свидѣтель не могъ съ точностью припомнить сказанныя имъ въ то время слова, такъ какъ дѣло происходило еще 7 мая 68 г.

Защ. Я съ своей стороны также прошу гг. присяжныхъ засѣдателей удержать въ памяти, что Гликбертъ отыскалъ Финкельштейна, что онъ же два раза далъ ему по одному рублю, что Гликбертъ отправилъ его къ Пономареву, что приставъ Горичъ также далъ ему рубль и наконецъ, что Пономаревъ нѣсколько разъ давалъ ему деньги.

Пон. Надобно спросить у пристава для какой надобности онъ далъ ему этотъ рубль (Горичу). Вы при комъ дали Финкельштейну рубль?

Горичъ. Я далъ кажется при всѣхъ, кто былъ въ комнатѣ и далъ потому, чтобы эти люди на будущее время не боялись приглашеній полицейскаго чиновника, въ случаѣ надобности.

Предс. (Финк.). Когда вы пришли въ квартиру Кусенковой, вы застали тамъ Кусенкову?

Финк. Кусенкова вошла вслѣдъ за мной и спросила, что мнѣ

угодно, и потому сначала кричать, а зачѣмъ напустили столько народа?

Предс. Подсудимая, что вы можете сказать по поводу этихъ показаній?

Кус. Я была въ домѣ Лидерса и вошла съ параднаго хода. Тутъ я встрѣтила мальчика и спросила, что ему нужно, а велѣдъ за нимъ явился и приставъ.

Предс. Приглашенъ къ допросу экспертъ Спиро.

Спиро (подходя къ столу, на которомъ лежала жестянка съ свертками). Мнѣ только извѣстно, что я сравнивала кусокъ полотна и нашель, что оно одного качества съ мѣшочками.

Прок. Вы свидѣствуете только по качеству или и о томъ, что оно взято изъ одного куска?

Спиро. И въ одномъ кускѣ бываетъ разное полотно, потому то трудно опредѣлить, и я удостовѣряю, что полотно этой той-же доброты. Засимъ вызвана *М. Кончина*, по отцу Карпенкова.

Кончина. Я служила у Кусенковой кухаркой 10 лѣтъ. Она мнѣ давала размѣнять на базарѣ 3 р. — на одинъ р. купить провизіи, а два размѣнять на копѣйки, и когда я мѣняла эти 3 р., то торговки говорили: «видно барыня ваша добродушная, что отдаетъ бѣднымъ копѣйки».

Предс. Когда это было?

Конч. Послѣ пасхи.

Предс. Вы знаете эти вещи?

Конч. (осматривая жестянку). Этотъ ящикъ я знаю еще когда только занималась къ Кусенковой, то видѣла его въ нижнемъ комодѣ съ бумагами.

Прок. Вы знали, что Пономаревъ ходилъ къ Кусенковой?

Конч. Какъ не знать.

Прок. Что вамъ говорила Кусенкова въ тотъ день, когда у васъ была полиція?

Конч. Она вошла въ кухню и сказала мнѣ, что когда придетъ Пономаревъ, то чтобы я двери не давала отворить другой женщинѣ, а будетъ звать меня въ комнату, чтобы я не выходила

и ножика не подавала бы. Когда уже пришел Пономаревъ, то Кусенкова вошла въ кухню, взяла у меня ножикъ, разрѣзала что-то и ушла въ комнату.

Прок. Что она вамъ возвратила ножъ?

Конч. Не помню. Потомъ опять вошла въ кухню и дала мнѣ поддержать узелокъ, а чрезъ нѣсколько минутъ вбѣжала опять въ кухню, выхватила у меня узелокъ и вышла въ дверь; потомъ входитъ и спрашиваетъ, что Пономаревъ здѣсь? я говорю: здѣсь. Она говоритъ: поиди, скажи ему, чтобы онъ убирался къ чорту, а сама все-таки нейдетъ въ комнату. Вдругъ слышу я отворяются двери и Пономаревъ зоветъ кого-то съ улицы; вижу два человѣка входятъ въ комнату. Пономаревъ сказалъ мнѣ: Марья, будь и ты свидѣтельницей. Кусенкова и говоритъ мнѣ: дай мнѣ скорѣе одѣться, я уйду изъ дому. Черезъ нѣсколько минутъ и обыскъ начался.

Прок. Нашли при обыскѣ какія-либо бумаги?

Конч. Не знаю.

Прок. Не видѣли ли вы какъ Кусенкова шила мѣшочки?

Конч. Видѣла и холсты, а же покупала.

Пон. Не помните ли, какъ было дѣло при второмъ обыскѣ у Кусенковой?

Конч. Не помню, а я знаю только то, что Кусенкова дала мнѣ кусочекъ полотна, который я и спрятала въ башмакъ.

Пон. А послѣ того вы не видѣлись съ Кусенковой?

Конч. Ея сестра ко мнѣ приходила, давала мнѣ разныя награжденія за то, чтобы я отказалась показывать объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ ея жизнь въ твоихъ рукахъ, говорила она. Я сказала, что буду показывать, какъ знаю, а она говоритъ: ужь если такъ, то ты будешь насъ помнить. Чрезъ нѣсколько дней является ко мнѣ Кусенкова съ приставомъ, двумя солдатами и два постороннихъ человѣка и говоритъ, что я будто бы ее обворовала, начали обыскивать мой сундукъ и нашли тѣ вещи, которыя она мнѣ дарила, но Кусенкова сказала, что не дарила мнѣ ничего. Меня взяли въ 3 часть и посадили въ холодную.

Конч. Въ холодную была одѣта въ...

Защ. Въ день событія, 7-го май, когда Пономаревъ отворилъ дверь на улицу, вы тотчасъ же вышли къ нему?

Конч. Услыхала и вышла въ переднюю и увидѣла двухъ постороннихъ людей, которыхъ Пономаревъ приглашалъ въ комнату.

Защ. Не приглашалъ ли въ то время Пономаревъ и васъ быть свидѣтельницами?

Конч. Да, когда я вышла и увидѣла ихъ у елѣвскихъ оконъ.

Защ. Но почему же вы не согласились быть свидѣтельницами и не полюбопытствовали даже спросить: въ чемъ же быть свидѣтельницами?

Конч. Я не обратила на это вниманія.

Защ. Отчего вы не рассказали приставу о томъ, что вамъ известно было про мѣшочки?

Конч. Кусенкова просила меня, чтобы я сказала, что ничего не знаю.

Защ. Когда она просила васъ объ этомъ?

Конч. Того же дня по утру.

Защ. Но на предварительномъ слѣдствіи вы показали, что она просила васъ о томъ за два дня до слѣдствія?

Конч. Кажется, по утру въ тотъ же день, а можетъ быть и прежде, не помню хорошо.

Защ. Кто писалъ ваше показаніе, которое давали вы у судебного судебного слѣдователя?

Конч. Незвѣстный мнѣ человекъ, котораго мой мужъ отыскалъ въ квартирѣ.

Защ. Что Кусенкова была для васъ добрая барыня?

Конч. Ни добрая, ни худая.

Защ. Платно, которое вамъ дала Кусенкова и которое вы спрятали въ башмакъ, куда вы его дѣвали?

Конч. Отдала мужу на портянки.

Защ. Пономаревъ былъ къ вамъ хорошъ?

Конч. А кто его знаетъ, хорошъ онъ или нѣтъ; еслибы онъ былъ мой баринъ, а то придетъ и уйдетъ и я не имѣла съ нимъ никакихъ дѣлъ.

Защ. Вамъ предлагала Кусенкова спать мѣшочки?

Конч. Да, предлагала, но такъ какъ тогда было воскресенье, то я и отказалась работать.

Пон. Въ день событія 7-го мая, въ какомъ платьѣ была г. Кусенкова?

Конч. Она была зашнурована въ бѣлой юбкѣ и въ маленькой черной пелериночкѣ.

Предс. Подсудимая, что вы скажете по поводу этого показанія?

Кусенкова. Ничего.

Вызванъ Н. Кончинъ (мужъ М. Кончиной).

Н. Кончинъ. Къ намъ приходила сестра Кусенковой Олимпиада и предлагала мнѣ деньги, чтобы открыть лавочку и приглашала меня къ себѣ и просила, чтобы я съ женой измѣнили показаніе, но я не согласился. Когда Кусенкова вышла на поруки, то она обвинила жену мою въ воровствѣ у нея вещей; жену мою арестовали за это, — а на меня сказала, что я живу безъ документа.

Пон. Ваша жена дала вамъ какое-нибудь полотно?

Н. Конч. Да, вотъ оно (вынимаетъ изъ пальто кусокъ полотна), она дала его мнѣ на портянки.

Пон. И долго вы носили это полотно?

Н. Конч. Цѣлое лѣто, а потомъ пересталъ носить, такъ какъ сказали мнѣ, что его когда-нибудь спросятъ у меня.

Подсудимая не возражала.

Свидѣтельница Ф. Кончина. Я жила у г. Кусенковой горничной 2 года. Происшествіе это случилось при мнѣ. Когда еще Пономарева не было, Кусенкова приказывала мнѣ и сестрѣ моей, чтобы мы не отворяли дверей Пономареву, потомъ она сказала сестрѣ: Маша, когда я буду тебя звать въ комнату, ты неиди. Потомъ Кусенкова пришла въ кухню и спрашиваетъ Машу: здѣсь Пономаревъ? Маша говоритъ: здѣсь. Такъ поди скажи ему, чтобы онъ убирался къ чорту.

Прок. Въ какомъ платьѣ была Кусенкова?

Ф. Конч. По домашнему была одѣвшияся.

Предс. Подсудимая, что вы скажите по поводу этих показаний?

Кусенкова. Она у меня въ то время уже не жила.

Вызванъ свидѣтель Картамышевъ.
Картамышевъ. Мнѣ только извѣстно по этому дѣлу, что Пономаревъ совершилъ у меня вексель, а какъ онъ деньги получалъ, я не знаю.

Прок. Въ какомъ часу это было?

Карт. Отъ 10 до 12.

Заш. Послѣ отдачи векселя Пономареву у васъ была Кусенкова?

Карт. Да, была.

Заш. Не говорила ли вамъ Кусенкова, въ замѣнъ ли денегъ получила она вексель отъ Пономарева или въ замѣнъ стараго векселя его же, Пономарева?

Карт. Не помню, такъ какъ это было очень давно.

Заш. Въ такомъ случаѣ мнѣ остается просить судъ о прочтеніи показанія Картамышева.

Прок. Что она вообще вамъ говорила?

Карт. Ничего положительно не помню.

Судъ постановилъ прочесть показаніе Картамышева (секретарь читаетъ):

1868 г. мая 26 дня и. д. судебного слѣдователя 2 участка Одесскаго градоначальства допрашивалъ нижепоименованнаго, который по выполненіи присяги показалъ: зовутъ меня Николай Бонифатьевъ Картамышевъ, 39 лѣтъ, отставной титулярный совѣтникъ, вѣры православной, обряды выполняю, подъ судомъ не былъ, имѣю маклерскую контору, которая помѣщается на Почтовой улицѣ, 1 части, въ домѣ чиновника Зубковскаго; далѣе поясняю: 7 мая 1868 г. я черезъ сторожа банковской конторы получилъ отъ кол. ассес. Н. И. Пономарева записку и денегъ 6 р., въ той запискѣ Пономаревъ просилъ меня изготовить къ 11 ч. утра отъ его имени, на имя одесской Купчихи Ольги Кусенковой вексель на сумму 2200 р., срокамъ по предъявленію, а въ 11 ч.

утра онъ, Пономаревъ, пришелъ въ мою контору, какъ я припоминаю, не позже 11 часовъ съ четвертью. Затѣмъ получивши отъ меня вексель и росписавшись въ книгѣ, ушелъ изъ моей конторы. Въ тотъ же день вечеромъ я узналъ, что въ 2 часа по полудни, когда меня не было въ конторѣ, Пономаревъ заходилъ въ мою контору, но зачѣмъ мнѣ неизвѣстно. Не помню когда, но на другой или третій день послѣ того Кусенкова была у меня въ конторѣ и сказала мнѣ, что при полученіи отъ Пономарева векселя на сумму 2200 р. ею выданы были векселя Пономареву на гораздо большую сумму, которые онъ въ ея квартирѣ и сжегъ. Болѣе по этому дѣлу мнѣ ничего неизвѣстно.

Прок. Такъ вамъ говорила Кусенькова?

Кар. Такъ, теперь только припоминаю.

Защ. Прошу васъ, гг. присяжные, удержать въ памяти, что г. Картамышевъ свидѣтельствовалъ при предварительномъ слѣдствіи и теперь подтверждаетъ, что Кусенкова въ день событія 7-го мая была у него и говорила, что Пономаревъ выдалъ ей вексель въ замѣнъ стараго ея же векселя, на большую сумму.

Пон. О векселяхъ сказано во множественномъ числѣ. (Подсудимая не возражала).

Былъ вызванъ экспертъ Могулицкій, который не былъ спрошенъ вслѣдъ за экспертомъ Спири, вслѣдствіе отлучки его, (подходить къ столу и осматриваетъ полотно). Я подтверждаю, что полотно одного качества.

Прок. Можетъ быть оно отъ одного куска?

Экспертъ. Это трудно опредѣлить, такъ какъ въ одномъ кускѣ бываетъ разное полотно, хотя и имѣть одно качество.

Былъ приглашенъ свидѣтель Шестопаль.

Шестопаль. Я раздавалъ на фабрикѣ табакъ; вбѣгаетъ Энта Гликбергъ и даетъ мнѣ подержать платочекъ, развернулъ я, посмотрѣлъ, тамъ золото и вексель. Выхожу я на дворъ, встрѣчается мнѣ Гликбергъ; я говорю ему: у меня есть золото, а онъ говоритъ: какое тамъ у тебя золото — да еще и выругалъ при этомъ.

Защ. Когда вы взяли платокъ отъ Энты, то что вы сдѣлали съ нимъ?

Шест. Развернулъ и увидѣлъ въ немъ вексель и червонцы.

Защ. Куда же потомъ вы дѣвали этотъ платокъ?

Шест. Отдалъ Кусенковой!

Защ. Почему же вы узнали, что платокъ этотъ принадлежитъ Кусенковой?

Шест. Энта пришла ко мнѣ во второй разъ и сказала, что это платокъ Кусенковой?

Защ. Кусенкова предлагала вамъ деньги за эту услугу?

Шест. Предлагала за то, чтобы я сказалъ, что ничего не знаю.

Защ. Показаніе свидѣтеля Шестопаля противорѣчитъ съ показаніемъ данномъ имъ при предварительномъ слѣдствіи и потому покорнѣйше прошу прочесть прежнее его показаніе.

Предс. Въ чемъ вы находите разнорѣчіе?

Защ. Въ томъ, что въ то время, когда Э. Гликбергъ принесла ему платокъ—онъ раздавалъ табакъ мастеровымъ, и это самое воспрепятствовало ему тотчасъ развернуть этотъ платокъ, и онъ при предварительномъ слѣдствіи сказалъ, что онъ ошупалъ этотъ платокъ и надавивъ понялъ, что въ немъ есть золото, но о томъ, что онъ развязывалъ его не говорилъ. Далѣе, онъ теперь говорить, что отдалъ платокъ Кусенковой и что она предлагала ему деньги будто-бы за то, чтобы онъ показалъ въ ея пользу, но въ показаніи данномъ имъ при предварительномъ слѣдствіи сказано, что она предлагала ему 50 к. за услугу, но онъ отказался принять ихъ.

Предс. Вы видѣли, въ чемъ были завернуты эти золотыя монеты?

Шест. Они были въ кускѣ полотна.

Предс. Судь постановилъ прочесть показаніе Шестопаля (секретарь читаетъ).

«1868 г. мая 28 дня и д. судебного слѣдователя 2 участка, одесскаго градоначальства, допрашивалъ нижепоименованнаго, ко-

торый по выполненіи присяги, показалъ слѣдующее: зовутъ меня Семонъ Ицковъ Шестопаль, 19 лѣтъ, одесскій мѣщанинъ, вѣры еврейской, мало грамотенъ, подъ судомъ не былъ, служу старшимъ пригасникомъ въ табачной фабрикѣ Гликберга, которая помѣщается въ домѣ Даховскаго. Далѣе поясняю: не помню именно когда, но знаю, что это случилось въ тотъ день, когда приставъ дѣлалъ въ квартирѣ Кусенковой обыскъ, я находился въ табачной фабрикѣ и раздавая мастерамъ листовой табакъ увидѣлъ, что вошла въ фабрику дочь хозяйки Энта, которая встрѣтивъ меня возлѣ вѣсовъ, отдавая мнѣ что-то завероченное въ бѣломъ платочкѣ сказала: на, поддержи, а сама тотчасъ ушла. Не имѣя времени посмотреть, что было въ платочкѣ, я положилъ его въ карманъ и продолжалъ раздавать табакъ. Когда кончилъ работу, я почувствовалъ, въ карманѣ что-то тяжелое; я вспомнилъ, что это мнѣ Энта принесла, вынулъ изъ кармана платочекъ и сталъ его ощупывать, чтобъ узнать, что тамъ такое, и когда такимъ образомъ давилъ, то и предположилъ, что тамъ должны быть бумаги и деньги, и притомъ золотые, какъ я судилъ по тяжести, но все-жъ таки я еще не разворотилъ было еще платочка; я вышелъ съ нимъ изъ фабрики на дворъ, гдѣ встрѣтилъ М. Гликберга и сказалъ ему шутя, что у меня золото; онъ при томъ вѣроятно предполагая, что я вру или шучу, смѣясь, отвѣтилъ: «. . .», а не золото, гдѣ у меня могло взяться золото. Оттуда я опять вернулся въ фабрику, куда вскорѣ вошла и Энта, которая между прочимъ объявила мнѣ, что платочекъ тотъ дала ей поддержать Оля (Кусенкова). Послѣ того опять я вышелъ изъ фабрики на дворъ, гдѣ встрѣтилъ Ольгу Кусенкову, и Энта, которая также со мной была, вышла и сказала мнѣ: «отдай этотъ платочекъ Олѣ». Я отдалъ; Оля вошла къ себѣ въ кухню, я за нею и говорю ей: если тамъ дѣйствительно деньги, то пересчитайте и узнайте, всѣ ли? Оля при мнѣ развернула платочекъ, причемъ я увидѣлъ, что въ немъ былъ вексель и два свертка, длиною почти въ палецъ, сдѣланные, сколько я могъ замѣтить, изъ бѣлаго холста и когда при мнѣ Оля разрѣзала одинъ изъ свертковъ, то оказалось, что въ немъ были деньги

золотые. Оля стала пересчитывать и при мнѣ насчитала 18 штукъ золотыхъ монетъ; затѣмъ сообщила, что вексель тотъ она взяла отъ Пономарева на 2200 р., но векселя я не читалъ, потому она изъ того же платочка достала другой свертокъ и отдавая его бывшей тамъ вмѣстѣ сестрѣ своей, сказала: вотъ тебѣ подарокъ! Сестра ея бывшая притомъ, когда Оля пересчитывала золото, вѣроятно предположила, что и въ томъ сверткѣ золото и потому стала очень рада, но Оля, замѣтивши то, сказала: не радуйся, тамъ мѣдь, а не золото, сходимъ въ баню за эти деньги. Сестра Кусенковой разрѣзала этотъ свертокъ тогда же, и оказалось, когда пересчитала, что тамъ было 25 к. мѣдныхъ. Затѣмъ Оля Кусенкова, продолжая разговаривать о Пономаревѣ, между прочимъ сказала: довольно онъ моей крови напился, надула, наконецъ, я его; но она не объяснила, какъ надула его. Потомъ, обратившись ко мнѣ сказала: на тебѣ 50 к., а если Господь дастъ, что я дѣло свое окончу, то дамъ тебѣ 10 р. Мнѣ не надо сказалъ я и ушелъ. Спустя дня кажется, два Кусенкова звала меня къ себѣ чрезъ одну изъ своихъ служанокъ, но чрезъ кого именно не помню, и сказала мнѣ, что если меня спросятъ о платочекъ и сверткахъ, то чтобы я отвѣчалъ что ничего не знаю, и если я такъ буду говорить, то она за это дастъ мнѣ 25 р., которыя она заблаговременно отдастъ за руки кому-либо, я нѣ отвѣчалъ: 25 р. мнѣ не надо, и что если меня спросятъ, то я буду знать, что отвѣчать, и ушелъ отъ нея.

Зам. Итакъ, гг. присяжные засѣдатели, вы видите, что показаніе, данное свидѣтелемъ Шестопаломъ здѣсь предъ вами противорѣчитъ показанію, данному при предварительномъ слѣдствіи. Здѣсь онъ сказалъ, что развернулъ платокъ и увидѣлъ золото, при предварительномъ слѣдствіи говорилъ, что ошупалъ платокъ, надавилъ его и такимъ образомъ догадался, что въ немъ золото. Далѣе, Шестопалъ показалъ, что онъ пришелъ къ Кусенковой, что Кусенкова развязала при мнѣ платокъ и мѣшочки и что въ одномъ изъ нихъ оказались золотыя монеты, а въ другомъ мѣдныя. Все гг. присяжные засѣдатели, я прошу васъ удержать въ памяти.

Подсудимая не возражала.

За симъ была вызвана свидѣтельница Энта Гликбергъ, которая заявила, что не можетъ говорить по русски и потому на всѣ вопросы отвѣчала чрезъ переводчика. Предсѣдатель внушилъ ей важное значеніе принятой ею присяги и слова эти были переданы ей переводчикомъ, послѣ чего она начала объяснять переводчику по еврейски.

Перев. Энта Г. говоритъ, что Кусенкова дала ей бѣлый узелокъ съ мѣшочками и просила его спрятать. (Э. Г. продолжаетъ).

Перев. Потомъ Энта Г. узнавъ, что въ домѣ совершился обыскъ, вбѣжала въ фабрику и отдала этотъ узелокъ мастеру Шестополу.

Прок. Спрашивала васъ Кусенкова о томъ, кому вы отдали этотъ узелокъ?

Перев. Нѣтъ, не спрашивала.

Прок. Вы обратно взяли этотъ узелокъ отъ Шмуля?

Перев. Она говоритъ, что не обращалась къ нему за узелкомъ, и что онъ самъ возвратилъ его Кусенковой.

Прок. А говорила свидѣтельница Шестополу, кому принадлежитъ этотъ узелокъ?

Перев. Она сказала ему: вотъ Кусенкова передала мнѣ, бери это!

Подсудимая не возражала.

Вызвана свидѣтельница Біязи.

Біязи. За нѣсколько времени до событія 7-го мая, ко мнѣ приходила Кусенкова и всегда выхвалялась тамъ; вы будете видѣть, что я сдѣлаю Пономареву; я говорю ей, что для меня это нисколько не интересно знать, что вы ему сдѣлаете. Потомъ, когда отъ меня возвращался мой племянникъ Ник. Джано, Кусенкова встрѣтилась съ нимъ и просила размѣнять ей въ казначействѣ 3 р. на копѣйки. Джано взялся исполнить ея просьбу, но на другой день возвратилъ ей обратно не размѣнянныхъ имъ 3 р. и сказалъ мнѣ объ этомъ: вотъ ваша сосѣдка, говоритъ онъ, дала мнѣ размѣнять 3 р., но я возвратилъ ей обратно, такъ какъ не хочу быть ея лакеемъ.

Прошло нѣсколько времени. У Кусенковой случилось происше-

ствие по поводу копеекъ: я разсказала объ этомъ Джано, и онъ отвѣтилъ на это: хорошо, что я не размѣнялъ этихъ 3 р. отъ васъ.

Заш. Вы подавали приставу объявленіе съ просьбою оградить васъ отъ угрозъ Кусенковой?

Бязи. Письменнаго заявленія я не подавала, а просила объ этомъ слѣдователя.

Заш. Вамъ показалось, что Кусенкова осуществить свои угрозы?

Бязи. Я такъ полагаю.

Подсудимая не возражала.

За симъ была приглашена къ допросу свидѣтельница М. Уцъ.

Уцъ. За мѣсяць до этого происшествія Кусенкова собиралась ѣхать за границу, но потомъ перемѣнила это намѣреніе и хотѣла ѣхать въ Москву; За нѣсколько же дней до происшествія Кусенкова входитъ ко мнѣ въ комнату—я пила въ то время кофе—перебрасывая изъ рукъ въ руки золотыя монеты и говоритъ мнѣ: посмотрите-ка, какіе стерлиги, я взяла въ руки посчитала ихъ—не помню сколько 25 или 27. Черезъ два дня случилось происшествіе. Передъ этимъ рано утромъ Кусенкова вошла ко мнѣ въ комнату—я еще была въ постели, она говоритъ: а, говоритъ, вы еще не вставали! вставайте, будемъ чай пить! да, вы знаете ли еще что, мою Машу надули на 50 к. Потомъ входитъ Маша, она обращается къ ней «а что, Маша, тебя надули полотномъ». Я думаю, что это такое за пантомины! но наконецъ, Маша послѣ мнѣ разсказала все подробно, что Кусенкова давала 3 р. на базаръ; на рубль велѣла купить провизіи, а два рубля размѣнять на копейки, что потомъ послала ее же покупать полотно для мѣшечковъ и такъ, кажется, ее надули на 50 к. Наконецъ, въ этотъ же день Кусенкова вошла ко мнѣ въ комнату вся раскрасѣвшаяся, взволнованная и сказала, что ей удалось таки надуть Пономарева.

Заш. Отчего вы все то, что разсказываете здѣсь не разсказали судебному слѣдователю?

Уцъ. Тогда я растерялась.

Заш. Послѣ дачи показаній слѣдователю, не было ли у васъ неудовольствія съ Кусенковой?

Уиз. Было.

Заш. По какому поводу было это неудовольствие?

Уиз. Не помню по какому поводу, но только довольно крупное неудовольствие?

Заш. Вы были въ то время дома, когда Кусенкова была приведена въ свою квартиру двумя рядовыми?

Уиз. Она постоянно приходила съ солдатами и не одинъ разъ.

Заш. Вотъ въ одинъ изъ этихъ разовъ ея прихода не говорили ли вы ей о томъ, кто именно писалъ показаніе кухарки М. Кончиной?

Уиз. Никогда.

Заш. Вы подавали заявленіе слѣдователю съ просьбою оградить васъ отъ угрозъ Кусенковой?

Уиз. Да.

Заш. Вы были на очной ставкѣ съ рядовыми, о которыхъ я говорилъ?

Уиз. Была.

Заш. Не уличали ли они васъ въ томъ, что вы говорили, что показаніе М. Кончиной было написано Гликбергомъ?

Уиз. Никогда я этого не говорила, я ложно никогда не показывала.

Заш. Вы часто видѣлись съ Пономаревымъ?

Уиз. Раза два видѣла, не больше.

Заш. Вы всякій разъ записывали, когда вамъ приходилось видѣть Пономарева?

Уиз. Зачѣмъ же записывать, я вамъ сказывала, что видѣла два раза; одинъ разъ видѣла его въ Ланжеронѣ....

Предс. Подсудимая, что вы имѣете сказать?

Кусен. Ни въ одномъ словѣ, ни на одинъ волосъ нѣтъ правды. Больше ничего.

Свид. Джано. Кусенкова просила меня размѣнять 3 р. въ одесскомъ казначействѣ, я взялся исполнить это порученіе, но за всѣмъ тѣмъ, чувствуя для себя унижительнымъ подобное порученіе, я на другой же, кажется, день возвратилъ ей эти 3 р. говоря, что въ казначействѣ таковыхъ денегъ нѣтъ!

Защ. Вы часто посѣщали Кусенкову?

Джано. Очень рѣдко.

Защ. Вы поправляли ей часы?

Джано. Не поправлялъ, а свѣрялъ иногда.

Защ. Не помните ли на какую причину, побудившую васъ отъ казаться отъ размѣна 3-хъ р. вы сослались на предварительномъ слѣдствіи?

Джано. Кажется я такъ и сказалъ, что такихъ денегъ въ казначействѣ нѣтъ.

Защ. Не говорили ли вы, что возвратили 3 р. изъ сомнѣнія, что она говорила очень часто объ отмщеніи Пономареву?

Джано. Кажется, нѣтъ.

Защ. Вы какъ мастеровой посѣщали Кусенкову или какъ знакомый?

Джано. Какъ знакомый.

(Перерывъ засѣданія на $\frac{1}{2}$ часа).

По возобновленіи засѣданія былъ вызванъ свидѣтель Футранъ.

Футранъ. Я видѣлъ, когда Кусенкова приходила въ банкъ и спрашивала какъ по курсу принимаютъ золото—ей сказали по 7 р. 32 к. и когда она вышла оттуда я подошелъ къ ней и предлагалъ по 7 р. 33 к. но она ничего не отвѣтила мнѣ и подошла къ Артемьеву. Золото я у нея не видѣлъ, а видѣлъ, что она держала въ рукахъ бѣлый узелокъ.

Подс. Кусенкова. Я держала въ рукахъ платокъ и приходила въ банкъ за тѣмъ, чтобы купить золото, такъ какъ оно нужно было мнѣ самой.

Свид. Бенеръ. Зонштейнъ, Школьниковъ, Вейнбергъ показали то же, что и Футранъ.

Стороны вопросовъ не предлагали, и подсудимая не возражала.

Свид. Артемьевъ (заикаясь). Пономаревъ просилъ меня сходить къ Кусенковой, которая присылала за нимъ въ контору. Прихожу я къ ней—это было въ послѣднихъ числахъ февраля—она объявила мнѣ, что желаетъ покончить съ Пономаревымъ какіе-то денежные расчеты. Я передалъ объ этомъ Пономареву и мы вмѣстѣ отправились къ Кусенковой; когда пришли къ ней, то она сказала Понома-

реву, что требовала его для того, чтобы покончить съ нимъ денежныя расчеты. Пономаревъ же отвѣтилъ, что расчетъ оконченъ и онъ остался ей должнымъ только 1200 р. Кусенкова также подтвердила эту цифру, но вмѣстѣ съ тѣмъ стала упрекать Пономарева, что за прежнія отношенія не заплатилъ ей ничего. Пономаревъ отвѣтилъ на это, что передъ свадьбой своею онъ подарилъ ей чистыми деньгами 500 р., Кусенкова же начала говорить, что Пономаревъ у нея часто обѣдалъ, чай пилъ, что она однимъ словомъ, поила его и кормила. Пономаревъ отвѣтилъ ей, что если онъ жилъ у меня и обѣдалъ, въ теченіе всего ихъ знакомства развѣ сто, то онъ заплатилъ ей за эти обѣды развѣ въ 10—но она продолжала ругаться и Пономаревъ далъ ей 500 р. и чтобы совсѣмъ отдѣлаться отъ нея, Пономаревъ сказалъ, что еще дастъ ей 100 р., чтобы она не имѣла права попрекать ему болѣе за обѣды. Кусенкова стала требовать, чтобы онъ далъ ей 1000 р., но Пономаревъ объявилъ, что денегъ у него нѣтъ, а что онъ можетъ дать ей вексель и не иначе, какъ съ условіемъ заплатить по немъ въпродолженіе двухъ лѣтъ. Кусенкова не соглашалась, но потомъ согласилась принять вексель. Я также былъ долженъ Кусенковой 200 р. Мѣсяца черезъ полтора послѣ того, какъ мы были у Кусенковой, Пономаревъ объявилъ мнѣ, что мой долгъ 200 р. онъ принялъ на себя. Затѣмъ 6 октября Кусенкова приходила въ контору банка и предлагала нѣкоторымъ мѣняламъ банка купить у нея англійскіе соверны. Курсъ на нихъ въ то время былъ 7 р. 32 к., но мѣняльщики давали его болѣе и она еще говорила мнѣ, что золото ей не выгодно продавать по этому курсу.

Защ. Вы давно знакомы съ Пономаревымъ?

Арт. Лѣтъ 8—9.

Защ. Въ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ?

Арт. Какъ вамъ сказать, не то, чтобы въ близкихъ, а знакомы, такъ какъ служили вмѣстѣ въ банкѣ: онъ былъ секретаремъ, а я помощникомъ. Я зналъ его за человѣка честнаго.

Защ. Отчего вы при предварительномъ слѣдствіи не говорили о 500 р., которые, по словамъ вашимъ, Пономаревъ будто бы подарилъ Кусенковой?

Арт. Слѣдователь не предлагалъ мнѣ этого вопроса.

Кусенкова. Пономаревъ и Артемьевъ всякій день у меня обѣдали — это два друга, которые не могутъ обойтись одинъ безъ другаго и одинъ за другаго готовы въ огонь и въ воду. Былъ вызванъ свидѣтель М. Гликбергъ.

Гликбергъ. Въ день событія вечеромъ я пришелъ домой и засталъ тамъ Кусенкову, которая мнѣ хвалилась, что успѣла обмануть Пономарева тѣмъ, что дала ему вмѣсто золота мѣдныя копѣйки и взяла съ него вексель на 2,200 р. по предъявленіи, и говорила, что въ скоромъ времени предъявить ко взысканію. Болѣе ничего не могу припомнить за давностію времени.

Поном. А до этого времени не было ни съ кѣмъ разговоровъ по этому предмету?

Гликб. Нашъ крошчикъ Шестопаль говорилъ мнѣ, встрѣтившись на дворѣ, что у него есть золото въ карманѣ.

Поном. А племянница ваша Энта не говорила вамъ ничего?

Гликб. Она говорила, что Кусенкова передала ей какой-то узелокъ.

Защ. Что вы никому не рассказывали, какимъ образомъ случилось происшествіе?

Гликб. Да, дѣйствительно, рассказывалъ.

Защ. Не приходили ли вы въ банкъ къ чиновнику Крыжановскому?

Гликб. Нѣтъ.

Защ. И не говорили ему чтобы онъ передалъ Пономареву, что вы можете свидѣтельствовать по этому дѣлу.

Гликб. Нѣтъ.

Защ. Значитъ вы были вызваны не по ссылкѣ Пономарева къ присягѣ?

Гликб. Нѣтъ. До присяги я говорилъ, что ничего не знаю, чтобы избѣгнуть этого?

Защ. Вы видѣлись съ Кусенковой, когда она приходила съ двумя солдатами въ свою квартиру?

Гликб. Когда ее приводили на квартиру, то я постоянно

уходилъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ нею, потому что она постоянно ругалась, называла меня воромъ.

Защ. Не отвѣчали ли вы на ея руганье, что вы хотите такъ показать и показали, и что вы первый присягнули ложно, а за вами всѣ?

Гликб. Нѣтъ, этого я не говорилъ, хотя и говорятъ эти два солдата, что я говорилъ это, но я увѣренъ, что если бы спросить ихъ здѣсь, то они не узнали бы меня теперь, а это много значитъ.

Защ. Отъ кого вы узнали, что у мужа Кончиной есть портянки, изъ которыхъ дѣлались мѣшочки?

Гликб. Онъ мнѣ самъ сказалъ объ этомъ.

Защ. Что васъ побудило заявить объ этомъ слѣдователю, желаніе раскрыть истину?

Гликб. Нѣтъ, меня побудило то, что противъ меня говорили солдаты, что я будто-бы разговаривалъ съ Кусенковою съ своего балкона, а между прочимъ балконы отъ того мѣста, гдѣ могла стоять Кусенкова были на разстояніи 60 шаговъ и потому никто не могъ слышать моихъ словъ.

Защ. Что же, судебный слѣдователь измѣрялъ это разстояніе?

Гликб. Нѣтъ.

Защ. Вы знаете Финкельштейна?

Гликб. Знаю.

Защ. Вы были у него когда нибудь?

Гликб. Онъ былъ у меня и просилъ мѣста, но я отказалъ ему.

Защ. А видъ его на жительство, вы не брали у него?

Гликб. Взялъ мой племянникъ.

Защ. И долго продержалъ онъ эту бумагу?

Гликб. Кажется мѣсяць, такъ какъ онъ не явился за бумагою.

Защ. Вы денегъ ему не давали?

Гликб. Далъ 3 р., потому что онъ началъ плакать, говоря, что онъ человѣкъ бѣдный.

Защ. И больше не давали?

Гликб. Нѣтъ.

Защ. Вы посылали его къ Пономареву?

Гликб. Нѣтъ.

Защ. Вы были должны банку во время этого событія?

Гликб. Былъ долженъ не за себя, а какъ поручитель.

Защ. Какую разсрочку уплаты вамъ сдѣлалъ банкъ?

Гликб. По 5 р. въ мѣсяць.

Защ. Больше вы ничего не можете припомнить о подробностяхъ этого событія, кромѣ того, что рассказали?

Гликб. Я могу припомнить только то, что Кусенкова говорила: «Пономаревъ такой умный человѣкъ, между тѣмъ я женщина и такъ ловко успѣла обмануть его.

Кусенкова (на вопросъ предс.). Этотъ человѣкъ меня погубилъ.— Это онъ все сдѣлалъ; онъ ничѣмъ не занимается, а живеть только тѣмъ, чтобы надуть кого-либо.

Свид. Григорьевъ. Я писалъ по просьбѣ Кусенковой просьбу о томъ, что она дала Пономареву денегъ золотомъ и притомъ показывала мнѣ оставшихся у нея нѣсколько монетъ. Просила она меня также написать о свидѣтельствѣ, въ какомъ состояніи находится Пономаревъ.

Под. Кусенкова (на вопросъ предс.). Я этого человѣка совершенно не знала, его привелъ ко мнѣ самъ Гликбергъ, велѣлъ ему написать.

Пред. Какъ же вы подписали?

Кусен. Я въ то время была разстроена и убита. Я даже заняла денегъ этому Григорьеву 100 р. по просьбѣ Гликберга и взяла вексель, но Гликбергъ передѣлалъ этотъ вексель потомъ на свое имя и надулъ меня тѣмъ, что написалъ фальшивый документъ.

Пред. Что же вы заявили объ этомъ своевременно?

Кусен. Какъ же, заявляла.

Свид. Богданичевъ. Въ 68 году въ маѣ мѣсяцъ я зашелъ въ контору маклера Картамышева, гдѣ засталъ Кусенкову; между ними происходилъ разговоръ о какихъ то векселяхъ, и именно о томъ, когда вексель входить въ полную законную силу. Я сказалъ, что въ 11 томѣ сказано, что вексель входить въ полную законную силу,

когда переходить въ руки векселедержателя. Потомъ я вышелъ изъ конторы, вслѣдъ за мною вышла и Кусенкова и остановивъ меня на дорогѣ, сказала, что она имѣетъ дѣло о представленіи векселей и просила меня, какъ занимающагося подобными дѣлами зайти къ ней въ квартиру, гдѣ и показывала нѣсколько векселей, но на какую сумму были эти векселя и на чье имя были написаны, я не обратилъ вниманія; былъ, кажется, вексель отъ Куридова, и притомъ Кусенкова рассказала мнѣ, что вотъ какой съ ней былъ случай: Пономаревъ былъ съ нею въ интимныхъ отношеніяхъ, что онъ обѣщалъ на ней жениться, но не исполнилъ своего обѣщанія и женился на другой, что она дала ему денегъ золотомъ — не помню на какую сумму — и что будто бы, послѣ того какъ Пономаревъ, взявъ деньги, оставилъ ей вексель и ушелъ, она тоже ушла изъ квартиры и возвратившись обратно увидѣла у себя полицейскаго чиновника и Пономарева, который говоритъ, что она дала ему не золото, а копѣйки. Послѣ этого я встрѣтился съ Кусенковою въ 69 году и она мнѣ рассказала, что была уже въ тюрьмѣ. — Подсудимая не возражала.

Свид. Тарановъ. Кусенкова показывала мнѣ векселя, писанные на имя Пономарева, на какую сумму не помню, но кажется около 3000 р., въ 67 г. Кусенкова говорила мнѣ также, что она собираетъ деньги выкупить какіе то документы Пономарева на имя Гагарина, болѣе 2,000 р. и потомъ уже говорила мнѣ, что документы эти выкуплены ею.

Свид. Браславскій. Мнѣ положительно извѣстно, что г. Пономаревъ долженъ былъ Кусенковой около 4,000 р. долгъ этотъ заключался въ 5 или 6 векселяхъ въ 900, 300 и 100 р. и эти векселя были писаны рукой Пономарева — почеркъ руки его мнѣ извѣстенъ.

Зам. Не было ли въ томъ числѣ векселя на имя Пономарева на сумму 2,200 р.?

Брасл. Не помню. Мнѣ только рассказывала Кусенкова, что она хочетъ сдѣлать благодареніе Пономареву: выкупить его изъ долговъ князя у Гагарина. Это было гораздо ранѣе до происшествія.

Пон. Вы говорите, что всё векселя были написаны моей рукою, а надпись засвидѣтельствованія тоже моя была?

Брасл. На малую сумму были написаны вашей рукою, а на крупную только подпись ваша.

Кусенкова (на вопросъ пред.). Я знаю, что Браславскій читалъ всё векселя и говорилъ: какой счастливый это человекъ Пономаревъ, ему всё даютъ деньги; что же, надобно было давать деньги и на карты и на все.

Приглашенъ св. Тройницкій. Въ 68 г. не помню въ какомъ мѣсяцѣ, когда я былъ въ конторѣ банка, ко мнѣ приходилъ Пономаревъ съ Кусенковой и просилъ меня написать князю Гагарину письмо — такъ какъ я съ нимъ былъ знакомъ — чтобы тотъ изъ суммы 1,400 р. должной ему Пономаревымъ исключилъ бы 400 и дали мнѣ при этомъ деньги, кто именно далъ, Пономаревъ или Кусенкова, не знаю. Я написалъ Гагарину, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что не можетъ уступить болѣе, такъ какъ и безъ того уже уступилъ ему 600 р. Прочитавши этотъ отвѣтъ, я возвратилъ деньги обратно Пономареву.

Подсудимая. Денегъ 1,000 р. получилъ Пономаревъ и не возвратилъ мнѣ, и потомъ еще прибѣгаетъ ко мнѣ и говорить: дай мнѣ душенька еще 400 р. раздѣлаться съ княземъ Гагаринымъ — я и дала.

Свид, Кошевой (солдатъ). Мы булы на калавури ваше превосходительство и провожали оцу барыню (указываетъ на Кусенкову) до слѣдователя у пятую часть, а видитилъ съ тѣю же барынею пійшли на ии кватырю. Тутъ вышла ягасъ нимка и вынесла стулку; барыня, шо мы привелы, пытае нимку, шо казала моя кухарка? а вона каже въ одвить, шо Лихберъ напысавъ о такий листъ со всихъ чотырѣхъ сторонъ (при этомъ Кошевой прикладываетъ лѣвую руку къ правому локтю и сжавши кулакъ, махаетъ имъ въ воздухѣ), о такий каже спысавъ листъ. Барыня стала плакать, и яко побачыла, шо Лихберъ стоять на крыльци, начала его лаять: «за шо ты, каже, мене погубывъ сягый такий воръ мошенникъ!» а винъ каже, я читавъ твѣй вексель, а ты сыды въ острохи, а

нимка ще говорила, шо ягъ бы я не нишла присягать, то Пономаревъ пропавъ бы.

Защ. Я бы просилъ судъ показать свидѣтелю М. Уцъ.

Пред. Г. Уцъ, потрудитесь подойти къ свидѣтелю (Уцъ подходитъ). Свидѣтель, вы знаете эту даму?

Кошевой. Та оце жъ та й нимка, шоказала, шо Лихбергъ пысавъ лысть.

Защ. Сколько разъ вы видѣли Г. Уцъ?

Кошев. Одинъ разъ у следователя, а другій у кватири Кусенковой.

Защ. Не помните ли вы, что еще сказалъ Гликбергъ той барынѣ, которую вы привели, и которая его ругала?

Кошев. Винъ сказавъ: я присягнувъ ложно, и вси за мною присягнулы, а ты сыды въ острохи.

Защ. Г. Уцъ, вы были съ нимъ на очной ставкѣ?

Уцъ. Была.

Защ. Вы говорили тогда Кусенковой, что показаніе ея кухаркѣ написалъ Гликбергъ?

Уцъ. Даже и помышленія не имѣла. Неужели я могла сазать такія слова?

Пред. Судъ постановилъ дать очную ставку Уцъ и Кошевому.

Кошевой опять подтвердилъ свое показаніе (дѣлая примѣръ рукой); г-жа Уцъ осталась при прежнемъ своемъ показаніи.

Пред. Кошевой! вы правду говорите?

Кош. Правду, ваше пр-ство, яко служу по правди Богу и государю.

Старшина присяжныхъ (предсѣд.). Я бы желалъ предложить вопросъ г. Пономареву. Финкельштейнъ говорить, что онъ получалъ отъ Пономарева деньги и довольно значительную сумму, по какому случаю деньги эти давались?

Поном. (чрезъ пред.). Онъ у меня былъ раза два или три, говорилъ, что онъ бѣдный человекъ, не знаетъ, какъ жить, я и давалъ ему иногда деньги, имѣя также цѣлью удержать его для

дѣла; объ этомъ я даже заявлялъ прокурору Гердзею.

Былъ вызванъ опять Фингельштейнъ.

Защ. (къ Финк.). Для чего вамъ давалъ деньги Пономаревъ? Для того, чтобы я содержался до окончанія дѣла, чтобы жить въ Одессѣ.

Защ. Вы все время жили въ Одессѣ?

Финк. Нѣтъ, ѣздилъ и домой.

Защ. Вамъ предлагалъ Пономаревъ дать еще денегъ?

Финк. Онъ мнѣ обѣщалъ дать 100 р. по окончаніи дѣла.

Защ. А полумперіалы вы получили отъ г. Пономарева?

Финк. Да, онъ далъ мнѣ одинъ золотой.

Подсуд. (къ свидѣт.). А въ субботу, когда вы были у Пономарева, сколько онъ далъ вамъ денегъ?

Финк. У него не было тогда мелкихъ денегъ, онъ взялъ у повара 3 или 4 р. и отдалъ мнѣ. Онъ мнѣ велѣлъ приходить каждую недѣлю, я думаю себѣ: слава Богу, что попался такой добрый человѣкъ, что даетъ на харчи деньги.

Защ. И всякій разъ, когда приходили къ нему, получали деньги?

Финк. Большею частью получалъ.

Прок. Я бы просилъ судъ прочесть актъ обыска судебного слѣдователя (секретарь читаетъ).

Свидѣтели всѣ уведены, по предварительномъ изъясненіи на то присяжныхъ засѣдателей и сторонъ.

(Перерывъ засѣданія до слѣдующаго дня).

(Засѣданіе 17-го марта).

Предсѣдательствующій. Гг. присяжные засѣдатели, можетъ быть вы, по обсужденіи дѣла, на основаніи вчерашнихъ свидѣтельскихъ показаній, имѣете предложить еще какіе-либо вопросы подсудимой?

Одинъ изъ присяж. 1) Что побудило Кусенкову совершить преступленіе? 2) Какая причина сего дѣянія, и какую цѣль тутъ

она имѣла? 3) Любила ли она Пономарева и какъ сильно? 4) При своей склонности на какія пожертванія она была готова? 5) Была ли, по ея мнѣнію, взаимная любовь? 6) Не общалъ ли онъ жениться на ней? 7) Что значать слова: довольно крови моей напился? 8) Сколько времени прошло между разладомъ, мыслью о совершеніи преступленія и исполненіемъ его?

Пред. Ваши вопросы свидѣтельствуютъ о большомъ вниманіи вашемъ къ дѣлу. Садитесь.

Пред. Подсудимая, расскажите теперь намъ, что-либо о прежней жизни вашей.

Кусенкова. Я была еще ребенкомъ, когда умерли мои родители: мнѣ было 8—9 лѣтъ, няня привезла меня въ Одессу и вскорѣ умерла; меня взяла къ себѣ факторша, потомъ продала въ секретное заведеніе, откуда меня черезъ нѣсколько лѣтъ выкупилъ полковникъ Николаевъ, съ которымъ я и жила, но очень не долго — такъ какъ онъ былъ убитъ во время крымской компаніи. Я ужъ тогда была христіанкой. Полковникъ оставилъ мнѣ 30 тысячъ. Въ это время я познакомилась съ Пономаревымъ; мнѣ было только 22 года и я была на столько неопытна, что повѣрила его словамъ, что онъ женится на мнѣ; но онъ женился на другой, не смотря на то, что снималъ икону и клялся исполнить свое обѣщаніе. Женившись — онъ началъ опять ходить ко мнѣ и говорилъ, что хотя онъ и женился, но женился изъ-за денегъ и что хотя жена его и молода, но въ чахоткѣ и скоро умереть. И дѣйствительно, она уѣхала за границу и тамъ умерла. Пономаревъ по прежнему сталъ посѣщать меня и опять общалъ на мнѣ жениться. Я ему вѣрила и давала деньги на все его потребности. Какой благородный человѣкъ поступалъ бы такъ съ женщиной, искренно его любящей? (плачетъ).

Пред. Какихъ лѣтъ вы поступили въ домъ терпимости? и случилось ли это до принятія вами христіанской вѣры.

Кусени. Десяти лѣтъ, а христіанскую вѣру приняла до того.

Пред. А потомъ сами вы не содержали дома терпимости.

Кусенк. Нѣтъ, я была только жертвой.

Пред. Вы изъ Одессы выѣзжали куда-нибудь?

Кусенк. Въздила за границу, лечиться.

Пред. Чѣмъ вы были больны?

Кусенк. Я и сама не знаю.

Пред. Сколько вы приблизительно въ годъ проживали денегъ?

Кусенк. Тысячи 3—4. Надобно же было давать г. Пономареву и на карты и на всё удовольствія. Я не могла ему отказывать въ этомъ, такъ какъ любила его всей душой.

Пред. Была ли эта любовь взаимна?

Кусенк. Не знаю.

Пред. Не замѣнилась ли эта любовь мезью?

Кусенк. Нѣтъ.

Пред. Какъ вы объясните: «довольно онъ крови моей напился»?

Кусенк. Я жертва его. Богъ видитъ.

Пред. Когда ваши отношенія къ Пономареву измѣнились?

Кусенк. Когда онъ отправляясь къ вѣнцу взялъ у меня 22 стерлинга для покупки фрака.

Предс. Какъ за долго это случилось до происшествія?

Кусенк. Это было передъ масляной.

Пред. Вы съ своей стороны желали возстановить ваши прежнія отношенія къ Пономареву?

Кусенк. Да, я его принимала, такъ какъ онъ говорилъ, что женился для денегъ, а не для любви: «я съ тобой привыкъ, говорилъ онъ, а тутъ мнѣ не довольно денегъ», но потомъ, желая отъ меня отдѣлаться, чтобы не платить долга, вздумалъ сыграть такую штуку.

Послѣ предложенныхъ вопросовъ г. Пономареву, который остался при прежнихъ своихъ показаніяхъ, и послѣ предоставленія еще слова подсудимой, было приступлено къ судебнымъ преніямъ.

Прокуроръ А. Г. Евреиновъ. Гг. присяжные засѣдатели! Кусенкова обвиняется въ мошенничествѣ. Мошенничество есть противозаконное присвоеніе чужой собственности посредствомъ обмана. Намъ несомнѣнно извѣстно, что въ обладаніи Кусенковой находится

вексель въ 2,200 р. выданный ей Пономаревымъ 7-го мая 1868 г. Но какъ достался Кусенковой этотъ вексель — путемъ ли законнаго приобрѣтенія или обманомъ? вотъ вопросъ, который объемеръ всю сущность настоящаго дѣла. Пономаревъ говоритъ, что обманомъ; обвинительная власть утверждаетъ, что не законнымъ образомъ, а посредствомъ обмана приобрѣла Кусенкова этотъ вексель; наконецъ, всѣ обстоятельства этого дѣла свидѣльствуютъ о томъ, что не путемъ законнаго приобрѣтенія, а обманомъ полученъ этотъ вексель. Для доказательства этого, мнѣ достаточно будетъ возобновить въ памяти вашей обстоятельства этого дѣла на столько, на сколько они выяснены предварительнымъ слѣдствіемъ и были провѣрены и во всемъ подтвердились на судебномъ слѣдствіи, происходившемъ вчера въ присутствіи вашемъ и при вашемъ участіи. Показанія Пономарева, какъ потерпѣвшаго лица, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не посредственнаго свидѣтеля самаго событія, происшествія, имѣютъ для насъ большое значеніе, но обвиненіе однако, не нуждается въ томъ, чтобъ вы тотчасъ придали имъ безусловную вѣру. Мы дадимъ этимъ показаніямъ полную достовѣрность смотря потому, насколько они подтверждаются другими обстоятельствами, свидѣтельствующими о томъ, что предшествовало событію преступленія, т. е. моменту выдачи векселя, или о томъ, что сопровождало эту выдачу, или наконецъ о томъ, что послѣдовало за выдачей этого векселя. Если мы найдемъ неразрывную связь между событіемъ, которое описываетъ Пономаревъ, и тѣмъ, что по показаніямъ постороннихъ лицъ представится намъ вполне доказаннымъ, то и показанія Пономарева получатъ значеніе совершенной достовѣрности.

Пономаревъ говоритъ, что у него въ продолженіи многихъ лѣтъ были денежные расчеты съ Кусенковой. Мы не будемъ касаться другихъ отношеній, которыя одновременно существовали между Пономаревымъ и Кусенковой; полагаю, что онѣ не имѣютъ ни существеннаго отношенія къ настоящему дѣлу, ни прямой связи съ предметомъ обвиненія Кусенковой. Настоящее дѣло возникаетъ исключительно изъ расчетовъ денежныхъ, а потому и неумѣстно касаться обстоятельствъ и условій частной жизни Пономарева и

Кусенковой. Итакъ, по этому собственно предмету, составляющему сущность настоящаго дѣла, изъ показаній Пономарева мы узнаемъ, что въ началѣ мая 1868 г. онъ былъ долженъ Кусенковой по векселямъ и роспискамъ сумму немного превышающую 2,700 р.; что 6-го мая того же года, Кусенкова приходитъ къ нему въ контору банка, гдѣ онъ въ то время служилъ секретаремъ, вызываетъ его чрезъ сторожа и предлагаетъ прійтись вблизи банка по улицѣ; во время этой прогулки, она предлагаетъ ему приобрести у нея подъ вексель приблизительно на 2,200 р. англійскихъ совереновъ съ обязательствомъ, чтобы таковые были ей, по ея востребованію, возвращены золотомъ, а не бумажными деньгами. Пономаревъ былъ въ нерѣшимости принять или не принять подобное предложеніе и общается дать отвѣтъ Кусенковой вечеромъ. Вечеромъ, обдумавъ предлагаемую ему сдѣлку, онъ признаетъ ее для себя выгодною, посѣщаетъ Кусенкову у нея на квартирѣ и изъявляетъ согласіе получить отъ нея подъ вексель англійскіе соверены на сумму, приблизительно 2,200 р.; обмѣнъ совереновъ на вексель долженъ былъ совершиться въ квартирѣ Кусенковой. Утромъ, на другой день, 7-го мая, Пономаревъ, отправившись въ обыкновенное время на службу въ банкъ, посылаетъ оттуда служителя въ контору маклера Картамышева съ просьбою написать вексель на сумму 2200 р. Около 11 часовъ онъ отправился за этимъ векселемъ и, получивъ оный, идетъ къ Кусенковой, Пономаревъ изъ прихожей квартиры Кусенковой входитъ въ гостиную комнату, гдѣ по его словамъ совершилась сдѣлка; предлагаетъ Кусенковой предварительно отдачи ей векселя принести ему обѣщанные соверены; Кусенкова идетъ въ сосѣднюю съ гостиной спальню и выноситъ оттуда жестяную коробку, въ которой находилось такое количество свертковъ зашитыхъ въ холстъ, которое по расчету 25 совереновъ въ каждомъ сверткѣ должно было составить сумму, которую Кусенкова должна была ему вручить. Пономаревъ естественно желаетъ видѣть то золото, которое приобретаетъ въ обмѣнъ на выдаваемый имъ вексель; Кусенкова, по его показанію, какъ бы обижается подобнымъ требованіемъ,

и идетъ въ кухню за ножомъ; затѣмъ одинъ изъ свертковъ взя-
тый ею, она разрѣзала въ прихожей и ножъ оставила въ кухнѣ;
въ разрѣзанномъ сверткѣ дѣйствительно оказывается 25 совереновъ,
изъ которыхъ 22 по требованію Кусенковой Пономаревъ отдаетъ ей
въ уплату прежняго долга такого же количества совереновъ по рос-
пискѣ, и затѣмъ, вынувъ изъ кармана вексель и положивъ его пе-
редъ Кусенковой, Пономаревъ требуетъ, чтобы Кусенкова принесла
ножикъ, чтобы разрѣзать остальные свертки, а равно принесла бы
и ту росписку, въ уплату по которой онъ, изъ числа приобретен-
ныхъ имъ совереновъ, отдалъ ей 22. Кусенкова уходитъ въ кухню
и отсутствіе ея продолжается такое время, котораго достаточно было
для возбужденія въ Пономаревѣ опасенія за добросовѣстность совер-
шаемой сдѣлки. Обождавъ ее нѣсколько минутъ, онъ беретъ одинъ
изъ свертковъ, находящихся въ жестяной коробкѣ, и не имѣя при
себѣ ножа, которымъ бы могъ разрѣзать зашитый въ холстъ свер-
токъ, онъ потеръ его объ уголь жестянки и убѣждается, что въ
немъ находится не золото, а мѣдныя деньги. Пономареву становится
яснымъ, что онъ сталъ жертвой обмана и чтобы изболчить его, онъ
прибѣгаетъ къ первому средству, которое приходитъ ему въ голову;
онъ отворяетъ дверь выходящую на улицу и приглашаетъ двухъ
прохожихъ быть свидѣтелями того, что съ нимъ случилось; одного
изъ этихъ неизвѣстныхъ ему людей онъ отправляетъ за полицей-
скимъ приставомъ. Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, въ какомъ
видѣ представляется, по показанію Пономарева, то дѣяніе, въ со-
вершеніи котораго обвиняется Кусенкова. Чтобы придать этому пока-
занію потерпѣвшаго лица полную достовѣрность, посмотримъ теперь
насколько оно подтверждается другими по дѣлу доказательствами.

Прежде, однако, я сдѣлаю оцѣнку показаній двухъ заинте-
ресованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ: — Кусенковой, какъ обви-
няемой и Пономарева, какъ потерпѣвшаго лица, съ точки зрѣнія
ихъ относительной достовѣрности и правдоподобія. Въ этомъ от-
ношеніи слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на сумму долга,
которая обуславливала денежные расчеты Пономарева и Кусенко-
вой. Кусенкова о происхожденіи векселя въ 2,200 р., выданнаго

ей Пономаревымъ, 7 го мая 1868 г., нѣсколько разъ измѣняла свои показанія, но здѣсь на судѣ остановилась на томъ, что вексель этотъ былъ взятъ ею въ обмѣнъ на другія денежные обязательства Пономарева, которыхъ по показанію Кусенковой, она имѣла на сумму до 5,000 р. (4,900 р.). Но тутъ рождается предположеніе, съ какою цѣлью Кусенкова, обращая въ одинъ общій долгъ прежнія обязательства Пономарева, вслѣдствіе ихъ измѣнившихся отношеній послѣ женитьбы послѣдняго, обмѣняла прежнихъ обязательствъ только на сумму 2,200 р.? Съ другой стороны, взвѣсивая по этому предмету правдоподобность показаній Пономарева, мы усматриваемъ, что если, при предварительной суммѣ долга въ 2700 р., этотъ документъ является совершенно самостоятельнымъ, независимымъ отъ прежнихъ денежных обязательствъ, документомъ, то въ такомъ случаѣ нѣтъ никакихъ препятствій совершить таковой на такую угодно сумму. Присутствіе ящика съ мѣдными монетами Кусенкова объясняетъ тѣмъ, что все это подготовлено впередъ самимъ Пономаревымъ. Здѣсь я сошлюсь на сдѣланное защитой заявленіе съ цѣлью подорвать довѣріе къ двумъ извѣстнымъ вамъ свидѣтелямъ приглашеннымъ Пономаревымъ, по его показанію, съ улицы. Защита обратила ваше вниманіе на то, какимъ образомъ могъ Пономаревъ, въ качествѣ понятыхъ по настоящему дѣлу, пригласить лицъ, которыя оказались несовершеннолѣтними. Мнѣ кажется, что это обстоятельство служитъ полнымъ подтвержденіемъ правдивости показаній Пономарева. Если бы Пономаревъ пришелъ съ намѣреніемъ совершить обманъ, то онъ озаботился-бы приготовить понятыхъ, которые вполнѣ удовлетворяли-бы требованіямъ закона, но такъ, какъ онъ долженъ былъ обратиться къ первымъ попавшимся свидѣтелямъ, то и не могъ входить въ соображенія о томъ, удовлетворяютъ ли они, въ качествѣ понятыхъ, всѣмъ требованіямъ закона. Это обстоятельство, на которое обратила ваше вниманіе защита, именно и доказываетъ, что свидѣтели эти случайные, а не впередъ заготовленные. Наконецъ, одно сомнѣніе въ правдоподобности показанія Пономарева, было заявлено въ средѣ вашей, гг. присяжные засѣдатели. Золотыя монеты при одномъ объемѣ съ

мѣдными копѣйками представляются 'тяжелѣе послѣднихъ. Какъ Пономаревъ, который самъ говорилъ, что онъ имѣлъ въ рукахъ свертки, тотчасъ не замѣтилъ относительной легкости ихъ? Для того, чтобы признать несостоятельность подобнаго сомнѣнія, мнѣ кажется достаточно взять въ руки наглухо зашитый свертокъ съ какими бы то ни было монетами, чтобы убѣдиться, какъ трудно узнать, изъ какого металла тѣ монеты сдѣланы, по одному ощущенію тяжести; но если это распознаваніе трудно безъ всякой предвзятой мысли о томъ металлѣ, который долженъ въ извѣстномъ сверткѣ находиться, то это тѣмъ болѣе трудно, при предвзятой мысли, что въ сверткахъ должно быть именно золото, съ каковымъ убѣжденіемъ Пономаревъ пришелъ къ Кусенковой. Такимъ образомъ оцѣнка относительнаго значенія показаній Кусенковой и Пономарева, даже безъ отношенія къ другимъ доказательствамъ убѣждаетъ насъ въ достовѣрности показаній Пономарева и неосновательности объясненій Кусенковой.

Теперь я обращаюсь къ оцѣнкѣ другихъ доказательствъ виновности Кусенковой. Преступное дѣяніе въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть доказано показаніями постороннихъ и непосредственныхъ свидѣтелей событія преступления; признаніе виновности обвиняемаго въ большинствѣ случаевъ вытекаетъ, какъ слѣдствіе изъ причины, изъ доказательства такихъ обстоятельствъ, которыя или предшествуютъ, или сопровождаютъ, или непосредственно слѣдуютъ за событіемъ преступления. Такъ, въ настоящемъ дѣлѣ, обращая вниманіе на тѣ предметы, которые послужили для совершенія преступления, мы усматриваемъ жестяную коробку, въ коробкѣ этой свертки, зашитыя въ холстъ и въ сверткахъ этихъ видимъ мѣдныя копѣйки: потому намъ становится совершенно необходимымъ изслѣдовать: кому принадлежитъ жестяная коробка, кто приобрѣталъ холстъ и мѣдныя копѣйки; если мы придемъ къ убѣжденію, что предметы эти принадлежали или приобрѣтены Кусенковой, то для насъ дѣло значительно уяснится. Съ другой стороны, обвиняемый послѣ совершенія преступления находится въ такомъ состояніи, которое вызываетъ его на извѣстныя своеобразныя проявленія или предпринимаетъ такія дѣйствія, которыя по его мнѣнію, могутъ избавить его отъ

кары закона и этимъ самымъ себя выдаетъ. Съ этой точки зрѣнія я сдѣлаю оцѣнку свидѣтельскихъ показаній, выслушанныхъ нами по этому дѣлу. Начну съ показанія бывшаго полицейскаго пристава Горича. Въ дѣлѣ этомъ Горичъ является такимъ свидѣтелемъ, который приходитъ на мѣсто преступленія во время, непосредственно слѣдовавшее за совершеніемъ преступнаго дѣянія и изъ его показанія мы убѣждаемся въ справедливости того, что говорить намъ Пономаревъ относительно тѣхъ обстоятельствъ, коихъ Горичъ могъ быть свидѣтелемъ или очевидцемъ: призвалъ его въ квартиру Кусенковой посланный Пономаревымъ молодой человекъ изъ евреевъ; въ квартирѣ онъ засталъ Пономарева; видитъ жестянку и свертки съ мѣдными деньгами; для уясненія дѣла производитъ обыскъ—и это слѣдственное дѣйствіе подтверждаетъ достоверность показанія Пономарева. Пономаревъ говоритъ, что онъ выдалъ Кусенковой вексель и долженъ былъ по этому векселю получить отъ нея золотыми соверенами, но вмѣсто того получаетъ мѣдныя копѣйки, которыя и находятся; Пономаревъ говоритъ, что ни золота, ни иныхъ денегъ, по этому векселю не получилъ и по обыску его найдено при немъ денегъ кредитными билетами до 46 р., которыя очевидно никакого отношенія не могли имѣть къ сдѣлкѣ въ 2,200 р.; Пономаревъ говоритъ, что далъ Кусенковой вексель, съ которымъ она скрылась и дѣйствительно при обыскѣ того векселя не отыскано—хотя Кусенкова сознается, что получила его въ то утро отъ Пономарева. Что же говорить, въ то время, Кусенкова въ свое оправданіе? Что она выдала подъ этотъ вексель 2,200 р. Гдѣ же эти деньги? денегъ этихъ при обыскѣ Пономарева не оказалось. Могло бы представиться сомнительнымъ, какимъ образомъ Кусенкова могла въ числѣ 12 свертковъ напасть на тотъ, въ которомъ было золото, а не мѣдныя деньги, но и это обстоятельство уясняется показаніемъ Горича, который при осмотрѣ свертка, изъ котораго было уже высыпано золото, замѣтилъ на немъ нитяную петлю, каковой на другихъ сверткахъ не было и которая дала возможность Кусенковой отличить свертокъ съ соверенами отъ свертковъ съ мѣдными копѣйка-

ми. Горичъ удостовѣряетъ насъ главнымъ образомъ, что Кусенкова при первомъ же допросѣ оной приставомъ впала въ противорѣчіе относительно количества денегъ, данныя ею въ это утро Пономареву, подъ вексель. Показаніе въ этомъ дѣлѣ Горича имѣетъ особенное значеніе, какъ показаніе лица должностнаго. Въ силу показанія Финкельштейна мы должны признать вполне достовѣрнымъ то обстоятельство, что Пономаревъ до этого никогда не зналъ Финкельштейна, что пригласилъ его съ улицы вмѣстѣ съ другимъ проходившимъ мальчикомъ, при чемъ обратился къ Финкельштейну съ просьбой позвать полицейскаго чиновника для засвидѣтельствванія о совершившемся преступленіи. Противъ этого показанія было возбуждено сомнѣніе въ его искренности. Обвиняемая, изъ неизвѣстнаго намъ источника, получила свѣденія, что Финкельштейнъ будто-бы свидѣтель подкупленный Пономаревымъ; но мнѣ кажется, достаточно будетъ припомнить весь характеръ показаній Финкельштейна, чтобы убѣдиться въ несправедливости этого оговора. Въ показаніи Финкельштейна на противъ высказывается какое-то недоброжелательство Пономареву, а отнюдь не желаніе быть ему полезнымъ; самъ Финкельштейнъ указываетъ на то, что получалъ деньги отъ Пономарева, но какой-же подкупной свидѣтель рѣшился бы заявлять объ этомъ подкупѣ открыто на судѣ? Я однако не буду безусловно отвергать того, чтобы деньги Финкельштейну Пономаревымъ не были даваемы; Финкельштейнъ, вслѣдствіе жительства его, какъ мы теперь узнали въ Житомирской губерніи при предварительномъ слѣдствіи розысканъ не былъ; присутствіе его въ Одессѣ случайно сдѣлалось извѣстнымъ Пономареву; пребываніе это должно было быть кратковременнымъ по показанію того-же Финкельштейна. Такъ какъ показаніе этого свидѣтеля является весьма важнымъ для Пономарева, который не только потерпѣвшее въ этомъ дѣлѣ лицо, но и гражданскій истецъ на значительную сумму. По этому, быть можетъ, Пономаревъ и давалъ Финкельштейну деньги на его пропитаніе съ цѣлью удержать его въ Одессѣ до судебного разсмотрѣнія этого дѣла; весьма вѣроятно показаніе Пономарева и о

томъ, что онъ обращался къ товарищу прокурора Гердзей съ просьбой внести въ подлежащее мѣсто деньги на содержаніе Финкельштейна и только по полученіи отказа въ этомъ, рѣшился самъ выдавать Финкельштейну харчевыя деньги. Но во всякомъ случаѣ обстоятельство это ни въ какомъ отношеніи не можетъ ослаблять силы и значенія этого показанія по отношенію къ существу тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ Финкельштейнъ свидѣтельствуетъ. Одно слово въ показаніи Финкельштейна, неправильно истолкованное, какъ бы указывало на недобросовѣстность будто бы дѣйствій по этому дѣлу пристава Горича. Финкельштейнъ, какъ извѣстно, былъ посланъ Пономаревымъ пригласить пристава въ квартиру Кусенковой; встрѣтилъ онъ пристава на улицѣ и говоритъ ему, что въ такомъ-то домѣ случилось какое-то происшествіе, на которое приглашаетъ его туда чиновникъ. На это Горичъ будто бы отвѣтилъ: «я ѣду уже туда». Этотъ отвѣтъ какъ-будто указываетъ, что обстоятельства, совершившіяся въ квартирѣ Кусенковой, до сообщенія Финкельштейномъ, были Горичу уже впередъ извѣстны. Но не слѣдуетъ забывать, что подобное предположеніе основано было бы на однихъ словахъ, сказанныхъ Финкельштейну два года тому назадъ, и что весь смыслъ этой фразы измѣняется вслѣдствіе прибавленнаго слова «уже». Наконецъ, фраза эта измѣнилась при очной ставкѣ Финкельштейна съ Горичемъ такъ: ну вотъ: я ѣду туда, что имѣетъ уже другое значеніе и не указываетъ, чтобы Горичъ что-нибудь зналъ до приглашенія его на мѣсто происшествія; да и кромѣ того, слово «уже», не могло сохраниться въ памяти Финкельштейна столь продолжительное время, тѣмъ болѣе, что ему, какъ вы сами слышали здѣсь на судѣ, не извѣстны были подробности этого дѣла. Обращаюсь теперь къ оцѣнкѣ показанія, которое является по настоящему дѣлу, по мнѣнію моему, особенно важнымъ; именно, показанію М. Кончиной, 10 лѣтъ бывшей у Кусенковой служанкой. Показаніе это объемлетъ какъ обстоятельства, которыя предшествовали совершенію преступленія, такъ равно и самый моментъ его совершенія, а также указываетъ и на обстоятельства, которыя представляются говорящими

въ пользу обвиненія Кусенковой, вслѣдствіе тѣхъ дѣйствій, которыя она предприняла послѣ совершенія преступленія. М. Кончина намъ удостовѣряетъ, что Кусенкова, давая ей на базаръ 3 р. изъ нихъ одинъ рубль велѣла издержать на покупки, а остальные два рубля размѣнять на копѣйки, изъ показаній ея мы узнаемъ, что она принесла такихъ копѣекъ не на два рубля, а на полтора, и что затѣмъ Кусенкова при всякой случившейся покупкѣ требовала отъ Кончиной, чтобы та приносила сдачу мѣдными копѣйками. Также свидѣтельница показываетъ, что Кусенкова посылала ее покупать холстъ, что изъ этого именно холста дѣлались Кусенковой тѣ мѣшочки, которыя лежатъ передъ вами на столѣ вещественныхъ доказательствъ. Наконецъ, М. Кончина удостовѣряетъ, что тотъ жестяной ящикъ, въ которомъ оказались свертки съ мѣдными копѣйками принадлежали Кусенковой. Далѣе мы видимъ, что во время совершенія преступленія Кончина является свидѣтельницей такихъ дѣйствій Кусенковой, которыя находятся въ прямой связи съ самымъ преступнымъ дѣяніемъ: она даетъ Кусенковой ножъ, которымъ былъ разрѣзанъ свертокъ съ золотыми соверенами; затѣмъ, также Кончина видитъ послѣдующее за преступленіемъ поведеніе Кусенковой: какъ она уходитъ изъ комнаты, гдѣ происходила денежная сдѣлка ея съ Пономаревымъ, уходитъ съ платкомъ въ рукахъ, въ которомъ было что-то завязано и передаетъ этотъ платокъ такому лицу, которое намъ скажетъ, что въ этомъ платкѣ были вексель и золото. Наконецъ, Кончина показываетъ, что Кусенкова черезъ сестру свою обращалась къ ней съ предложеніемъ показать въ ея пользу, скрыть тѣ обстоятельства, которыя ей могли быть извѣстны, и что когда Кончина на предварительномъ слѣдствіи обо всемъ рассказала, какъ знала, то Кусенкова, будучи освобождена на поручительство, воспользовалась тѣмъ, чтобы обвинить Кончину въ кражѣ у нея старыхъ платьевъ, которыя были подарены въ разное время или проданы ей, и такъ какъ вещи указанные Кусенковой дѣйствительно были у нея найдены, то обвиненіе Кончиной настолько представлялось достовѣрнымъ, что она была заключена подъ стра-

жу. Не буду подробно говорить о показаніяхъ Ф. Кончиной и Н. Кончина—мужа Марьи, такъ какъ они служатъ подтвержденіемъ показаній М. Кончиной. Свидѣтель Картамышевъ, подтверждая показаніе Пономарева о томъ, что вексель былъ ему выданъ въ 11 часовъ удостовѣряетъ время совершенія преступленія. Показанія двухъ, выслушанныхъ нами, экспертовъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что тотъ кусокъ полотна, который найденъ у Кусенковой при обыскѣ совершенно сходствуетъ съ тѣмъ холстомъ, изъ котораго сшиты свертки для мѣдныхъ копѣекъ. Изъ числа свидѣтелей, которые удостовѣряютъ послѣдующее за преступленіемъ поведеніе Кусенковой, слѣдуетъ припомнить свидѣтельницу Энту Гликбергъ. Гликбергъ говоритъ намъ, что Кусенкова дала ей поддержать платокъ съ чѣмъ-то тяжелымъ, а въ узелкѣ въ этомъ она чувствовала какую-то бумагу; такимъ образомъ мы нападаемъ на слѣдъ предметовъ, имѣющихъ сходство съ векселемъ и золотыми монетами, не найденными при обыскѣ, а свидѣтель Шестопаля даетъ намъ возможность прослѣдить далѣе за этимъ предметомъ и убѣдиться его глазами, что золото и вексель, были въ томъ платкѣ, который переходитъ къ нему изъ рукъ Энты Гликбергъ и который впоследствии возвращается имъ Кусенковой. Свидѣтель Браславскій показываетъ, что Кусенкова за нѣсколько времени до совершенія мошенничества говорила о томъ, что она какимъ нибудь способомъ обманетъ Пономарева. Джано является свидѣтелемъ того, что Кусенкова давала ему 3 р. съ просьбой размѣнять ихъ на мѣдныя копѣйки, онъ обѣщаль исполнить это порученіе, но раздумавъ, возвратилъ обратно Кусенковой 3 руб. Далѣе, изъ показаній свидѣтельницы М. Уць, мы видимъ, что когда Пономаревъ былъ въ квартирѣ Кусенковой, то послѣдняя приходила къ ней въ комнату и Уць замѣтила, что Кусенкова была сильно встревожена и обратила вниманіе на ея красный цвѣтъ лица. Не буду въ подробности указывать на показаніе тѣхъ лицъ, которыя 6-го мая 1868 г. находились въ конторѣ банка и къ которымъ обращалась Кусенкова съ просьбою указать ей цѣну англійскихъ соверновъ. Свидѣтель Артемьевъ въ

качествѣ знакомаго и Пономарева и Кусенковой указаль намъ согласно съ Пономаревымъ, сумму тѣхъ долговъ, которые Кусенкова имѣла на Пономаревѣ. Наконецъ Н. Глибергъ свидѣтельствуеть о томъ, что Кусенкова самому ему рассказывала, какъ она совершила обманъ.

Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, сущность тѣхъ доказательствъ, которыя независимо отъ показаній потерпѣвшаго по этому дѣлу лица свидѣлствуютъ о виновности Кусенковой. Доказательства эти настолько убѣдительны, что у васъ, гг. присяжные, не можетъ явиться и тѣни сомнѣнія, которое могло бы препятствовать произнесенію противъ Кусенковой обвинительнаго приговора.

Гражданскій истецъ Пономаревъ (къ присяжнымъ). Послѣ рѣчи г. прокурора, въ которой такъ наглядно выразилось событіе 7 го мая, мнѣ остается только заявить вамъ о тѣхъ поводахъ, которые могли бы служить причиной къ совершенію преступленія. Для этого, въ виду тѣхъ заявленій и вопросовъ которые мнѣ дѣлалъ защитникъ и въ виду прямаго обвиненія г-жи Кусенковой, что я самъ былъ въ состояніи сдѣлать это преступленіе—я приведу параллель. Цѣль преступленія—это именно желаніе выгодно приобрести 2,200 р. съ моей стороны или со стороны г-жи Кусенковой,—посмотримъ: какія я имѣлъ средства для исполненія этого желанія? Для исполненія его во 1-хъ, мнѣ нужно было содѣйствіе прислуги, и во 2-хъ содѣйствіе постороннихъ лицъ, такъ какъ извѣстно, что въ то время было уже лѣто и было довольно жарко, я могъ прійти въ лѣтнемъ пальто, принести съ собою жестянку, поставить человѣка съ жестянкою около дома, который послѣ передалъ бы мнѣ ее и получилъ отъ меня деньги, это по первому ея показанію—иначе мнѣ дѣло не позволяло идти куда-нибудь дальше, но я полагаю, что вы достаточно убѣдились изъ показаній свидѣтелей въ противномъ. Видя эту массу свидѣтелей, возможно ли предположить, что я ихъ подкупилъ? Если бы я ихъ подкупилъ, то 2200 руб. для этого очень не достаточно ...

Предсѣд. Вы находитесь не въ качествѣ обвиняемаго въ

подкупѣ, а въ качествѣ свидѣтеля, достовѣрность показаній котора о обсудятъ присяжные засѣдатели; а въ настоящее время, какъ гражданскій истецъ, касайтесь ближе собственно предмета вашего иска.

Поном. Я желаю только доказатъ, что не получилъ валюты. Мнѣ кажется, что обстоятельства этого дѣла разъяснены достаточно, и потому имѣю честь просить о выдачѣ мнѣ векселя.

Предс. Вашу просьбу по этому предмету вы обратите къ суду, если къ тому представится основаніе послѣ вердикта присяжныхъ.

Защитникъ присяжный повѣренный П. М. Шимановъ.
Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Событіе, составляющее предметъ настоящаго дѣла, представляетъ собою дѣяніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ. Это печальный финаль, катастрофа той жизненной драмы, начало которой лежитъ въ давно прошедшемъ времени. Зная только начало и ходъ этой драмы, мы будемъ въ состояніи понять и оцѣнить значеніе этого событія. Поэтому, защита поставлена въ необходимость прежде чѣмъ приступить къ анализу обвиненія сдѣлать краткій очеркъ той драмы, развязка которой завершится вами. Кусенкова уроженка Волынской губерніи, родомъ еврейка; какъ вы слышали, она, въ самомъ раннемъ возрастѣ, 9-ти лѣтъ, лишилась родителей; съ этой поры она осталась безпріютной — на рукахъ своей старой няни; три года спустя няня эта привезла ее въ Одессу и вскорѣ умерла. Здѣсь, въ Одессѣ, пріютила ее какая-то мнимо-добродѣтельная старуха и вскорѣ затѣмъ продала ее. Вотъ первый моментъ паденія Кусенковой, но паденія, происшедшаго, конечно, не по ея винѣ, а лишь въ силу тѣхъ несчастныхъ, неотразимыхъ для каждой молодой дѣвушки, обстоятельствъ, которыя едва ли не ежедневно губятъ не одну невинную женщину. На этомъ скользкомъ пути ей уже нельзя было остановиться; никто, рѣшительно никто не далъ себѣ труда удержать, остановить ее на краю той пропасти, въ которую ввергла ее мнимо-добродѣтельная старушка. Здѣсь я обойду молчаніемъ цѣлый актъ драмы, охватывающій нѣсколько

лѣтъ жизни Кусенковой, актъ, понятный, впрочемъ, для каждаго. Кусенкова, какъ показали послѣдствія, не создана была для подобной жизни: въ ней такъ много еще было той нравственной чистоты, которая отвращала ея отъ среды, въ которой она находилась—и вотъ она лишь только достигла того возраста, когда дѣвушки начинаютъ уже размышлять и понимать болѣе или менѣе себя и окружающій ихъ мѣръ, начала тотчасъ же употреблять свойственныя ея лѣтамъ усилія, чтобы выйти изъ своего незавиднаго положенія. Она уходитъ изъ этого вертепа разврата,—но полиція, эта блюстительница нравственной чистоты, возвращаетъ ее къ такъ-называемой мамашѣ; она уходитъ въ другой, въ третій разъ, но результатъ тотъ же: ее опять отыскиваютъ и приводятъ къ той же мамашѣ. Наконецъ, судьба сжалилась надъ Кусенковой. Она знакомится случайно съ богатымъ полковникомъ, фамиліи котораго я не назову, и умоляетъ его вырвать ее изъ этого положенія. Полковникъ этотъ, движимый не знаю какими чувствами, выкупаетъ ее, беретъ къ себѣ, живетъ съ ней и начинаетъ заботиться объ ея образованіи. Но это счастье для Кусенковой не долго продолжалось: полковника убиваютъ въ крымскую компанію; онъ однако-же оставляетъ ей состояніе до 30,000 р. Этимъ оканчивается второй актъ этой драмы. И вотъ Кусенкова опять свободна, и молода, и съ деньгами и къ тому же красива. Понятно, что при такомъ положеніи Кусенковой, поклонниковъ было у нея не мало, но одинъ изъ нихъ счастливѣе другихъ: ему Кусенкова всецѣло отдается, она отдаетъ въ его распоряженіе и сердце и деньги. Счастливецъ этотъ — г. Пономаревъ! Обыкновенно женщины, выходящія изъ той среды, въ которую имѣла несчастье попасть Кусенкова, какъ извѣстно всѣмъ, не бываютъ бережливы, онѣ не понимаютъ экономіи, расточаютъ все, что попадется въ ихъ руки. Но ничего подобнаго мы не видимъ въ Кусенковой; напротивъ, не смотря на молодость лѣтъ, она сохраняетъ состояніе, отдаетъ деньги въ ростъ и на получаемые проценты живетъ съ Пономаревымъ. Въ этомъ именно высказалось то, что прошедшая жизнь Кусенковой не успѣла еще вполне

охватить ея нравственную природу тѣми корнями разврата, которые уничтожаютъ въ женщинѣ и чувство самоуваженія и сознаніе ея человѣческаго достоинства. Любовь—это святое чувство, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, въ формѣ ли законной или незаконной, всегда возвышаетъ человѣка, нравственно перерождаетъ его; онъ становится лучше—и добрѣе и нравственнѣе. Полюбивши Пономарева, Кусенкова нравственно перерождается: она принадлежитъ уже ему одному,—и горе и радость все дѣлитъ съ нимъ пополамъ. Конечно, Кусенкова, какъ и всякая-бы другая на ея мѣстѣ женщина, рассчитывала на то, что Пономаревъ женится на ней,—и по словамъ Кусенковой, онъ не разъ клялся ей въ этомъ. Убѣжденная такимъ образомъ въ томъ, что Пономаревъ навсегда соединился съ ней, что онъ никогда не броситъ ея, она помогаетъ ему въ трудныя годы его жизни, ни въ чемъ не измѣняется къ нему и тогда, когда онъ лишается мѣста,—и само собою остается безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но въ это время, получаемые ею проценты, оказываются уже недостаточными для жизни, и вотъ она, изъ любви къ Пономареву, начинаетъ проживать и прожила большую часть своего капитала; но когда уже на проценты съ оставшагося не большаго капитала, нельзя было ей жить такъ, какъ она жила прежде, тогда Кусенкова замѣтила, что Пономаревъ не таковъ уже какъ былъ прежде съ ней, что онъ какъ-будто старается отдѣлаться отъ нея. И вотъ запало въ душу ея горькое, томительное сомнѣніе въ невѣрности Пономарева. Но закулисныя сцены, объясненія и увѣренія, снова воскрешали въ ней надежду и Кусенкова по прежнему выручаетъ своего друга изъ затруднительныхъ обстоятельствъ: она снова даетъ ему деньги, но на этотъ разъ, для того, чтобы, такъ сказать, внѣшнимъ образомъ связать Пономарева съ собою, она беретъ отъ него обязательства на деньги, которыя ему даетъ. Такимъ образомъ, Пономаревъ одновременно выдалъ Кусенковой 5-ть заемныхъ обязательствъ—на сумму 4,900 р. Но вотъ наступаетъ для Кусенковой роковой 1868 г. Пономаревъ беретъ у нея 22 полуимперіала, и вслѣдъ затѣмъ тайкомъ отъ нея женится. Вѣсть объ этомъ,

какъ громовой ударъ, поразила Кусенкову. Заразъ она всего лишилась: и любимаго ею человѣка, которому была предана въ теченіе 16 лѣтъ, и капитала, составлявшаго ея единственныя средства къ жизни, и даже надежды кое-какъ устроиться, ибо она дожила съ Пономаревымъ до тѣхъ лѣтъ, когда уже безъ денегъ замужъ не выходятъ. По истинѣ, ударъ тяжелый, ударъ, который доводитъ или до самоубійства, или до умопомѣшательства, или до того нервнаго расстройства (а Кусенкова, какъ вы видите, и находится теперь именно въ этомъ состояніи), которое дѣлаетъ жизнь невыносимою тягостью. Такъ оканчивается третій актъ этой драмы. Перехожу теперь къ четвертому ея акту, гдѣ на сцену выступаетъ уже нравственная смерть для Кусенковой — Сибирь. Пономаревъ женится, Кусенкова страдаетъ. Всякая другая женщина, на мѣстѣ Кусенковой, по природѣ злая и мстительная, тотчасъ начала бы мстить Пономареву, имѣя въ рукахъ его долговья обязательства, и имѣя, слѣдовательно, возможность посадить его въ долговое отдѣленіе и такимъ путемъ разрушить — и быть можетъ на всегда — счастье молодой четы. Но Кусенкова не унижается до чувства мести, она не стремится разрушить супружеское счастье этой молодой четы или, вѣрнѣе, того человѣка, который бросилъ ее и унесъ съ собою ея послѣднія средства — ея капиталъ. Нѣтъ, Кусенкова не мститъ ему, но иногда только, томимая чувствомъ скорби и отчаянія, она довольствуется словами безцѣльной похвалы: «ну, да ужъ и отомщу я ему когда-нибудь!» Но почему же не теперь? Да это и не возможно было для Кусенковой. Несчастливая, она по прежнему любила еще Пономарева. Она видимо принадлежитъ къ той небольшой, но лучшей части женщинъ, которыя, разъ полюбивши истинно, не могутъ, не въ силахъ уже болѣе разлюбить. И вотъ, чтобы видѣть Пономарева, хотя изрѣдко поговорить съ нимъ, она пользуется его заемными письмами, какъ единственнымъ къ тому средствомъ. Едва ли не каждый день она является къ нему въ контору банка, гдѣ онъ служилъ въ то время, является туда подъ предлогомъ требованія уплаты капитала или процентовъ, зная напередъ, что не полу-

читать ни того, ни другаго; но она видитъ Пономарева, разговариваетъ съ нимъ, а это только ей и нужно, и иногда только, въ минуту гнетущаго ея отчаянія, облегчаетъ себя упреками или угрозами. Въ такомъ томительномъ хожденіи прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ. Но пора же, наконецъ, и одуматься, нужно же найти выходъ изъ этого несчастнаго положенія? И вотъ Кусенкова рѣшается отправиться за-границу: авось путешествіе подкрѣпитъ ея здоровье, да можетъ быть она забудетъ и Пономарева, а онъ, между тѣмъ, соберется со средствами и заплатитъ ей долгъ, по возвращеніи ея изъ-за границы. Но срокъ одному изъ векселей Пономарева и именно на 2,200 р. кончается 20 мая, т. е. наканунѣ предположеннаго ею выѣзда за-границу. Она обращается къ Пономареву, требуетъ уплаты денегъ хотя по этому документу, но Пономаревъ не можетъ уплатить и проситъ разсрочки. И вотъ, Кусенкова, и на этотъ разъ, наказываетъ своего врага великодушною готовностью разсрочить ему платежъ, но притомъ требуетъ, чтобы онъ взаменъ этого векселя, незасвидѣтельствованнаго, выдалъ бы ей на ту же сумму, т. е. на 2,200 р., другой вексель, надлежащимъ порядкомъ засвидѣльствованный.

Здѣсь я долженъ прервать мою рѣчь о Кусенковой и повести ее о г. Пономаревѣ. Положеніе его со дня женитьбы дѣйствительно было весьма затруднительное. Онъ видитъ, что Кусенкова по прежнему любитъ его, а между тѣмъ въ минуты отчаянія и накопившейся скорби, всѣмъ и каждому рассказываетъ, что онъ жилъ съ нею 15 лѣтъ, обобралъ ее, какъ она выражается, бросилъ ее безъ всякаго повода съ ея стороны, не возвращаетъ ей денегъ и, кромѣ того, взялъ еще у ней наканунѣ своей свадьбы, и даже по поводу этой свадьбы, 22 полуимперіала, что будто-бы, по словамъ Кусенковой, на эти именно деньги Пономаревъ сдѣлалъ себѣ, по поводу свадьбы, новое платье. Г. Пономаревъ и самъ не отвергаетъ того факта, что онъ взялъ эти деньги не задолго до женитьбы, не если слова Кусенковой справедливы, что полуимперіалы взяты по поводу этой женитьбы, то поступокъ этотъ представляется по меньшей мѣрѣ весьма некрасивымъ. Но во всякомъ

случаѣ г. Пономаревъ не можетъ уплатить деньги Кусенковой, а между тѣмъ эта Кусенкова каждый день, какъ я сказала, бываетъ у него въ банкѣ, отрываетъ отъ служебныхъ занятій, компрометируетъ, беспокоитъ его до-нельзя. Нѣтъ уже другой Кусенковой, которая могла бы заплатить за него долгъ, отъ жены же этого требовать нельзя, да и могла ли она еще сдѣлать это? Однимъ словомъ, положеніе Пономарева весьма затруднительное, тутъ, дѣйствительно, и ума не приберешь, что дѣлать. Но кто виновенъ во всемъ этомъ? Не Кусенкова же? Если кто бросаетъ женщину послѣ 15-ти лѣтней жизни съ ней, безъ всякаго съ ея стороны повода къ тому, и не можетъ, или не хочетъ какъ-нибудь обезпечить ее, то прежде всего онъ обязанъ, исполнить по крайней мѣрѣ, долгъ свой: возвратить ей ея же собственные деньги. Нѣтъ, не можете возвратить, такъ и снесите же терпѣливо ту бѣду, которую вы сами же создали себѣ, но не заставляйте же за вашу собственную вину страдать еще и другихъ. Какъ бы то ни было, но нуженъ же выходъ и для Пономарева, и вотъ, этотъ выходъ отысканъ: являются зловѣщія свертки и какія-то копѣйки! Вотъ прекрасное средство заразь отдѣлаться отъ женщины и свободнѣе вздохнуть. Правда, что свидѣтелей событія нѣтъ; ну, да это не бѣда: они будутъ и будутъ навѣрное. И вотъ, начинается ожесточенное уголовное слѣдственное преслѣдованіе Кусенковой, приведшее ее сюда, на скамью подсудимыхъ, на судъ вашъ, гг. присяжные засѣдатели, или, вѣрнѣе, для того, чтобы вы ее защитили. Это конецъ четвертаго акта драмы, акта, потрясающаго душу всякаго честнаго человѣка и обращающаго его къ правосудію, къ вамъ, гг. присяжные засѣдатели.

Содержаніе пятаго и послѣдняго акта — это тюрьма, гдѣ томится Кусенкова; безконечные допросы; изъ земли, такъ сказать, вырастающіе свидѣтели; Кусенкова на скамьѣ подсудимыхъ, судъ, публика и развязка, но развязка, въ которой участвуете и вы, гг. присяжные засѣдатели! Посмотримъ же, чѣмъ окончится эта драма? умретъ ли Кусенкова, или останется въ живыхъ? возмужаетъ ли публика или выйдетъ отсюда съ потрясенной душой?

*

Завязка этой драмы основана на возможности существованія основнаго факта, на томъ именно, есть ли какая либо возможность предположить, чтобы Пономаревъ, при извѣстныхъ его отношеніяхъ къ Кусенковой, могъ рассчитывать на возможность займа у нея 2,200 р? Мнѣ кажется, что нѣтъ никакого логическаго основанія допустить это. Неужели Кусенкова не нашла бы человѣка болѣе благонадежнаго въ денежномъ отношеніи, чѣмъ г. Пономаревъ? Что могло побуждать Кусенкову такъ сказ. искать, просить Пономарева, взять у нея въ займы золото, кредитовать человѣка и безъ того уже обремененнаго, какъ вы слышали, долгами? Человѣкъ, бросившій женщину на произволъ судьбы, взявшій у нея ея послѣднія почти деньги и, наконецъ, тайкомъ отъ нея женившійся, — неужели подобный человѣкъ могъ рассчитывать еще на кредитъ у этой женщины? Нѣтъ, это невозможно! Какъ, неужели Пономаревъ хотѣлъ ее окончательно обобрать? Не думаю. Я не допускаю этого даже изъ уваженія къ самому Пономареву. Какъ это? вмѣсто того, чтобы всѣми силами стараться расплатиться съ женщиной, которая преслѣдуетъ его, какъ кошмаръ, женщиной, стоящей поперекъ дороги, Пономаревъ, напротивъ, желаетъ еще кредитоваться у нея, безъ всякой въ томъ надобности, какъ самъ онъ здѣсь заявлялъ, старается, такъ сказать, добровольно дать ей себя въ руки для того, чтобы быть въ вѣчной зависимости отъ нея, въ качествѣ неоплатнаго должника? Да кто же повѣритъ въ такую наивность г. Пономарева? Но при всемъ томъ несомнѣненъ тотъ фактъ, что Пономаревъ 7-го мая 1868 г. выдалъ Кусенковой вексель въ 2,200 р. Что же? Онъ хотѣлъ, быть можетъ, заплатить ей этимъ векселемъ за 15-ти лѣтнюю преданность ея? Нѣтъ, г. Пономаревъ и самъ не имѣетъ претензій на такое великодушіе; онъ сознается, что надѣялся подъ этотъ вексель взять у Кусенковой золота на 2,200 р., но вмѣсто золота получилъ будто-бы копѣйки. Да, разочарованіе неприятное! Врядъ-ли, я думаю, и малолѣтокъ какой дася бы въ подобный обманъ, а г. Пономаревъ вѣдь бывшій секретарь магистрата, человѣкъ, играющій въ карты на большую, секретарь банка, однимъ

словомъ, человѣкъ бывалый, видавшій виды, человѣкъ, чрезъ руки котораго проходило не малое количество всякой монеты, а также и золото. Неужели подобный человѣкъ, взявши въ руки свертки и даже пересчитавши ихъ, не замѣтилъ бы тотчасъ, что въ этомъ сверткѣ не деньги, а что то другое: вѣдь соверены болѣе, чѣмъ вдвое, тяжелѣе копѣйки. Да и могъ-ли онъ отдать Кусенковой — въ то время уже врагу своему — вексель на 2,200 руб., не удостовѣрившись прежде въ томъ, что находится въ сверткахъ и въ томъ. дѣйствительно ли въ каждомъ изъ нихъ находилось по 25 совереновъ? Г. Пономаревъ рассказываетъ намъ дальше, что Кусенкова при немъ будто бы разрѣзала одинъ свертокъ, что въ этомъ сверткѣ было 25 золотыхъ монетъ, что онъ самъ просилъ ее взять изъ числа этихъ 25 монетъ 22 въ уплату долга. Значить, у него остались три золотыхъ монеты, но гдѣ же онѣ? При обыскѣ ихъ не оказалось, какъ и вамъ извѣстно, ни при г. Пономаревѣ, ни при Кусенковой. Что же это такое? Неужели Кусенкова такая искусная фокусница, что монеты могли, такъ сказать, улетучиться на глазахъ самаго Пономарева? Не сказка ли это изъ тысячи и одной ночи. Да, дѣйствительно, это сказка, но сказка, не искусно задуманная, дурно рассчитанная даже на возможность обойти самый простой здравый смыслъ. Да, горько ошибся г. Пономаревъ! Сказка его такъ и останется сказкой, — не болѣе. Если къ этой очевидной невѣроятности, невозможности событія въ томъ видѣ, въ какомъ рассказалъ его г. Пономаревъ, мы присовокупимъ еще и рѣшительную невозможность кредита для Пономарева у Кусенковой, по причинѣ извѣстныхъ уже намъ отношеній его къ ней, то тогда уничтожится и возможность самаго совершенія преступленія Кусенковою, ибо если не было дѣйствительно и не могло быть новаго займа, то само собою разумѣется, что для Кусенковой не было и повода давать Пономареву какіе-либо свертки или копѣйки. Но гдѣ же, или же въ чемъ заключается скрываемая Пономаревымъ правда? По мнѣнію моему, правда эта такъ и высказывается въ словахъ Кусенковой: Пономаревъ выдаетъ ей вексель на 2,200 р., Кусенкова

возвращаетъ ему старый вексель на ту же самую сумму, Пономаревъ разрываетъ этотъ вексель и сжигаетъ его тамъ же. Откуда же взялись копѣйки? Да Кусенкова этого не знаетъ. Въ слѣдствіемъ доказано, что Кусенкова выходила изъ квартиры, что Пономаревъ отворилъ двери, что Пономаревъ выходилъ на улицу, что онъ призвалъ двухъ евреевъ и что все это совершилось въ ея отсутствіи, — такъ откуда же ей и знать, кто именно принесъ эти копѣйки? Если принять еще во вниманіе и то, что у Кусенковой до 7-го мая, т. е. до дня событія, дѣйствительно, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей, о которыхъ я буду говорить впослѣдствіи, было заемное письмо на 2,200 р., что это заемное письмо не оказалось ни при обыскѣ, ни при Кусенковой, то эти два обстоятельства въ связи съ очевидною невѣроятностію разсказа Пономарева о сверткахъ, о копѣйкахъ, приводятъ къ тому убѣжденію, что правда на сторонѣ Кусенковой, а вымыселъ на сторонѣ Пономарева. Вымышленность преступленія, въ которомъ обвиняется Кусенкова, такъ очевидна уже изъ одного сопоставленія, указанныхъ мною фактовъ, что этимъ я и могъ бы закончить мою рѣчь, но въ качествѣ защитника Кусенковой, я не могу ставить судьбы ея на карту, я обязанъ, на сколько сумѣю, обратить вниманіе ваше и на тѣ внѣшнія стороны этого дѣла, которыми парализируется обвиненіе.

Въ этихъ видахъ, я раздѣлю мою послѣдующую рѣчь на три части: въ первой я рассмотрю, насколько показанія свидѣтелей достовѣрны по ихъ внутреннему содержанію, безъ всякаго отношенія къ мотивамъ; во второй — я сдѣлаю общую характеристику этихъ показаній, въ связи съ ихъ мотивами; въ третьей — я сгруппирую тѣ факты, тѣ обстоятельства, которыя, съ одной стороны доказываютъ вымышленность событія, а съ другой — невинность Кусенковой. Разбирая показанія свидѣтелей, я буду держаться того послѣдовательнаго хода событія, какъ оно будто бы совершилось, по показанію свидѣтелей, и потому я начну съ показанія свидѣтеля Джано. Въдѣ для совершенія этого преступленія прежде всего нужны были копѣйки. Что именно показываетъ намъ свидѣтель Джано о копѣйкахъ? Онъ говоритъ, что Кусенкова дала

ему 3-хъ руб. кредитный билетъ для размѣна на копѣйки. Почему же онъ не размѣнялъ его? На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ, что считалъ униженіемъ для себя исполнить подобное порученіе. Есть-ли какая нибудь правда въ этомъ отвѣтѣ свидѣтеля? Неужели работникъ часовыхъ дѣлъ мастера могъ считать униженіемъ для себя подобное порученіе дамы? Я думаю, что такое порученіе могъ бы исполнить, безъ всякаго для себя униженія, и человѣкъ, занимающій довольно значительное положеніе въ обществѣ. Вотъ первое обстоятельство недостоверности показанія этого свидѣтеля. Затѣмъ, Джано указывалъ еще и на другія причины, именно, на сомнѣніе, что Кусенкова этими копѣйками намѣрена была обмануть Пономарева. Странно, какимъ образомъ Джано могъ прийти къ подобной мысли, какъ онъ могъ связать эти копѣйки съ Пономаревымъ? Положимъ, что мнимое желаніе Кусенковой имѣть 300 коп. могло бы, пожалуй, привести его еще къ мысли о намѣреніи ея высеребрить или вызолотить ихъ — и только; но рѣшительно не понятно, какимъ образомъ Джано могъ бы додуматься до мысли, что эти копѣйки нужны Кусенковой для отдачи ихъ именно Пономареву по заемному письму, вмѣсто золотыхъ. Такую комбинацію врядъ ли можетъ сдѣлать и человѣкъ, привычшій къ глубокому анализу. Мнѣ кажется, если Джано дѣйствительно пришелъ къ этой мысли, то онъ ясновидящій: по крайней мѣрѣ, я никакъ не могу иначе объяснить того процесса мышленія, который довелъ его до подобнаго предположенія. Но Джано, скажутъ мнѣ, бывалъ у Кусенковой, какъ работникъ часовыхъ дѣлъ мастера, онъ поправлялъ изрѣдка ея часы, и она говорила ему о мести къ Пономареву. Допустимъ, что Кусенкова была уже такъ несчастна, что ей не съ кѣмъ было болѣе говорить, не кому было высказать свою задушевную тайну, и положимъ, говорю я, что она высказывалась даже передъ работникомъ о намѣреніи ея отомстить Пономареву. Но я думаю, всѣ согласятся со мной, что одно извѣстное будто бы Джано мнимое намѣреніе Кусенковой отомстить Пономареву, ни въ какомъ случаѣ не могло привести его къ мысли о совершенно-неизвѣстномъ ему, о томъ именно, что явится къ Кусенковой съ векселемъ, что Пономаревъ по это-

му векселю условлено получить золото и что, наконец, копѣйки предназначаются для отдачи Пономареву вмѣсто того золота, о которомъ рѣшительно никто и ничего не говорилъ ему, Джано. Додуматься по одному извѣстному обстоятельству до трехъ неизвѣстныхъ, неимѣющихъ никакой связи съ первымъ, — да это рѣшительно невозможно, въ особенности же невозможно это для простого работника... Мнѣ кажется, гг. присяжные, что двухъ этихъ обстоятельствъ, указанныхъ мною, весьма достаточно уже для того, чтобы вы согласились со мною, что слѣпо нельзя довѣряться показанію Джано, и что если невѣроятность словъ показанія его, по двумъ обстоятельствамъ, вполне очевидна, то и въ остальномъ, третьемъ обстоятельствѣ, о мнимомъ порученіи ему размѣнять 3 р. на копѣйки, ему нельзя вѣрить. Перехожу засимъ къ показаніямъ Біязи и мадамъ Уцъ. Біязи свидѣтельница, которая ничего не знаетъ объ этомъ событіи; въ сущности она ничего не показала противъ Кусенковой; она сказала здѣсь, на судѣ, только то, что ей извѣстно со словъ этого же Джано, т. е., что будто бы Кусенкова давала ему 3 р. для размѣна на копѣйки. Но какъ показаніе Джано лишено всякой достовѣрности, то по этому одному уже падаетъ и показаніе свидѣтельницы Біязи, какъ основанное на недостовѣрномъ показаніи Джано. Но вы слышали здѣсь свидѣтельницу Уцъ; вы замѣтили, конечно, вы помните, съ какимъ злорадствомъ, съ какимъ ожесточеніемъ она давала здѣсь свои показанія. Вы помните, что она разсказывала свои показанія такъ, какъ разсказывается только твердо заученное; она ни разу, въ продолженіи получаса, не останавливалась, не запнулась. Это наводитъ на ту безошибочную мысль, что она продолжительное время занималась составленіемъ своего показанія и поэтому только и могла высказаться въ той формѣ, въ какой она высказалась здѣсь. Но при всемъ томъ, что же намъ сказала Уцъ? Въ сущности рѣшительно ничего; она говорила отчасти со словъ кухарки Кончиной, слѣдовательно, она свидѣтельствуетъ въ этомъ отношеніи по слухамъ отъ другихъ, и отчасти разсказывала намъ объ обстоятельствахъ, неимѣющихъ рѣшительно никакой связи съ предметомъ обвиненія. Такъ, напримѣръ, она указывала на красный цвѣтъ лица Ку-

сенковой и г. прокуроръ, воспользовавшись этимъ указаніемъ, и съ своей стороны обратилъ ваше вниманіе на этотъ же красный цвѣтъ лица, какъ на улику, что Кусенкова совершила что-то не доброе. Жаль, что Уць не сказала, что у Кусенковой былъ блѣдный цвѣтъ лица и тогда г. прокуроръ навѣрное сказалъ бы: «этотъ блѣдный цвѣтъ лица доказываетъ, что Кусенкова совершила то преступленіе, въ которомъ и обвиняю ее». (Въ публикѣ смѣхъ). Мадамъ Уць дѣйствительно была взволнована, да и было отчего... вѣдь не разъ доставалось отъ Кусенковой, она здѣсь сама показывала, что Кусенкова не разъ бранила ее, да кромѣ этого изъ-за той же Кусенковой она еще и попала въ бѣду: мадамъ Уць, по неосторожности своей, какъ вамъ извѣстно изъ показаній свидѣтелей Кошеного и Ермолаева, рассказала Кусенковой, въ присутствіи этихъ свидѣтелей, что Глигбергъ написалъ кухаркѣ Кончиной показаніе, что Кончина вовсе не была спрошена при слѣдствіи, а что ей только предложили подписать напередъ заготовленное показаніе. Проболевшись разъ, мадамъ Уць попала въ непріятную исторію. Кусенкова ссылается на показанія двухъ свидѣтелей, которые подтверждаютъ ея слова, — и бѣдную Уць влекутъ къ допросу и здѣсь, на допросѣ, барыню уличаютъ простые рядовые въ томъ, въ чемъ она запирается. Ожесточенная противъ Кусенковой, Уць долго ждала и наконецъ дождалась того, что теперь можетъ излить всю свою злобу на Кусенкову и подъ влияніемъ ея рассказывала здѣсь предъ вами и то, что не имѣло и не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Для опредѣленія того, на сколько искренно вообще показаніе мадамъ Уць, я прошу васъ, обратите вниманіе еще и на то, что она три года жила у Кусенковой, что это фактъ несомнѣнный, что Пономаревъ постоянно посѣщалъ Кусенкову, что онъ обѣдалъ у нея, чай пилъ, отдыхалъ и что тамъ же жила и мадамъ Уць. Какъ видно изъ всего, мадамъ Уць женщина очень любознательная и на мой вопросъ: сколько разъ вы видѣли Пономарева въ продолженіе трехъ лѣтъ? — отвѣтила тотчасъ же: я видѣла его только четыре раза. Замѣчательная женщина! для того, чтобы такъ точно помнить, сколько разъ мы видѣли знакомаго намъ человѣка, въ продолже-

ни трех лѣтъ, нужно имѣть необыкновенную память, или записывать, что такого-то числа, мы видѣли такого-то. Мало этого, она бралась даже рассказать намъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ она видѣла Пономарева. Да и вѣроятно ли, чтобы Удъ, живя вмѣстѣ съ Кусенковой три года, видѣла бы только четыре раза — и замѣтите никакъ не болѣе — человѣка, посѣщающаго Кусенкову едва-ли не каждый день, а иногда и по нѣскольку разъ въ день. Мнѣ кажется, я достаточно доказалъ недостоверность показанія мадамъ Удъ, не говоря уже о томъ, что оно не имѣетъ значенія улики противъ Кусенковой, какъ данное со словъ кухарки Кончиной. Теперь я приступаю къ Шестопалу, къ тому самому Шестопалу, которому будто бы Эмма Гликбергъ передала платокъ со свертками и какую то бумагу. Шестопаль здѣсь, какъ вы вѣроятно помните, (показаніе его я просилъ васъ удержать въ памяти), говорилъ, что онъ, получивши этотъ платокъ отъ Эммы Гликбергъ, развязалъ его, посмотрѣлъ, что тамъ такое, и увидѣлъ золото; что послѣ этого онъ вышелъ на дворъ, встрѣтилъ тамъ Гликберга и говорить ему: вотъ у меня золото, но еврей Гликбергъ, какъ человѣкъ, не интересующійся золотомъ, не обратилъ на это никакого вниманія и отвѣчалъ ему: у тебя не золото, а... Такъ рассказывалъ намъ Шестопаль. Но изъ показанія, даннаго имъ при предварительномъ слѣдствіи, болѣе близкаго къ самому событію происшествія, прочитаннаго здѣсь, вамъ извѣстно, что Шестопаль показалъ совершенно иначе, что это показаніе диаметрально противоположно показанію, данному здѣсь на судѣ. Также онъ при предварительномъ слѣдствіи показывалъ, что Эмма Гликбергъ принесла ему платокъ, когда онъ раздавалъ листовой табакъ мастеровымъ, что ему было въ то время не до платка, что когда онъ роздалъ табакъ, то ощупалъ и подавилъ платокъ (подлинныя его слова) онъ замѣтилъ, что тамъ холсты. Шестопаль мастеровой, который, конечно, менѣе всего думаетъ о золотѣ и рѣже всего видитъ его, а между тѣмъ онъ вовсе не приходитъ къ естественной мысли, что въ платкѣ копѣйки, или двугривенныя, но, на оборотъ, посредствомъ одного только ощущенія онъ приходитъ къ мысли о такомъ предметѣ, о которомъ меньше всего думаетъ—и именно о золотѣ.

Правда, что ему необходимо было видѣть золото, иначе показаніе его теряетъ смыслъ и значеніе; но при всемъ томъ каждый, я думаю, согласится со мной, что если Шестопаль, не развертывая платокъ тотчасъ узналъ, что тамъ золото, то онъ также, какъ и Джано, ясновидящій. Затѣмъ, Шестопаль показалъ далѣе, что онъ пришелъ на кухню къ Кусенковой, гдѣ и отдалъ ей платокъ, что въ этомъ платкѣ было два свертка, что въ одномъ сверткѣ были золотыя монеты, а въ другомъ—копѣйки, и что онъ все это видѣлъ до отдачи платка Кусенковой. Но при предварительномъ слѣдствіи онъ показалъ совершенно иначе—онъ говорилъ прежде, что Кусенкова развязала *при немъ* платокъ, разрѣзала *при немъ же* одинъ изъ свертковъ и въ немъ оказалось золото, разрѣзала потомъ и другой, въ которомъ были копѣйки, и отдала его сестрѣ своей Олимпіадѣ. Сопоставляя эти два показанія, оказывается, что Шестопаль говорилъ здѣсь предъ вами неправду. Какъ же онъ могъ видѣть золото, если свертки не были разрѣзаны? Мнѣ кажется, что одного уже этого обстоятельства, одного уже такого рѣзкаго противорѣчія самому себѣ, весьма достаточно для того, чтобы не только не признать какую бы то ни было достоверность за этими показаніями, но даже забыть ихъ, чтобы они не смущали вашей совѣсти при постановленіи приговора по этому дѣлу. Насколько мнѣ извѣстно, не было еще примѣра, чтобы судьи когда нибудь принимали за улику, за доказательство такого рода рѣзко противорѣчивое показаніе, показаніе человѣка, который подъ присягой говорить одно, а на судѣ, предъ вами, совсѣмъ дурное, и который на напоминаніе ему, что вы прежде говорили иначе, торопится отвѣчать: нѣтъ, я такъ не говорилъ, т. е. рѣшается отрицать свое же собственное показаніе, данное имъ вскорѣ послѣ событія, въ которомъ онъ, по словамъ его, также играетъ нѣкоторую роль, и которое онъ по этому уже не могъ бы забыть, и не могъ бы, слѣдовательно, впасть въ такое рѣзкое противорѣчіе самому себѣ, еслибы онъ дѣйствительно зналъ что нибудь объ этомъ мнимомъ событіи. Этимъ я и оканчиваю съ очевидно недостовернымъ показаніемъ Шестоपालа и останавливаюсь на показаніи кухарки Кусенковой, Кончиной. Этому пока-

занію г. прокуроръ придасть особенное значеніе. Я не могу не согласиться съ тѣмъ, что если показаніе это достовѣрно, то оно дѣйствительно имѣеть большое значеніе въ дѣлѣ, но въ томъ то и дѣло, что въ немъ и тѣни нѣтъ достовѣрности. Вы, я полагаю, припомните, конечно, предложенный мною Кончиной вопросъ: почему вы не заявили пристава о томъ, что вамъ было извѣстно по этому дѣлу? Кончина отвѣчаетъ на это: да потому что мнѣ Кусенкова не приказала ничего говорить пристава. — Когда же она вамъ не приказала, еще до прихода пристава? — Да, въ тотъ же день; но я напоминалъ ей здѣсь при васъ, что на предварительномъ слѣдствіи она говорила, что будто бы Кусенкова приказывала ей это еще за два дня до событія. Что же изъ этого слѣдуетъ, т. е. изъ словъ Кончиной? А то, что Кусенкова знала будто бы напередъ, что 7-го мая въ ея квартирѣ непременно будетъ приставъ. Допустимъ даже, что Кусенкова приготовлялась къ преступленію, въ которомъ ее обвиняють, но и въ такомъ случаѣ не могла же она непременно предполагать напередъ, что подобный обманъ, такъ сказать, между своими долженъ непременно разыгратъя участіемъ полиціи и непременно участіемъ пристава, а не квартального надзирателя. Гг. присяжные засѣдатели! и по закону и по совѣсти сомнительныя обстоятельства въ дѣлѣ обвинения всегда должны быть разъясняемы въ пользу подсудимыхъ. Если уже допускать предположенія, то не вѣроятнѣ ли предположить, что Кусенкова настолько уважала друга своей 15-ти лѣтней жизни, что еслибы она и замыслила обмануть Пономарева, то все таки не могла допустить, конечно, и мысли о томъ, что бы Пономаревъ, ея должникъ и долготѣтній сожитель, изъ за векселя въ 2200 р. призывалъ бы полицію, понятыхъ, чтобы онъ не постарался бы избѣгнуть скандала, не пощадилъ бы своего самолюбія и женщину, съ которой жилъ. Мнѣ кажется, что слова Кончиной въ этомъ отношеніи такъ и дышать неправдой; можетъ быть ей и говорилъ кто, что будетъ приставъ, но уже никакъ не могла говорить ей этого Кусенкова, потому именно, что она и сама не могла предвидѣть этого. Одно этого обстоятельства уже достаточно для

того, чтобы, такъ сказать, подорвать показаніе Кончиной въ самомъ корнѣ; но есть еще, и другія указанія, наводящія на недосто-
вѣрность ея показанія. Вы слышали показаніе Кошевого, что Кон-
чина, какъ говорится, осталась не при чемъ, что показаніе ея
писалъ Гликбергъ, что она виновата только въ томъ, что подала
его слѣдователю, что ея вовсе не допрашивали. Тоже самое под-
твердилъ и Ермолаевъ. Никто, даже и самъ Пономаревъ, не рѣ-
шился здѣсь предлагать Кошевому вопросы, которые могли бы
навести какое либо подозрѣніе на искренность его показанія, во
всемъ подтвержденнаго Ермолаевымъ. Очевидно, что при суще-
ствованіи этихъ двухъ показаній—Кошевого и Ермолаева—пока-
заніе Кончиной уже падаетъ само собою. Если вы повѣрите Кон-
чиной, то вы должны будете не повѣрить двумъ безпристраст-
нымъ свидѣтелямъ, стоящимъ совершенно въ сторонѣ отъ этого
дѣла, и это именно Кошевому и Ермолаеву. Итакъ, недосто-
вѣрность показанія Кончиной выяснилась вполне. Теперь наступила
очередь поговорить о показаніи Гликберга. Что, онъ говоритъ
какъ очевидецъ событія? Нѣтъ, онъ давалъ показанія по слуху
отъ другихъ, а показанія по слуху отъ другихъ не имѣютъ въ
сущности никакого значенія, въ особенности показаніе Гликберга,
потому что онъ давалъ его по слуху будто бы отъ самой же
Кусенковой. Замѣчательный это человѣкъ, Гликбергъ, онъ вла-
дѣетъ какой-то необыкновенной памятью. Мы обыкновенно воспро-
изводимъ въ нашей памяти очень легко событія, которые совер-
шаются на нашихъ глазахъ, или въ которыхъ мы сами уча-
ствуемъ, — но чтобы рассказать черезъ двѣ недѣли всѣ подробности
сложнаго событія, разъ прослушавши его—для этого нужно имѣть
необыкновенную память. Если здѣсь предъ вами я расскажу о
какомъ нибудь происшествіи, которое по меньшей мѣрѣ заняло бы
круглый листъ на письмѣ, какъ показаніе Гликберга, то я убѣж-
денъ, что никто изъ васъ потомъ не повторилъ бы тоже съ та-
кою послѣдовательностію, не пропуская ни одного мелочнаго об-
стоятельства, съ какою Гликбергъ рассказывалъ все это при пред-
варительномъ слѣдствіи, повторяю, не какъ очевидецъ, а какъ

человѣкъ, прослушавшій будто бы одинъ разъ бѣглый рассказъ Кусенковой. Независимо этой особенности, въ показаніи его замѣчательно еще и то, что оно вполне, до послѣдней подробности, совпадаетъ съ показаніемъ Пономарева. Но еще страннѣе, что тотъ же Гликбергъ, обладающій такой необыкновенной памятью, здѣсь предъ вами заразъ все запомнать, все забыть, — это давно было, говорить онъ, не можетъ припомнить, между тѣмъ какъ Гликбергъ, какъ вамъ извѣстно изъ судебного слѣдствія, болѣе другихъ свидѣтелей принималъ участіе въ ходѣ этого дѣла и поэтому казалось бы, что ужъ если кому и не приходилось забывать этого дѣла, то, конечно, Гликбергу. Независимо всего этого, показаніе Гликберга, какъ я сказалъ уже, не имѣетъ существеннаго значенія, какъ показаніе, основанное лишь на мнимыхъ слухахъ, на словахъ Кусенковой. О показаніи Гликберга тоже самое сказали Кошевой и Ермолаевъ, что и о показаніи кухарки Кончиной, — что когда они привели Кусенкову изъ тюрьмы въ ея квартиру, т. е. въ тотъ домъ, гдѣ жилъ и Гликбергъ, то Кусенкова, узнавши, что будто бы Кончина и Гликбергъ дали ложное показаніе, вышла изъ себя, начала бранить Гликберга, что онъ послѣ этой ругатни, стоя на балконѣ, отвѣчалъ ей: ну чтожъ такое? я далъ ложное показаніе, за мной и другіе дали, а ты сиди теперь въ тюрьмѣ. На очной ставкѣ, Кошевой и Ермолаевъ уличали въ этихъ словахъ Гликберга, но онъ, боясь ответственности, заперся, говоря, что онъ въ то время не былъ даже и во дворѣ, но о раскрытіи этого обстоятельства, приводимаго имъ въ оправданіе свое, вовсе не настаивалъ и оно не подтвердилось. Но здѣсь уже Гликбергъ говорилъ, что балконъ его находится на разстояніи 50 шаговъ отъ того мѣста, гдѣ стояли рядовые Кошевой и Ермолаевъ. Гликбергъ не врагъ себѣ и навѣрное прибавилъ шаговъ 15-ть. Но развѣ на разстояніи тридцати или даже сорока шаговъ нельзя слышать человѣка, крича отвѣчающаго намъ? Вотъ какихъ невѣроятностей преисполнено показаніе Гликберга. Если вы примете во вниманіе все мною сказанное, и ни на минуту не забудете, что Гликбергъ свидѣтельствуетъ будто бы по словамъ Кусенковой, то

я убѣжденъ, что вы отбросите это показаніе, какъ не имѣющее рѣшительно никакого значенія. Наконецъ, есть еще показаніе частнаго пристава Горича. Г. прокуроръ обращалъ особенное вниманіе ваше на это показаніе; онъ даже сказалъ вамъ, что Горичу нужно въ особенности вѣрить, какъ лицу должностному. Я согласенъ на этотъ разъ съ г. прокуроромъ. Но посмотримъ же, въ пользу ли обвиненія или въ пользу защиты говорить Горичъ? Я не буду пользоваться мелочами и не стану доказывать вамъ, что изъ ясныхъ словъ Финкельштейна, изъ тѣхъ словъ, что приставъ отвѣчалъ ему: — «я уже ѣду туда» можно бы заключить, что приставъ какъ бы впередъ былъ приглашенъ пріѣхать туда въ такое-то время; я не дѣлаю подобныхъ предположеній, и опасеніе обвиненія въ этомъ отношеніи напрасны. Я не хочу подозревать ни въ чемъ г. Горича. Финкельштейнъ могъ не понять смысла этихъ словъ, или, можетъ быть, запомнилъ, можетъ быть Горичъ и сказалъ: «я поѣду туда». Но что же показываетъ Горичъ? Да въ сущности ничего. Онъ былъ приглашенъ составить актъ о происшествіи; г. Пономаревъ показываетъ ему жестяную коробку съ свертками; по требованію Пономарева приставъ тутъ же дѣлаетъ обыскъ и составляетъ актъ. Но кто принесъ эти свертки, кто и при комъ разрѣзалъ одинъ свертокъ, были ли тамъ золотыя монеты, или нѣтъ, ничего этого Горичъ не знаетъ. Но во всемъ его показаніи есть два мѣста, дѣйствительно имѣющія значеніе: онъ сказалъ здѣсь: «припоминаю, что Кусенкова на первый вопросъ мой сказала, что эта коробка моя» но это, повидимому, обвиняющее обстоятельство сейчасъ же и разъясняется. Кусенкова здѣсь предъ вами говорила, что по всей вѣроятности приставъ не понялъ ея, что она на вопросъ: чья это коробка? отвѣтила: «можетъ быть и моя, въ кладовой у меня много коробокъ, можетъ быть Кончина Пономареву и дала эту коробку; я держала табакъ для Пономарева въ такихъ коробкахъ»; но что потомъ, когда она присмотрѣлась къ этой коробкѣ, то сказала: «нѣтъ, это не моя коробка». При этомъ, кстати, я напомню вамъ, что эту коробку Кончина видѣла будто бы у Кусенковой

лѣтъ 10 тому назадъ. Не думаю, что Кусенкова до такой степени была экономна, чтобы въ продолженіе 10 лѣтъ могла хранить эту исковерканную жестянку, да и что это за драгоценность такая? не держать же ее было для наследниковъ? Но допустимъ даже, что коробкой этой, когда Кусенкова не была въ квартирѣ, кто либо воспользовался и положилъ туда свертки. Развѣ не позволительно женщинѣ беззащитной, необразованной, въ виду полицейскаго обыска и извѣта въ преступленіи, ею не совершенномъ, — развѣ не естественно, говорю я, при такомъ положеніи, потерять-ся и даже отречься и отъ коробки, видя, что принадлежностью этой коробки, хотятъ обвинить ее въ томъ, что она не совершала. Этимъ я хочу сказать, что если и признать не доказанное за фактъ несомнѣнный, что коробка будто бы принадлежитъ Кусенковой, то и въ такомъ случаѣ обстоятельство это само по себѣ не можетъ имѣть особеннаго значенія. Но Горичъ далъ намъ еще, по мнѣнію моему, драгоценное показаніе для дѣла, хотя немного и уклончивое, но въ этомъ показаніи кроется много истины. Я предложилъ ему вопросъ: не видѣлъ ли онъ на обратномъ пути изъ Херсона г. Александрова? онъ отвѣтилъ: «да, видѣлъ». — Не говорили ли вы Александрову о дѣлѣ Кусенковой? — Онъ отвѣчалъ: «да, говорилъ». — Не говорили ли вы ему, что прежде вы ничего не знали, но что теперь вамъ извѣстна вся подноготная, и я знаю что Кусенкова невиновна? — Да, я говорилъ, отвѣчаетъ онъ, но говорилъ какъ частный человѣкъ, а не какъ агентъ полиціи. Мнѣ казалось, что Горичъ затруднялся какъ будто бы отвѣчать на эти вопросы, но онъ видимо предпочелъ правду и созналъ то, что говорилъ Александрову. Говорилъ ли онъ это какъ частный человѣкъ, или говорилъ какъ служащій, все таки эти слова для защиты многозначительны; такъ какъ онъ дѣйствительно по званію пристава могъ знать всю подноготную, могъ открыть важныя обстоятельства, оправдывающія Кусенкову, но по тѣмъ или другимъ причинамъ не считалъ себя обязаннымъ указывать на нихъ. Очевидно изъ этого, что Горичъ показалъ рѣшительно въ пользу одной защиты и ничего въ пользу обвиненія. Итакъ, показанія

всѣхъ свидѣтелей, исключая показанія Горича, не выдерживаютъ самой простой критики и по невѣроятности тѣхъ фактовъ, которые вошли въ ихъ составъ, представляются, очевидно, недостовѣрными; но эта недостовѣрность еще болѣе выяснится изъ общей характеристики всѣхъ этихъ показаній. Я, быть можетъ, утомилъ уже ваше вниманіе, но я утомилъ и себя; дѣло же такъ важно, такъ интересно, что для того, чтобы не погрѣшить противъ со- вѣсти, нужно еще немного терпѣнія. Прежде всего я припомню вамъ, что судебное слѣдствіе началось при прежнемъ порядкѣ, при немъ оно и кончилось; но при прежнемъ порядкѣ случалось иногда и то, чего уже не можетъ случиться теперь: случалось иногда, хотя и рѣдко, что свидѣтели, вмѣсто присяги, просто подписывали присяжные листы, и затѣмъ давали показанія, сообразно тѣмъ или другимъ дѣлямъ. Конечно, я не хочу этимъ сказать, чтобы тоже могло случиться и по настоящему дѣлу — этого я не знаю, а потому и не хочу говорить о неизвѣстномъ мнѣ. Но вѣрно то, что Кусенкова, по неопытности своей, не присутствовала при приводѣ свидѣтелей къ присягѣ, такъ что мы и остаемся теперь въ неизвѣстности, было ли сдѣлано надлежащее напоминаніе свидѣтелямъ о святости присяги, о томъ, какъ именно приводили ихъ къ присягѣ и пр. А между тѣмъ, говоря вообще, свидѣтели, давшіе при предварительномъ слѣдствіи ошибочное или невѣрное показаніе подъ присягой, никогда не рѣшатся измѣнить свои показанія здѣсь, на судѣ, изъ опасенія отвѣтственности за клятвopреступленіе. Въ этомъ именно и заключается опасность слѣпо довѣряться показаніямъ тѣхъ свидѣтелей, которые давали уже показанія при предварительномъ слѣдствіи подъ присягой, а по настоящему дѣлу всѣ главные свидѣтели присягали при предварительномъ слѣдствіи.

Теперь я поговорю о появленіи свидѣтелей. Намъ извѣстно, что свидѣтелей событія не было ни одного, но при всемъ томъ они вырастаютъ какъ изъ земли. Что же, не являются ли они, какъ очевидцы событія? Нѣтъ, на это уже ни одинъ изъ нихъ не пошелъ. Но откуда же они берутся? Да что и говорить: вѣдь Кусенкова не

разъ выручала Пономарева изъ бѣды, такъ почему же ей еще и теперь не помочь ему—уличить себя же въ преступленіи. И вотъ, она для этой цѣли посвящаетъ въ свое мнимое преступленіе кухарку Кончину и Дмитрія Джано. На глазахъ этой кухарки она шьетъ мѣшечки, проситъ ее помочь ей; но, увы, кухарка оказывается замѣчательно религіозной женщиной, нешьющей по воскресеньямъ. Кусенкова посвящаетъ въ тоже преступленіе и Джано, даетъ ему 3-хъ руб. кредитный билетъ для размѣна на копѣйки, и нарочно, какъ вы видите, избираетъ совершенно посторонняго для нея человѣка, и все для пользы Пономарева, для того, чтобы Джано при первомъ же случаѣ всѣмъ и каждому разсказалъ про это. Въ самомъ дѣлѣ, какая добрая женщина эта Кусенкова! Но этого еще мало: показанія этихъ свидѣтелей, пожалуй, окажутся недостаточными и не уличатъ ея, а это будетъ неприятно г. Пономареву. И вотъ, Кусенкова идетъ дальше, преслѣдуя свою цѣль: она разсказываетъ Гликбергу обстоятельно, со всѣми подробностями, о своемъ мнимомъ преступленіи. Итакъ, Гликбергъ является уже свидѣтелемъ; но не мѣшаетъ на всякій случай записать еще однимъ, и вотъ Кусенкова идетъ къ совершенно незнакомому ей Розенталю, о которомъ я допрашивалъ Пономарева, и разсказываетъ ему тоже, что и Гликбергу. Розенталь встрѣчается съ Пономаревымъ въ городскомъ саду и пересказываетъ ему, при свидѣтеляхъ, слышанное будто бы отъ Кусенковой. Пономаревъ заявляетъ объ этомъ слѣдователю, но убоялся ли Розенталь ответственности, или по какимъ-либо другимъ причинамъ,—но довольно того, что онъ исчезаетъ съ горизонта предварительнаго слѣдствія, почему то его вовсе не спрашиваютъ. Нашли ли, что и наличныхъ уже достаточно, или же боялись излишествомъ свидѣтелей заподозрить показанія прежнихъ — неизвѣстно. Но что же это такое? Развѣ Кусенкова не могла сама шить 12 маленькихъ мѣшечковъ? Неужели ей нужна была для этого помощь кухарки? Неужели она не нашла бы у себя и $\frac{1}{2}$ арш. подержаннаго полотна, для того, чтобы не посвящать въ эту тайну кухарку свою Кончину? Неужели у Кусенковой не было никого изъ ближ-

нихъ людей, которымъ она безбоязненно могла бы поручить приобретение копѣекъ, чѣмъ довѣряться какому-то работнику Джано? Развѣ этого порученія не могла бы исполнить преданная ей, какъ выяснило въ слѣдствіе, сестра ея Олимпіада? Я думаю, что на эти вопросы нельзя иначе отвѣтить, какъ утвердительно. Какъ же это сама Кусенкова, безъ всякой видимой надобности, посвящаетъ въ свое мнимое преступное намѣреніе совершенно постороннихъ ей людей, и затѣмъ, видя, что этихъ свидѣтелей какъ бы недостаточно для улики противъ нея же, рассказываетъ еще и другимъ о способѣ совершенія ею мнимаго преступления? Если такъ, то Кусенкова сумасшедшая, а сумасшедшихъ не судятъ, не наказываютъ—ихъ лечатъ только. Но Кусенкова пока еще не сумасшедшая и, слѣдовательно, нѣтъ никакого логическаго основанія признавать показанія свидѣтелей за достовѣрныя, въ особенности же, если вы припомните ту несообразность и очевидную невѣроятность ихъ рассказовъ, на которыя я имѣлъ честь указать уже, разбирая каждое изъ показаній въ отдѣльности. Независимо всего этого и самое поведеніе свидѣтелей по отношенію къ Кусенковой и Пономареву лишаетъ достовѣрности ихъ показанія. Такъ напр., кухарка Кончина является не свидѣтельницей, а какой-то помощницей Пономарева въ преслѣдованіи Кусенковой. Такъ, она рассказываетъ, что къ ней пріѣзжала Олимпіада, сестра Кусенковой, что она просила ее измѣнить показаніе, что Кончина оставила ее у себя ночевать. Но что же тутъ такого? Въдъ если Кусенкова считала, что показаніе Кончиной написано ей Гликбергомъ и что, слѣдовательно, оно несправедливое, а между тѣмъ ее все таки держать въ тюрьмѣ, то что же тутъ удивительнаго, если она послала сестру, чтобы Кончина перемѣнила показаніе, т. е. чтобы она сказала правду? Но и это еще вопросъ, посылала ли дѣйствительно Кусенкова сестру, или же нѣтъ. Чтобы подтвердить это обстоятельство, г. Пономаревъ выставилъ свидѣтелей. Но кого же? Мужа Кончиной и жену брата Кончиной. Тутъ не можетъ быть, конечно, разнорѣчія. Всякая безпристрастная свидѣтельница на мѣстѣ Кончиной отвѣтила бы Олимпіадѣ: я показала правду, я

давала присягу и потому не могу измѣнить показанія, и если ей наскучили бы просьбой, то просила бы посланную не приходить болѣе къ ней, и только. Но не такъ поступаетъ Кончина. Она тотчасъ же подаетъ заявленіе въ полицію, что у нея была Олимпиада, сестра Кусенковой, что она уговаривала ее измѣнить показаніе и проч. Но этого мало: вслѣдъ за симъ она подаетъ еще заявленіе такого же содержанія въ херсонскую уголовную палату, куда недавно передъ тѣмъ перешло и настоящее дѣло. Но ей и этого еще мало: она подаетъ сенатору Шахматову бумагу, на трехъ листахъ. Спрашивается, откуда кухарка могла знать, что дѣло поступило въ херсонскую палату? Откуда она брала деньги, чтобы платить за трудъ составителю этихъ длинныхъ бумагъ, да и что за интересъ для кухарки тратить 2-хъ или 3-хъ мѣсячное жалованье, что за сочувствіе такое къ интересамъ Пономарева? Не ясно ли изъ всего этого до очевидности, что кухарка была ни болѣе, ни менѣе, какъ слѣпымъ орудіемъ кого-то? Не становятся ли послѣ этого вполнѣ достовѣрными слова Кошеваго и Ермолаева, что Кончина дѣйствительно не давала показаніе, что ея показаніе написано было Глибергомъ, что она только доставила его. Точно также ведутъ себя еще и другія двѣ свидѣтельницы: Біязи и памятная вамъ Уць. Онѣ хотя и разновременно, но также подавали заявленія слѣдователю, съ просьбою оградить ихъ отъ угрозъ Кусенковой. Если ихъ показанія справедливы, то чего же было имъ бояться? А вѣрно было чего, если онѣ такъ трусили и прежде обвиненія ихъ въ чемъ-либо начали уже ограждать себя подачею разныхъ заявленій. Развѣ такъ ведутъ себя безпристрастные свидѣтели? Конечно, нѣтъ. — Теперь о Глибергѣ. Во время событія онъ былъ неоплатнымъ должникомъ конторы банка; наканунѣ этого событія банкъ освободилъ его отъ заключенія и разсрочилъ платежъ долга по 5 руб. въ мѣсяцъ, впредь, однакожъ, до особаго распоряженія. Это особое распоряженіе могло послѣдовать всегда, т. е. о томъ, чтобы его посадить. Но Пономаревъ — секретарь конторы банка и человекъ дѣльный, и очевидно, что расположеніе Пономарева Глибергу нужно было какъ воздухъ. И

вотъ, Гликбергъ является и говорить: я буду свидѣтелемъ, и даетъ показаніе, а Пономаревъ, волей неволей, долженъ уже, конечно, не вредить Гликбергу. Всѣ главные свидѣтели подраздѣляются на двѣ группы: это семейство кухарки Кончиной и другое семейство Гликберга: Энти Гликбергъ, самъ Гликбергъ и Шестопаль—еврей, а Кусенкова—выкрестка. Кому неизвѣстенъ фанатизмъ евреевъ простыхъ, необразованныхъ, фанатизмъ, располагающій ихъ погубить единовѣрцевъ, принявшихъ христіанскую религію? Я прошу васъ, между прочимъ, обратите вниманіе ваше и на это обстоятельство. Но вотъ является еще какое то замѣчательное лицо. Это именно Финкельштейнъ, одинъ изъ счастливѣйшихъ свидѣтелей. Замѣьте, что этотъ Финкельштейнъ, какъ вамъ уже извѣстно, живетъ въ Одессѣ, г. Пономаревъ тоже одесситъ, имѣетъ здѣсь связи, какъ бывшій секретарь магистрата, имѣвшій связи съ полицією, а между тѣмъ понятой этотъ не былъ розысканъ въ продолженіе болѣе года, а другой понятой какъ бы исчезъ съ лица земли: его уже вовсе не розыскали. Странно что-то. Но когда Кусенкова подъ конецъ слѣдствія обратила вниманіе на исчезновеніе этихъ понятыхъ, тогда она начала указывать на исчезновеніе понятыхъ—мальчиковъ, которые были во время мнимаго происшествія въ ея квартирѣ, тогда только Гликбергъ приглашаетъ Финкельштейна, предлагаетъ ему даже мѣсто. И это еще не все: онъ ему даетъ даже и деньги. Все это вы знаете изъ показанія самого Финкельштейна. Скажите, пожалуйста, Гликбергъ—неоплатный должникъ—является такимъ благодѣтелемъ! Но добро дѣлать никогда не дурно, по какимъ бы то ни было мотивамъ; и вотъ, какъ говоритъ Финкельштейнъ, Гликбергъ, обласкавъ его, посылаетъ къ Пономареву. Здѣсь для Финкельштейна оказался своего рода рудникъ. Этотъ мальчикъ уже не ищетъ работы, благо нашлась добрая душа, Богъ вѣсть изъ-за чего помогающая ему. Пономаревъ даетъ ему постоянно деньги. Финкельштейнъ, какъ видно, избаловался: сначала довольствовался и малымъ, а потомъ началъ требовать все больше и больше. Впрочемъ, это очень натурально, и я думаю, что требованія его сдѣлались даже

безмѣрны. Зная отъ Пономарева или отъ Глиберга, что вотъ онъ потребуется въ качествѣ свидѣтеля, и имѣя въ виду, что не даромъ же его ласкали такъ, баловали и давали столько денегъ, онъ, я думаю, предъявилъ свои требованія уже въ такихъ размѣрахъ, что Пономаревъ и не въ силахъ былъ удовлетворить его. И вотъ, здѣсь, на судѣ, несовершеннолѣтній Фингельштейнъ, когда напомнили ему объ отвѣтственности за ложныя показанія, въ простотѣ сердца и разсказалъ все, какъ было. Но г. прокуроръ оправдываетъ, такъ сказать, Пономарева; обвиненіе говоритъ, что нужно же было удержать этого мальчика...

Прокуроръ. Не оправдываетъ, но объясняетъ.

Предсѣд. Прокуроръ не имѣетъ права останавливать защитника и дѣлать заключенія безъ разрѣшенія предсѣдательствующаго; во всякомъ случаѣ, неточность выраженія защитника, вы могли указать въ своемъ возраженіи.

Прокуроръ просилъ занести и то и другое въ протоколъ.

Защитникъ (продолжаетъ). Обвиненіе говоритъ, что нужно же было удержать этого мальчика...

Предсѣд. (остановивъ защитника, къ прокурору). Вамъ должно быть извѣстно, что предсѣдательствующій одинъ управляетъ ходомъ засѣданія.

Прокуроръ. Это уже было сказано и занесено въ протоколъ.

Предсѣд. Прерываю засѣданіе, такъ какъ прокуроръ выходитъ изъ предѣловъ предоставленной ему по закону власти.

(*Перерывъ засѣданія около часа.*)

По возобновеніи засѣданія предсѣдательствующій приводитъ содержаніе 611 ст. Уст. Угол. Судопр. и 154 ст. Учрежд. Суд. Устан., и затѣмъ предлагаетъ защитнику продолжать.

Защитникъ. Припомнивъ общую характеристику показаній свидѣтелей, въ связи съ сдѣланнымъ мною анализомъ содержанія этихъ показаній, я думаю вы согласитесь со мною, если я скажу, что все то, на что я обращалъ вниманіе ваше, приводитъ

къ тому убѣжденію, что нѣтъ ни одного показанія, на которомъ можно бы было основать обвиненіе Кусенковой.

Засимъ я перейду къ третьей и послѣдней части моей рѣчи. Вы слышали здѣсь, гг. присяжные засѣдатели, тѣ отвѣты, которые давалъ Пономаревъ на мои вопросы; вы слышали, что Пономаревъ, какъ мнѣ кажется, давалъ уклончивые отвѣты. На первыхъ порахъ онъ, такъ сказать, хотѣлъ какъ будто неосознаться въ томъ, что онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Кусенковой, что онъ, однимъ словомъ, жилъ съ нею. Мнѣ кажется, что подобная рѣшимость со стороны Пономарева отрицать фактъ, извѣстный едва ли не всему городу, даетъ мнѣ право сомнѣваться и въ томъ, что онъ рассказывалъ и о мнимомъ событіи, т. е. о сверткахъ и копѣйкахъ. Мнѣ кажется, что Пономаревъ, еслибъ онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ правъ, онъ не запирался бы въ сожителствѣ съ Кусенковой, а просто, и съ первыхъ же словъ, рассказалъ бы вамъ, что вотъ въ такомъ-то году я полюбилъ Кусенкову (любовь вѣдь не порокъ), жилъ съ нею столько-то лѣтъ, что у насъ все было общее и пр. Тогда, по крайней мѣрѣ, показаніе его по отношенію обвиненія имѣло бы хотя какую нибудь вѣроятность; но онъ, напротивъ, несмотря на свою роль обвинителя, былъ неискрененъ на судѣ, старался затемнить общеизвѣстный фактъ, а все это, по моему, выражаетъ лишь стремленіе его отягчить и безъ того уже несчастное положеніе женщины, сидящей на скамьѣ подсудимыхъ; однимъ такимъ уже намѣреніемъ онъ лишилъ себя и права на довѣріе къ данному имъ показанію противъ Кусенковой. Но кто же отягчаетъ несчастное положеніе подсудимой? Это человекъ, прожившій съ нею почти 15 лѣтъ! Однакожъ, на показаніи Пономарева я не буду долго останавливаться, чтобы не утомлять вашего вниманія; я думаю, что всего сказаннаго мною уже весьма достаточно для уясненія обстоятельствъ этого дѣла. Я остановлюсь только еще на векселѣ въ 2,200 р., который, по словамъ Кусенковой, былъ данъ ею Пономареву въ замѣнъ векселя, даннаго имъ ей 7-го мая 1868 г. Г. Пономаревъ, какъ при предварительномъ слѣд-

ствии, так и здесь, упорно отрицать существование векселя у Кусенковой на 2,200 р. до 7-го мая. Это заставляет меня разяснить, доказан ли факт существования этого векселя, или нет, и насколько именно он доказан. Вы слышали, что Кусенкова ссылалась на свидетеля Курилова, который, къ сожалѣнію, не явился въ засѣданіе. Это одинъ изъ тѣхъ свидетелей, который, если бы былъ здѣсь, устранилъ бы всякое сомнѣніе въ томъ, что у нея дѣйствительно былъ вексель Пономарева на 2,200 р., устранилъ бы, я хочу сказать, сомнѣніе въ тѣхъ лишь, которые хотѣли бы, такъ сказать, еще больше убѣдиться въ справедливости ея словъ...

Предсѣд. Г. защитникъ! Я вынужденъ васъ остановить. Свидѣтель Куриловъ здѣсь не былъ спрошенъ.

Защитникъ. Но для меня этотъ фактъ выясненъ какъ нельзя болѣе. Мы слышали показаніе свидѣтеля Браславскаго; онъ намъ показалъ, что видѣлъ у Кусенковой вексель на сумму около 4,000 р. Затѣмъ г. предсѣдатель напомнилъ ему, что при предварительномъ слѣдствіи онъ говорилъ, что видѣлъ векселей на сумму болѣе 4,000 р. Онъ отвѣчалъ, что все-таки я хорошо не помню, цифры опредѣлить не могу, но знаю положительно, самъ видѣлъ у нея векселя Пономарева на сумму около 4,000 р. Уже самая личность свидѣтеля, извѣстная вамъ, ручается за достовѣрность его показанія; но при всемъ томъ, Пономаревъ все-таки увѣряетъ насъ, что у Кусенковой было векселей его всего лишь на 2,700 р. Другой свидѣтель Богдашевъ не отвѣчалъ такъ утвердительно, какъ Браславскій; онъ сказалъ только, что дѣйствительно видѣлъ у Кусенковой нѣсколько векселей Пономарева. Если эти показанія разсмотрѣть въ связи вообще со всѣмъ ходомъ дѣла, и если вы припомните показаніе Троицкаго о томъ, что Кусенкова приходила къ нему, вмѣстѣ съ Пономаревымъ, что они принесли тогда 1,000 р., что хотя г. Троицкий и не помнитъ, отъ кого онъ взялъ эти деньги, т. е. съ рукъ ли Кусенковой или съ рукъ Пономарева, но уже одно то обстоятельство, что Пономаревъ явился съ Кусенковой, кажется мнѣ, лучше всего доказываетъ, что

эти деньги были ей, иначе, съ какой цѣлью она явилась бы туда. Не очевидно ли, что она явилась къ начальнику Пономарева съ той цѣлью, чтобы собственными глазами убѣдиться, что эти деньги пойдутъ по назначенію; очевидно, что она недовѣряла Пономареву: а что если онъ не отдастъ ихъ? Вотъ для чего они и приходили вмѣстѣ къ г. Тройницкому. Далѣе. Кусенкова говоритъ, что вскорѣ послѣ отдачи ею денегъ г. Тройницкому, пришелъ къ ней Пономаревъ и сказалъ, что князь, несмотря и на посредство г. Тройницкаго, не соглашается на такую огромную уступку и, однимъ словомъ, не беретъ менѣе 1,400 р. Дай, говоритъ онъ ей, остальные 400 руб. и я покончу съ княземъ. Кусенкова не призадумалась и дала ему эти деньги, но она говоритъ еще, что вмѣсто этихъ денегъ она приобрѣла въ свою собственность вексель на 2,600 р., по которому князь взыскивалъ съ Пономарева съ процентами до 3000 р. А что Кусенкова дѣйствительно приобрѣла отъ князя вексель Пономарева, заплативъ за него означенныя выше деньги, это фактъ, неотвергаемый даже и самимъ Пономаревымъ. Однимъ словомъ, Кусенкова такимъ образомъ выпутала Пономарева изъ затруднительнаго положенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобрѣла его же вексель на сумму вдвое болѣе уплаченной ею, и могла, слѣдовательно, взыскать по немъ съ Пономарева всѣ деньги, т. е. вдвое. Но Кусенкова и этимъ не воспользовалась, она и тутъ является его доброжелательницею; она входитъ съ нимъ въ соглашеніе, передаетъ этотъ вексель Пономареву, а въ замѣнъ его беретъ другой вексель, всего на 2,200 р., т. е. она присовокупила къ уплаченнымъ ею 1,400 р. еще и другія деньги, бывшія въ долгу за Пономаревымъ, безъ обязательства. Вотъ тотъ источникъ, изъ котораго образовался вексель въ 2,200 р.; вотъ этотъ-то именно вексель она и отдала Пономареву 7-го мая въ замѣнъ того векселя, который былъ данъ имъ ей того же 7-го мая, по случаю наступленія срока первому векселю. Все это такъ вѣроятно, такъ правдоподобно, что нельзя не удивляться Пономареву, что онъ рѣшается еще отвергать существованіе у ней этого векселя. Вѣдь не подарила же она ему век-

сель князя, съ процентами, на 3,000 р.? Если она не дарила ему его (да онъ и не говоритъ этого), то нѣтъ сомнѣнiя, что онъ выдалъ ей другой вексель въ замѣнъ векселя князя, тогда именно, когда она переуступила ему послѣднiй. Но все таки странно, съ перваго взгляда, что же заставляетъ Пономарева отрицать этотъ фактъ, — вѣдь долгъ не преступленiе? Но въ томъ-то и дѣло, что этого никакъ ему нельзя сказать теперь. Если бы Пономаревъ сказалъ это въ то самое время, когда онъ уличалъ ее въ дачѣ мѣдныхъ копѣекъ, вмѣсто золота, сказалъ, что «да, у нея есть мой вексель въ 2,200 р., но я не получалъ его отъ нея» — оно бы еще ничего; но онъ въ то время положительно утверждалъ, что такого векселя у нея никогда не было, а сознать теперь уже этотъ фактъ, послѣ двухгодоваго почти заперательства, не приходится, такъ какъ подобное сознание тотчасъ рушило бы обвиненiе въ самомъ его основанiи. Несмотря, однакожь, на заперательство Пономарева, показанiе свидѣтеля Браславскаго въ связи съ показанiемъ гг. Тройницкаго и Богдашева, а также и съ приобрѣтенiемъ Кусенковою векселя князя, мнѣ кажется вполнѣ доказываютъ фактъ существованiя у нея векселя Пономарева на 2,200 р. Такимъ образомъ, оказывается, что Пономаревъ получилъ отъ Кусенковой именно этотъ вексель въ замѣнъ даннаго имъ ей 7-го мая, а вовсе не тѣ зловѣщiя копѣйки, которыя почему-то, въ ея отсутствiи, очутились на столѣ въ ея квартирѣ.

Предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, женщина, прошедшее которой, какъ вы слышали, небыспорно; но вамъ извѣстно, что вы не суды теперь ея прошедшей жизни. За свою прошедшую жизнь она много уже перестрадала. Если бы не было у нея этой несчастной прошедшей жизни, то, конечно, не было бы даже и такого ожесточеннаго со стороны Пономарева уголовного слѣдствiя противъ нея, доведшаго ее до самья подсудимыхъ. Не будь этой прошедшей жизни, она бы встрѣтила сочувствiе, нашлись бы и защитники, нашлись бы и люди, понимающiе дѣло; они указали бы ей на законныя средства раскрыть всю эту махинацію, но, увы, эта-то прошедшая жизнь и была причиной об-

виненія оея въ мошенничествѣ. А лишь услышали о такомъ обвиненіи—всѣ отступились отъ нея окончательно, и вотъ она за эту прошедшую жизнь, такъ видите, достаточно наказана уже двух-годовымъ судебнымъ слѣдствіемъ. Борьба женщины, не получившей почти никакого образованія, съ такой сильной опытностью, съ знаніемъ дѣла, конечно, дутомила ее, а тюрьма, въ которой она содержалась болѣе года, и опасеніе, что, пожалуй, вѣдь могутъ и повѣрить свидѣтелямъ и придется тогда невинно, ни за что, ни про что, пострадать на всегда. А какъ да развѣ все это не разобьетъ самую сильную натуру, развѣ эта нравственная пытка легка? Да перечувствуетъ ли инной человекъ въ продолженіе всей жизни столько, сколько несчастная Кусенкова перечувствовала вотъ здѣсь, въ два дни, на скамьѣ подсудимыхъ?! Примите, гг. присяжные, все это во вниманіе. Я отдаю участь моей клиентки въ ваши руки и вполне убѣжденъ, что вы относитесь къ ней справедливо, а мнѣ кажется, что, относясь къ ней и дѣлу справедливо, нельзя произнести обвинительнаго приговора. Скажу еще болѣе: допустимъ, что всѣ мои усилія остались тщетны, что очевидное для меня—не представляется таковымъ для васъ, допустимъ, говорю я, что у васъ остается еще какое либо сомнѣніе въ невинности Кусенковой; но вамъ извѣстно, да вѣроятно г. предсѣдатель напомнить еще вамъ, что подобное сомнѣніе, при отсутствіи полного убѣжденія въ виновности,—а такого убѣжденія, я увѣренъ, вы и не могли вынести,—всегда и непременно должно быть разъяснено въ пользу подсудимой и разрѣшиться оправдательнымъ приговоромъ. Этому требуетъ и законъ и совѣсть. Теперь, въ заключеніе, вопреки очевидности и фактамъ, допустимъ, впрочемъ на словахъ только, даже возможность виновности Кусенковой въ взводимомъ на нее преступленіи. Но и въ такомъ случаѣ ее нельзя не оправдать, если вы припомните тѣ отношенія, которыя могли, такъ сказать, создать подобное событіе. Вамъ извѣстно изъ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, что Кусенкова будто бы требовала отъ Пономарева, чтобы онъ заплатилъ ей за 15 лѣтъ жизни съ нею. Въ этомъ требованіи, если оно и было, ни-

чего нѣтъ ненатуральнаго, и всякая другая женщина, почти безъ исключенія, требовала бы того же. Пономаревъ, какъ вамъ извѣстно, не только что не хочетъ, или не можетъ удовлетворить ея требованія, но и не возвращаетъ ей ея же денегъ. Подъ влияніемъ отчаянія, горя и тоски съ одной стороны, а съ другой—въ виду намѣренія его взять у нея и послѣднія деньги, — допустимъ, говорю я, невѣроятное, — Кусенкова, вмѣсто ожидаемаго имъ золота, даетъ ему копѣйки. Да, вѣдь это своего рода, хотя и не похвальный, но все таки расчетъ между своими, близкими, своего рода шутка—ни болѣе. Вѣдь Пономаревъ и Кусенкова, хотя внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, и отдѣлены уже другъ отъ друга, но все таки 15-лѣтняя связь родитъ насъ почти навсегда даже и съ тѣми, которые намъ уже и вовсе не нужны. Вамъ извѣстно, что кража между супругами преслѣдуется только тогда, когда настаиваетъ на этомъ одна изъ сторонъ, а что въ противномъ случаѣ она не преслѣдуется. Да развѣ связь Кусенковой съ Пономаревымъ не уподоблялась связи супружеской? Мнѣ кажется, что связь, подобная 15-лѣтней связи Пономарева съ Кусенковой, въ сущности еще крѣпче другой какой либо связи, ибо если живущіе такимъ образомъ, при постоянной возможности разойтись, не будучи ничѣмъ связаны, такъ сказать, съ внѣшней стороны, все таки живутъ десятки лѣтъ вмѣстѣ, то это значить, что между такими людьми есть какая-то внутренняя связь, такое звѣно, которое они и сами уже не всегда могутъ разорвать. Въ такой именно связи, разорванной лишь искусственно, находились Пономаревъ и Кусенкова. Принимая все это во вниманіе, т. е. отношенія ихъ, я думаю, вы не обвинили бы Кусенкову, если бы даже и несомнѣвались въ совершеніи ею взводимаго на нее поступка; но вы не могли вынести убѣжденія въ ея виновности, а потому я и остаюсь въ полной увѣренности, что вы защитите ее, дадите ей свободу и хотя этимъ не возвратите ей ни здоровья, ни капитала, но, по крайней мѣрѣ, вы возвратите ей честь, а Пономареву дадите возможность заплатить свой долгъ, который, по мнѣнію моему, долженъ быть для него долгомъ священнымъ *(въ публикѣ рукоплеканія)*.

Предсѣд. (къ защитнику). По поводу сдѣланнаго вами, г. защитникъ, сопоставленія отношеній супружескихъ съ тѣми отношеніями, какія существовали между Кусенковой и Пономаревымъ, я долженъ обратить вниманіе ваше на то, что вамъ не слѣдовало бы дѣлать этого сопоставленія въ смыслѣ, вами допущенномъ, такъ какъ у насъ въ Россіи религія ставитъ бракъ законный выше всякихъ гражданскихъ и физическихъ браковъ.

(Къ публикѣ). По поводу апплодисментовъ публики обращаю вниманіе ея на то, что подобныя знаки одобренія, какъ и знаки неодобренія, не допускаются въ судебномъ засѣданіи, и что въ случаѣ бы нельзя было усмотрѣть виновныхъ по этому предмету, предсѣдательствующему въ засѣданіи законъ предоставляетъ право удалить всю публику изъ зала засѣданія.

Послѣ этого стороны обмѣнялись возраженіями. Судъ для рѣшенія присяжныхъ засѣдателей постановилъ слѣдующій вопросъ: «Виновна ли подсудимая, одесская купчиха Ольга Федорова Кусенкова въ томъ, что 7-го мая 1868 г., получивъ отъ коллежскаго ассесора Пономарева вексель въ 2,200 р., въ замѣнъ этого векселя отдала Пономареву, вмѣсто слѣдовавшихъ ему золотыхъ на эту сумму монетъ (совереновъ), свертки съ мѣдными копѣйками, чрезъ каковое дѣяніе она, Кусенкова, совершила похищеніе означенной валюты (т. е. капитальной суммы) того векселя?»

Предсѣд. Послѣ продолжительныхъ преній, гг. присяжные засѣдатели, въ еще болѣе продолжительнаго слѣдствія существовавшаго настоящаго дѣла представляется достаточно, кажется, яснымъ; лицо, возбудившее это дѣло, надворный совѣтникъ Пономаревъ, является въ качествѣ гражданскаго истца по дѣлу, не переставая быть и главнымъ свидѣтелемъ, какъ лицо, заявившее себя потерпѣвшимъ по дѣлу. Пономаревъ доказываетъ мошенничество, въ которомъ купчиха Кусенкова и обвиняется. Кусенкова отвергаетъ это и согласіе въ показаніяхъ ихъ, повидимому, заключается лишь въ томъ, что день 7 го мая 1868 года дѣйствительно ознаменовался выдачей Пономаревымъ Кусенковой векселя въ

2,200 р., причѣмъ, какъ показываетъ Пономаревъ, вмѣстѣ этого векселя, въ видѣ валюты, ему дана была вмѣсто золотыхъ монетъ «совереновъ» нищенская сумма въ нѣсколько сотъ копѣекъ, тщательно зашитыхъ въ полотняные мѣшечки или свертки, а Кусенкова утверждаетъ, что въ замѣнъ означеннаго векселя, въ тотъ день отъ Пономарева полученнаго, она возвратила Пономареву другой вексель, который, какъ подсудимая показываетъ, Пономаревъ тогда же изорвалъ и закурилъ имъ папиросу. Слѣдствіе по настоящему дѣлу, какъ и по всякому другому дѣлу, должно было разъяснить вамъ значеніе трехъ представляющихся предметовъ уголовного изслѣдованія. По примѣненію собственно къ настоящему дѣлу, эти три предмета уголовного изслѣдованія составляютъ: совершился ли преступный обманъ или мошенничество, предусматриваемое обвиненіемъ; во если совершилось, то совершенно ли оно Кусенковою, которая въ совершеніи его обвиняется, и если совершила его Кусенкова, то слѣдуетъ ли признать ее виновною. По вѣншей обстановкѣ судебного слѣдствія вы могли видѣть, что обвиненіе представило вамъ много матеріаловъ для сужденія по настоящему дѣлу; но всякое судебное слѣдствіе имѣетъ не одну вѣншую сторону и состоитъ не въ количествѣ свидѣтелей, а въ качествѣ свидѣтельскихъ показаній. Я старался дать такой порядокъ производству слѣдствія по настоящему дѣлу, чтобы прежде всего объяснить то, что можетъ относиться къ факту самаго преступленія. Объ этомъ фактѣ былъ прежде всего спрошенъ заявившій себя потерпѣвшимъ лицомъ по дѣлу Пономаревъ; потомъ лица, призванныя имъ первоначально 7-го мая 1868 года въ квартиру Кусенковой и которыя присутствовали при обыскѣ Кусенковой, потомъ маклеръ, оу котораго явленъ былъ вексель; далѣе были спрошены эксперты по дѣлу относительно сличенія кусочка полотна, найденнаго у Кусенковой, съ тѣми полотняными свертками, которые предъ вами находятся. За тѣмъ уже идутъ свидѣтели, которые всего ближе находились къ мѣсту совершенія даннаго преступленія, т. е. домашніе люди, при этомъ вы вспомните показаніе кухарки Кончиной и ея родныхъ; затѣмъ были

допрошены свидѣтели, которые показали объ обстоятельствахъ, болѣе или менѣе относящихся къ событію 7-го мая, но изъ нихъ нѣкоторые показали объ обстоятельствахъ, которыя слѣдовали весьма скоро послѣ событія 7-го мая. Тутъ вспомните показаніе объ узелкѣ, въ которомъ, какъ показалъ одинъ изъ свидѣтелей Шестопадъ, видѣнъ былъ весель и монеты, о которыхъ была рѣчь, а также другія показанія относительно узелка этого и обстоятельствъ, къ содержанію его относящихся; далѣе свидѣтели показали объ обстоятельствахъ, непосредственно предшествовавшихъ событію 7-го мая. Тутъ вы вспомните показанія тѣхъ лицъ, которые видѣли Кусенкову въ банкѣ, гдѣ она справлялась, по ихъ объясненію, на счетъ курса совереновъ; показанія Джано и другихъ на счетъ размѣна Кусенковой 3 руб. на копѣйки, о томъ, для кого и для чего все это могло приготовляться, показанія о полотнѣ и проч. Наконецъ, были спрошены свидѣтели, показавшіе объ обстоятельствахъ, болѣе отдаленныхъ отъ событія 7-го мая, именно о веселяхъ, которые они видѣли у Кусенковой и которыхъ, по показанію одного, было на сумму около 4000 руб.; объ уплатѣ Кусенковою извѣстной суммы за Пономарева князю Гагарину и о желаніи уплатить менѣе, чѣмъ сколько Пономаревъ былъ долженъ ему, и, кромѣ того, были спрошены свидѣтели, приглашенные сюда вслѣдствіе просьбы защиты и гражданскаго истца, которые указывали на разныя обстоятельства, болѣе или менѣе отдаленныя отъ событія 7-го мая и относившіяся также къ вопросу о достовѣрности показаній другихъ свидѣтелей и объ отношеніяхъ Кусенковой и Пономарева къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Вотъ обзоръ показаній свидѣтелей въ порядкѣ производства слѣдствія. Вы обратите вниманіе, конечно, на внутреннее значеніе, на содержаніе каждаго свидѣтельскаго показанія. Безъ вниманія вашего не можетъ остаться и то, что большая часть свидѣтелей присягала, но присягѣ нельзя придавать безусловнаго значенія, безъ связи ея съ оцѣнкою свидѣтельскихъ показаній. Если присягѣ давать безусловное значеніе, то присяга рѣшала бы дѣло, а не судьи. Ваше дѣло при особомъ анализѣ содержанія свидѣтельскихъ пока-

заній сообразить связь ихъ между собою по отношенію къ тремъ означеннымъ предметамъ уголовного изслѣдованія. Все дѣло въ оцѣнкѣ истиннаго смысла и достоинства свидѣтельскихъ показаній; присяга же можетъ только служить извѣстнымъ обезпеченіемъ для того лица, которое присягаетъ, и судьи только при совершенномъ равенствѣ присяжнаго и безприсяжнаго показанія должны придать болѣе достовѣрности показанію, данному подъ присягой. Но и присяжныя показанія могутъ противорѣчить другъ другу, что вы должны принять въ соображеніе и по настоящему судебному слѣдствію, представляющему нѣкоторыя присяжныя показанія привполнѣ, повидимому, особенныхъ условій личности присягающихъ. Вы можете обратить вниманіе на то, что какъ не всякій, говорящій устами своими «Господи, Господи!», близко сердцемъ къ Богу, такъ и не всякій, говорящій устами «клянусь», близко сердцемъ къ той истинѣ, ради которой онъ цѣлуетъ крестъ и Евангеліе или библию Адоная. Въ виду этого поставьте себя какъ можно ближе къ внутреннему значенію, къ дѣловой сторонѣ свидѣтельскихъ показаній и къ нравственнымъ условіямъ личности свидѣтелей, говорившихъ передъ вами, какъ сами отъ себя на первоначальномъ допросѣ, такъ и по поводу вопросовъ сторонъ и вашихъ вопросовъ и на очныхъ ставкахъ. Слѣдствіе для того и происходитъ передъ вами, чтобы вы могли воспринять отъ каждаго свидѣтеля непосредственно то или другое впечатлѣніе, которое производитъ свидѣтель, дающій свои показанія и объясненія, и для того, чтобы тѣмъ дать показанію свидѣтеля правильную оцѣнку, руководствуясь всеѣмъ тѣмъ, что вы сами слышали отъ свидѣтеля и что вы извлекли изъ всесторонняго соображенія всехъ свидѣтельскихъ показаній, изъ всего дѣла, изъ всего засѣданія. Такимъ образомъ, свидѣтельскія показанія по настоящему дѣлу въ общей связи ихъ и въ должномъ соотношеніи ихъ съ объясненіями подсудимой представятъ вамъ такія доказательныя данныя за или противъ обвиняемой, которыя и послужатъ вамъ къ разрѣшенію главнѣйшихъ вопросовъ дѣла, къ разрѣшенію: насколько подтверждается показаніе подсудимой о томъ, что преступленіе,

введенное на нее Пономаревымъ, есть мнимое преступленіе, насколько въ связи съ этимъ подтверждается ея же показаніе объ огромныхъ расходахъ, которыми она жертвовала въ пользу Пономарева, и насколько такія показанія могли удостовѣрить ея объясненія о томъ, что она не имѣла никакого основанія пользоваться имуществомъ Пономарева; насколько судебнымъ слѣдствіемъ подтверждаются показанія Пономарева о томъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ связь съ Кусенковой, но не интимную, какъ выражается Пономаревъ, а близкую, и что если онъ занималъ у нея деньги, то не иначе какъ платилъ по 3% въ мѣсяцъ, и что если онъ и пользовался ея одолженіями и разными расходами на него Кусенковой, то онъ за эти расходы, за обѣды, карточные долги, вино, сигары и проч., заплатилъ ей не менѣе того, что все это стоило. Согласно судебному слѣдствію взвѣсите вы также насколько заслуживаетъ достовѣрности показаніе Пономарева о томъ, что подсудимая, признавая вѣроятно, что недостаточно получила съ Пономарева за свои будто огромные расходы на него и не имѣя возможности получить съ него болѣе или вновь сойтись съ нимъ послѣ его женитьбы, употребила тотъ маневръ, который выразился въ происшествіи 7-го мая 1868 года. Всѣ эти соображенія вы положите въ основаніе сужденія вашего по вопросамъ, вамъ предложеннымъ, прежде, чѣмъ разрѣшите вопросъ о виновности подсудимой по настоящему дѣлу въ той формѣ, въ какой мотивированъ предметъ преступленія. Для рѣшенія вопроса о томъ, совершилось ли событіе преступленія и совершила ли его Кусенкова, т. е. отдала ли Кусенкова вмѣсто золотыхъ монетъ мѣдныя копейки, получивъ вексель въ 2,200 руб. отъ Пономарева, вамъ нужно будетъ объяснить себѣ насколько достовѣрны свидѣтельскія показанія, имѣющія большее или меньшее отношеніе къ предмету показанія Пономарева, какъ находившагося въ квартирѣ Кусенковой 7 мая 1867 г. и притомъ въ такое время, какъ показываетъ Пономаревъ, когда тутъ была только одна Кусенкова. Вы объясните себѣ для рѣшенія этого вопроса, есть ли основанія, вслѣдствіе показанія свидѣтелей, допустить, что Пономаревъ на-

мѣренно устроилъ всю эту исторію въ квартирѣ Кусенковой для того, чтобы отъ нея отдѣлаться и насколько такія предположенія могутъ подтвердиться показаніями подсудимой Кусенковой, которая, по объясненію Пономарева, находилась также одна въ моментъ происшествія 7 мая, такъ что дѣло происходило только между ними двумя. Для разрѣшенія вопроса о виновности Кусенковой, если бы вы признали, что событіе преступленія по настоящему дѣлу совершилось и совершенно Кусенковою, вамъ нужно объяснить себѣ если Кусенкова выдала эти копѣйки вмѣсто золотыхъ монетъ, то сдѣлала ли она это съ цѣлью отмстить Пономареву за разладъ съ нею за женитьбу съ другою и съ тѣмъ, чтобы поставить его въ положеніе обязаннаго ей лица, но безъ желанія воспользоваться, похитить его имущество. Если вы признаете, что Кусенкова совершила это дѣяніе и что она чрезъ это самое совершила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и похищеніе чужаго имущества, то вы должны признать подсудимую виновною; но если вы признаете только одно событіе преступленія и доверитесь настолько показанію подсудимой, что не признаете въ этомъ дѣяніи корыстной цѣли, то въ такомъ случаѣ вамъ представится существенное сомнѣніе для разрѣшенія вопроса о виновности подсудимой, а существенное сомнѣніе по всякому дѣлу всегда обращается въ пользу обвиняемаго. Не слѣдуетъ, однакоже, злоупотреблять этимъ правиломъ. Иногда могутъ быть такіе предметы въ порядкѣ производства слѣдствія, которые наводятъ на нѣкоторое сомнѣніе; но это сомнѣніе можетъ не всегда быть существенно по отношенію къ главному предмету; стадо быть, нужно отличать степень важности тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли породить существенное сомнѣніе. Сомнѣніе можетъ быть существенно по разнымъ предметамъ, но существенъ ли тотъ предметъ, который возбуждаетъ сомнѣніе — вотъ въ чемъ вопросъ. Изъ этого слѣдуетъ необходимость различія по каждому дѣлу предметовъ существенныхъ отъ несущественныхъ обстоятельствъ, долженствующихъ опредѣлить смыслъ, характеръ дѣянія подсудимой, и если дѣяніе указываетъ на злую волю ея, то степень этой злой воли; это будетъ относиться къ предметамъ существеннымъ. Во всякомъ слу-

чаѣ необходимо, чтобы въ распознаніи истинной стороны дѣла вы пришли къ совершенному удостовѣренію въ томъ, что или подсудимая виновна и виновна въ томъ, въ чемъ она обвиняется по точному смыслу существа предлагаемаго вамъ вопроса, или что она невиновна. Какъ на одномъ и томъ же мѣстѣ не можетъ быть двухъ предметовъ въ силу физическаго закона, такъ точно и у васъ самихъ можетъ быть только убѣжденіе или въ виновности или невинности подсудимой. При смѣшеніи этого теряется равновѣсіе и, само собою, утвержденія обвиненія при такихъ условіяхъ быть не можетъ, — должно быть отрицаніе. При отрицаніи главной виновности подсудимаго по существу вопроса, присяжные могутъ, конечно, обратиться къ утверженію виновности подсудимой по несущественной сторонѣ обвиненія, но такое отступленіе введетъ уже въ предѣлы другой части дѣла, для разрѣшенія которой остаются тѣ же руководящія основанія. Но этого предмета, по примѣненію къ данному дѣлу, коснусь позже. Преступленіе, въ которомъ обвиняется Кусенкова, составляетъ мошенничество. Мошенничество есть одинъ изъ видовъ похищенія или преступленіе противъ чужой собственности. По характеру настоящаго дѣла, дѣяніе, въ которомъ обвиняется подсудимая, можетъ юридически представляться съ перваго раза не вполне соответствующимъ тому, что именно законъ разумѣетъ подъ словомъ мошенничество. Такъ, напримѣръ, могло бы представляться, что въ данномъ случаѣ похищены не деньги, не имущество, которое могло быть только получено по векселю, еслибъ Кусенкова представила его ко взысканію, но самый вексель, какъ документъ, могло бы представиться также, что если подсудимая отдала эти копѣйки вмѣсто золотыхъ, то обстоятельствами, сопровождавшими это преступленіе, вынудила Пономарева къ дачѣ денежнаго обязательства. Все это было бы такъ, и дѣяніе Кусенковой можно бы отнести къ тому или другому роду преступленія, на которые я указалъ, если-бы не было того существеннаго признака, который составляетъ отличіе мошенничества, это — обманъ. Вотъ, вслѣдствіе этого, и то дѣяніе, въ которомъ подсудимая обвиняется, и отнесено къ роду мошенничества,

т. е. такого похищенія чужой собственности, которое совершается посредством обмана. Обманъ можетъ быть различныхъ видовъ, и если перебирать всѣ виды обмана, то въ числѣ ихъ можно дойти до безконечности. Обманы совершаются и въ обыденныхъ житейскихъ отношеніяхъ, и въ торговлѣ при куплѣ-продажѣ, при разныхъ сдѣлкахъ и условіяхъ, однимъ словомъ—ездѣ, гдѣ только вращается человѣческая дѣятельность; но для отвѣтственности передъ закономъ совершающаго обманъ требуется, чтобы обманъ былъ соединенъ съ похищеніемъ имущества. Поэтому и вопросъ поставленъ вамъ не только о томъ главномъ фактѣ, что подсудимая, получивъ вексель, отдала вмѣсто золота Пономареву копѣйки, въ видѣ валюты или капитальной суммы по тому векселю, но къ разрѣшенію вашему прибавлено: чрезъ каковое дѣяніе она, Еусенкова, совершила похищеніе, въ вопросѣ объясненнаго имущества. Вотъ вся фактическая и юридическая сторона настоящаго дѣла. Если бы вы, по обсужденіи дѣла, на основаніи всего слышаннаго и видѣннаго вами и по внутреннему убѣжденію вашей совѣсти, признали подсудимую виновною по настоящему дѣлу, согласно предложенному вамъ вопросу, то, можетъ быть, согласно обстоятельствамъ дѣла, вамъ желательно будетъ къ отвѣту: да, виновна,—если такой отвѣтъ послѣдуетъ,—прибавить слова, которыя полнѣе могли бы выразить ея виновность, то законъ предусматрѣлъ возможность такихъ случаевъ, и поэтому въ ст. 812 Уст. Угол. Суд. предоставляетъ присяжнымъ засѣдателямъ, въ случаѣ, если они однимъ утвержденіемъ не могутъ вполне выразить своего отвѣта, сдѣлать дополнительную приписку. Законъ приводитъ въ примѣръ слѣдующія слова такого дополненія: да, виновна, но безъ предумышленія; это только примѣръ, и уже поэтому слова эти не могутъ относиться къ каждому дѣлу и еще менѣе могутъ быть примѣнены къ дѣламъ о кражѣ и мошенничествѣ, какъ по свойству этого рода дѣлъ, такъ и по смыслу законовъ, къ нимъ относящихся. Но вы не должны, однакожъ, стѣсняться сдѣлать такое дополненіе къ вашему утвердительному отвѣту, которое вполне выражало бы вашъ отвѣтъ и точно опре-

дѣяло ваше понятіе по дѣлу, предложенному вашему разрѣшенію. Съ своей стороны, я нахожу возможною такую лишь дополнительную надпись къ вашему утвердительному отвѣту, — еслибъ онъ послѣдовалъ, — которая выражала бы разъясненіе по отношенію къ воли подсудимой, по примѣненію къ данному дѣлу, въ предѣлахъ поставленнаго вамъ вопроса, такъ какъ на такой именно характеръ дополненія указываетъ и самый характеръ примѣра, приведеннаго въ 812 ст. Всякое дѣяніе подсудимаго истекаетъ неизбежно изъ воли его и эту волю, ея характеръ и направленіемъ и обуславливается осуществившееся дѣяніе. Въ связи съ этимъ, въ виду важности понятія о «похищеніи», какъ присущаго всякому преступному обману, я долженъ обратить особенное вниманіе ваше на то, что въ случаѣ бы вы, признавая фактъ дѣянія, объясненнаго въ вопросѣ, и виновность въ немъ Кусенковой, не могли по совѣсти признать, что Кусенкова чрезъ это дѣяніе совершила похищеніе, также объясненное въ вопросѣ, то вы можете отвергнуть похищеніе, выразивъ это въ вашемъ отвѣтѣ, а основаніе къ тому, чтобы отвергнуть похищеніе, будетъ у васъ тогда, если вы не признаете корыстной цѣли въ дѣяніи Кусенковой и вообще такой цѣли, которая бы указывала на желаніе Кусенковой воспользоваться чужою собственностью, такъ какъ не одна корыстная цѣль, но и другія цѣли, дѣлаютъ похищеніе преступнымъ, напр. цѣль помочь бѣдному похищенными деньгами. Имѣйте, однакожь, въ виду, гг. присяжные засѣдатели, что слово мое къ вамъ не представляетъ вамъ что-либо непреодолимое, такъ какъ такимъ должно быть для васъ одно внутреннее убѣжденіе вашей совѣсти и долженствующее служить основаніемъ тѣхъ сужденій вашихъ и заключеній, къ которымъ, при помощи вашего разума и житейской опытности вашей, приведетъ васъ соображеніе вами всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ совокупности, обще съ преніями сторонъ по дѣлу. По долгу принятой вами присяги, вы должны постановить рѣшеніе ваше по тщательномъ разсмотрѣніи какъ обстоятельствъ, удачающихъ подсудимаго, такъ и обстоятельствъ, его оправдывающихъ;

а потому все, что дѣлу неотнесящееся, не должно имѣть вліянія на ваше рѣшеніе и даже снисхожденіе ваше къ подсудимой, еслибъ въ случаѣ признанія ея виновной вы хотѣли ей даровать его, вы должны, по возможности, основать на обстоятельствахъ дѣла, согласно закону, который говоритъ, что при отвѣтѣ о признаніи виновнымъ подсудимаго присяжные могутъ прибавить: «но по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія». Защитникъ находилъ нужнымъ говорить вамъ о Сибири при изображеніи вамъ участи подсудимой; но вамъ нечего обращаться въ такую даль, а лучше какъ можно внимательнѣе обратиться къ тому, что у васъ подъ рукой — къ «судебному слѣдствію». Также не общественное мнѣніе о личности участвующихъ въ дѣлѣ лица не должно подчинять васъ своему вліянію при разсмотрѣніи судебного слѣдствія по дѣлу, которое окончивается самостоятельно въ силу тѣхъ обстоятельствъ, которыя оно представляетъ, и тѣхъ выводовъ, къ которымъ оно приводитъ. Не говоря о томъ, что общественное мнѣніе, взятое со стороны, къ обстоятельствамъ дѣла не относится, но оно бываетъ нерѣдко и весьма ошибочно, и потому не только незаконно, но и опасно имъ руководствоваться. Итакъ, ни долговременное или вообще заключеніе въ тюрьмѣ обвиняемой, ни общественное мнѣніе не относятся къ обстоятельствамъ дѣла, при разрѣшеніи котораго вы должны въ особенности оставить въ сторонѣ вопросъ объ ожидающей обвиняемую ответственности въ случаѣ признанія ея виновной, — ответственности, разсмотрѣніе и опредѣленіе которой будетъ уже дѣломъ суда. Не Сибирь съ ея тѣмью слѣдуетъ вамъ имѣть въ виду, а истину съ ея свѣтомъ, истину, которую вы должны стараться распознать въ судебномъ слѣдствіи, передъ вами происходившемъ, и которая должна выразиться въ вашемъ рѣшеніи. Вручая вамъ вопросный листъ, гг. присяжные засѣдатели, напоминаю вамъ еще разъ, что насколько важно судебное слѣдствіе по отношенію ко всему судебному засѣданію, настолько важно убѣжденіе вашей совѣсти по отношенію ко всемъ вашимъ сужденіямъ и выводамъ.

(Присяжные засѣдатели уходятъ въ совѣщательную комнату).

Прокуроръ. Прошу записать въ протоколъ какъ заявленіе мое объ измѣненіи постановленнаго судомъ вопроса, такъ и слѣдующія мѣста, выписанныя мною изъ рѣчи предсѣдательствующаго: 1) «Въ настоящемъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, вамъ (присяжнымъ) предстоитъ разрѣшить слѣдующіе вопросы: а) совершилось ли событіе преступленія, б) если совершилось, то совершила ли его Кусенкова, и в) если совершила, то виновна ли она въ томъ». 2) «Также обратите вниманіе на то, насколько свидѣтельскими показаніями подтверждается существованіе, какъ говорилъ Пономаревъ, не интимныхъ, а близкихъ отношеній его къ Кусенковой, и что онъ за употребленныя на него деньги, за обѣды, сигары, карты и т. п., уже заплатилъ достаточно». 3) «Обратите вниманіе, насколько подтверждается, что Пономаревъ устроилъ этотъ маневръ для того, чтобы избавиться отъ Кусенковой». 4) «Если бы вы пришли къ убѣжденію, что Кусенкова дала Пономареву подъ векемъ мѣдныя деньги, вмѣсто золота, то обсудите, сдѣлала ли она это съ цѣлью взять деньги или же съ цѣлью отомстить за разладъ; въ первомъ случаѣ вы должны признать подсудимую виновною; если же не признаете этого корыстнаго побужденія, въ такомъ случаѣ вамъ представится существенное по дѣлу сомнѣніе, которое вы обратите въ пользу подсудимой», и 5) разъясняя значеніе 812 ст., предсѣдательствующій высказалъ присяжнымъ «примѣняя эти соображенія къ настоящему случаю, я вижу только возможной одну дополнительную надпись, которую вы могли бы сдѣлать, отвѣчая на предложенный вопросъ а именно, по отношенію къ воли подсудимой по примѣненію къ настоящему дѣлу», и затѣмъ, далѣе, сказалъ «итакъ, если въ настоящемъ случаѣ вы не признаете корыстной цѣли, то можете отвергнуть похищеніе».

Предсѣд. Хотя по оторваннымъ г. прокуроромъ мѣстамъ изъ рѣчи моей, безъ указанія на мѣста, предшествующія имъ и послѣдующія за ними слова, невозможно придавать какое либо значеніе словамъ изъ рѣчи моей, обратившимъ вниманіе г. прокурора, указанные имъ мѣста изъ рѣчи моей должны быть занесены въ

протоколъ; съ своей стороны, считаю нужнымъ обратить лишь вниманіе на то, что, говоря о корыстной цѣли, какъ цѣли похищенія имущества, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ о другихъ цѣляхъ похищенія, дѣлающихъ похищеніе преступнымъ, и въ примѣръ такой иной цѣли привелъ случай похищенія съ цѣлью помочь бѣдному похищенными деньгами. Впрочемъ, вся рѣчь моя, если она записывается стенографически, вѣроятно, объяснитъ дѣло.

По возвращеніи гг. присяжныхъ въ залъ засѣданія старшина ихъ прочелъ вопросъ и оправдательный отвѣтъ.

Громковъ рукоплесканіе (звонкозъ председателя). Кусенкова плачетъ отъ радости; Кусенкова тотчасъ же была освобождена изъ подъ стражи. Рукоплесканія не умолкаютъ. Предсѣдательствующій вновь звонитъ и за нарушение публикою порядка, вопреки напominанію, сдѣланному имъ о возможности удаленія публики изъ залы засѣданія, поручаетъ судебному приставу пригласить публику разойтись. Засѣданіе прерывается на время удаленія публики.

ваніе, какъ мимолетна судьба сѣверо-германскаго союза съ Пруссіей во главѣ; что настоящее время, когда еще не успѣли опредѣлиться границы союза и взаимное соотношеніе его частей, особенно неумѣстно для установленія общаго уголовного законодательства. Нельзя отрицать, что тутъ есть доля правды. Но фактъ совершился, уложеніе получило законодательную санкцію. Предоставимъ будущности опредѣлить его судьбу; а между тѣмъ займемся явленіемъ, которое уже вышло изъ области гаданій.

Въ уложеніи можно разглядѣть слѣдующія отдѣльныя части: объемъ его дѣйствія; карательную лѣстницу; преступленіе, его стадіи и формы преступности; обстоятельства, исключаютія и ограничиваютія преступность или наказуемость; отдѣльные преступленія и проступки — государственные, служебные, противъ нравственности, имущества и личности; наконецъ, полицейскія нарушенія. Въ этомъ порядкѣ мы и намѣрены изложить его постановленія.

Но прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, считаемъ не лишнимъ сдѣлать одну оговорку. Работы по сѣверо-германскому уложенію основаны на прусскомъ уголовномъ кодексѣ; напоминая его въ системѣ и общихъ чертахъ, нерѣдко цѣликомъ переписывая его статьи, сѣверо-германское уложеніе составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе прускаго въ отношеніи точности редакціи, болѣе послѣдовательнаго проведенія нѣкоторыхъ юридическихъ началъ и болѣе полнаго гуманизированія уголовного правосудія; существенное различіе того и другаго, можно сказать, зависитъ исключительно отъ различія области дѣйствія: первое есть законъ отдѣльнаго государства, второе дѣйствуетъ въ союзѣ самостоятельныхъ государствъ, оттого въ него вошли многія опредѣленія, совершенно неизвѣстныя прусскому праву. Въ виду такой тѣсной связи, мы, съ одной стороны, должны будемъ подробнѣе останавливаться на соотношеніи постановленій сѣверо-германскаго уложенія съ прусскимъ, чѣмъ съ какимъ либо другимъ законодательствомъ, съ другою — для сокращенія статьи оставимъ безъ разсмотрѣнія тѣ мѣста новаго уложенія, которыя составляютъ простую переписку прускаго кодекса 1852 года.

Объемъ дѣйствія уложенія.

Вопросы, представляющіеся въ этомъ отношеніи, суть: отношеніе союзнаго уложенія къ карательной власти отдѣльныхъ государствъ какъ въ законодательномъ, такъ и въ исполнительномъ отношеніяхъ (помилованіе); положеніе иностранцевъ; отношеніе его къ преступленіямъ, совершеннымъ внѣ территоріи союза; объемъ дѣйствія во времени; наконецъ, создаваемое уложеніемъ положеніе гражданъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ къ союзному правительству вообще и къ правительству того союзнаго государства, въ которомъ совершено преступленіе.

Уложеніе 30 мая имѣетъ обязательную силу на территоріи всего сѣверо-германскаго союза для всѣхъ, безъ исключенія, правительствъ, входящихъ въ его составъ. Но примѣненіе его, въ нѣкоторыхъ случаяхъ поставлено въ зависимость отъ мѣстныхъ законодательствъ, а иногда послѣднимъ предоставляется даже право объявлять наказуемыми дѣйствія, непредусмотрѣнныя уложеніемъ. Въ обоихъ случаяхъ, однако, имъ указаны довольно тѣсныя границы.

Такъ, вліяніе мѣстныхъ законодательствъ на примѣненіе постановленій уложенія можетъ имѣть мѣсто только въ полицейскихъ нарушеніяхъ, тамъ, гдѣ кодексъ категорически ставитъ наказуемость въ зависимость отъ существованія мѣстныхъ полицейскихъ распоряженій или, не описывая состава запрещаемого дѣйствія, гарантируетъ наказаніемъ вообще ненарушимость мѣстныхъ полицейскихъ правилъ по данному вопросу. Отсюда допущено исключеніе, объясняемое разъединенностью гражданскаго законодательства союзныхъ государствъ; хотя уложеніе и установило наказуемость банкротства, но опредѣлить въ точности его составъ не могло, благодаря чрезвычайнымъ различіямъ конкурсныхъ уставовъ; и вотъ, законъ 31 мая о введеніи въ дѣйствіе сѣверо-германскаго уложенія опредѣляетъ, что до изданія союзнаго закона о несостоятельности остаются въ силѣ тѣ уголовныя постановленія, которыя содержатся въ мѣстныхъ законахъ о конкурсахъ и

опредѣляютъ наказанія за дѣйствія, совершенно непредусматриваемыя уложеніемъ сѣверо-германскаго союза. — Слѣдовательно, и въ этихъ границахъ дѣйствіе мѣстныхъ уголовныхъ законовъ по всей вѣроятности не затянется на долгое время.

Тораздо полезѣ оно признано въ области такъ назыв. особенныхъ уголовныхъ законовъ, т. е. тѣхъ, которыми караются нарушенія правилъ о печати, проступки почтовые и противъ повинностей, охоты, рыбной ловли, противъ законовъ о лѣсной и полевой полиціи, кража лѣса и злоупотребленія правомъ сходбищъ и собраній. Они не отиѣняются союзнымъ уложеніемъ.

За указанными исключеніями всѣ другія преступленія предусматриваются сѣверо-германскимъ кодексомъ; въ число ихъ вошли также преступленія чиновниковъ по службѣ, гражданъ противъ своего правительства и такъ называемыя полицейскія нарушенія.

Такое расширеніе союзной юрисдикціи вызвало строгое порицаніе одного изъ вліятельнѣйшихъ криминалистовъ Германіи — Гейнце; его поддерживаетъ и Редеръ. Область служебныхъ нарушеній въ каждомъ государствѣ, говорятъ они, должна стоять въ исключительной зависимости отъ этого именно государства; послѣднее подрываетъ и тѣнь самостоятельности, парализируя ее въ самомъ тѣсномъ кругу служебныхъ отношеній; чиновникъ получаетъ жалованье и награды отъ правительства отдѣльнаго государства; требованія послѣдовательности заставляють, чтобы и отвѣтственностью онъ былъ обязанъ только передъ тѣмъ правительствомъ, которому служить. Исходя изъ болѣе общей точки зрѣнія, Баръ³⁾ замѣчаетъ, что точное отправленіе служебныхъ обязанностей чиновниками отдѣльныхъ государствъ важно не только для послѣднихъ, но и для всего союза; проступки въ этой об-

³⁾ См. его статью: Bemerkungen über die Internationalen und Staatsrechtlichen Bestimmungen des Entwurfs eines Strafgesetzb. f. d. norddeuts. Bund, въ архивѣ прусскаго уголовного права Гольдаммера (1870 г., № 2). — Съ нимъ согласенъ и Шварце, одинъ изъ членовъ коммисіи составленія пересмотрѣннаго проекта (его статья der Entwurf eines Strafgesetzbuches и пр. въ Gerichtsaaal, 1870, №№ 2 и 3).

ласти особенно опасны для его государственно-политического значенія; въ виду этого онъ безусловно соглашается съ помѣщеніемъ служебныхъ преступленій въ союзномъ кодексѣ. Очевидно, возраженія Бара не отражаютъ въ сущности замѣчаній Гейнце; съ одной стороны, можетъ не подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что для всего союза важно точное и законное отправленіе чиновниками служебныхъ обязанностей въ отношеніи къ отдѣльнымъ государствамъ, но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что они могутъ и должны быть поставлены въ непосредственную зависимость отъ союзнаго правительства; иначе, пожалуй, Пруссія можетъ потребовать того же и отъ Россіи въ отношеніи остзейскихъ провинцій, такъ какъ здѣсь живетъ много прусскихъ подданныхъ, остзейскій край соприкасается съ Пруссіей и, слѣдов., для Пруссіи важно, чтобъ русскіе чиновники въ Остзеѣ находились отъ нея въ зависимости.

Подобное же возраженіе сдѣлано противъ помѣщенія въ общемъ кодексѣ постановленій о полицейскихъ нарушеніяхъ; оно опиралось, съ одной стороны, на § 4 сѣверо-германской конституціи, который ставитъ предметомъ союзнаго законодательства только «уголовное право» (Strafrecht), слѣдовательно, говорятъ противники уложенія, не полицейскую карательную область, а именно уголовное право въ собственномъ смыслѣ; съ другой стороны, здѣсь приводили и политическій мотивъ, указывая, что установленіе здѣсь абстрактныхъ правилъ для всего союза окажется весьма вреднымъ для отдѣльныхъ государствъ, въ виду быстрой смѣны въ жизни полицейскихъ условій и потребностей. Мотивы къ пересмотрѣнному проекту уложенія *) разсматриваютъ оба возраженія

*) Уложенію предшествовали два официальные проекта; они были опубликованы и, кромѣ того, разосланы отъ имени министерства всѣмъ германскимъ профессорамъ уголовного права и весьма многимъ практикамъ-криминалистамъ. Этимъ именно объясняется возможность той богатой литературы, которая вызвана въ Германіи законодательными работами по уложенію, этому же послѣднее въ значительной мѣрѣ обязано своими хорошими сторонами. Пора бы и у насъ отказаться отъ канцелярской тайны въ дѣлѣ

и опровергаютъ ихъ. Противъ перваго они замѣчаютъ, что уголовное право обнимаетъ не только преступленія и проступки, но и полицейскія нарушенія, насколько послѣднія также составляютъ дѣйствительную наказуемую неправду. Относительно же втораго возраженія они указываютъ, что союзное законодательство дѣйствительно не можетъ обнять всѣхъ полицейскихъ нарушеній и потому оно предоставляетъ болѣе полное развитіе этой области мѣстнымъ законодательствамъ или ставить примѣненіе наказаній и составъ дѣйствій въ зависимость отъ мѣстныхъ полицейскихъ постановленій; предусматривая, такимъ образомъ, лишь наиболѣе выдающіяся нарушенія, союзный кодексъ, полагаютъ мотивы, вовсе не стѣсняетъ мѣстныхъ законодательствъ.

Тотъ же упрекъ, наконецъ, дѣлаютъ уложенію и по поводу помѣщенія въ немъ карательныхъ постановленій о преступленіяхъ подданныхъ отдѣльныхъ государствъ противъ ихъ собственнаго правительства. Здѣсь, какъ и въ служебныхъ преступленіяхъ, по мнѣнію Гейнце, должно имѣть мѣсто исключительно мѣстное законодательство. Съ другой стороны, въ высшей степени неблагоприятно обязывать каждое мѣстное правительство ех officio возбуждать преслѣдованіе преступленій противъ другаго мѣстнаго правительства; огласка безъ согласія потерпѣвшаго можетъ быть вреднѣе, чѣмъ самое преступленіе. Это возраженіе также не принято въ виду общаго союзнаго интереса охранять достоинство и неприкосновенность всѣхъ союзныхъ правительствъ; однако, при окончательномъ разсмотрѣніи проекта въ союзномъ рейхстагѣ преслѣдованіе словесныхъ и символическихъ оскорбленій союзныхъ государей поставили въ зависимость отъ спеціальнаго на то «уполномоченія» оскорбленнаго (улож. § 99, ср. пересмотр. проектъ § 97).

Самостоятельное развитіе мѣстныхъ германскихъ законодательствъ!—Позднѣйшій по времени проектъ мы называемъ «первымъ проектомъ», второю—пересмотрѣннымъ; въ послѣднемъ приложены подробныя мотивы и многіе матеріалы, которыми пользовалась коммисія. Онъ изданъ въ мартѣ 1870 г. въ Берлинѣ.

тельствъ ограничено тѣсными предѣлами. Съ одной стороны, они не могутъ касаться всѣхъ тѣхъ Materien—выраженіе въ высшей степени неопредѣленное, по признанію самихъ германскихъ юристовъ—которыя нормированы кодексомъ. Если подѣ Materien разумѣть предусмотрѣнные имъ наказуемыя дѣйствія въ связи съ общими условіями преступности и наказуемости, то приведенное узаконеніе не стѣснить мѣстныхъ законодательствъ, если они захотятъ обложить наказаніемъ такое дѣйствіе, наказуемость котораго умышленно выброшена уложеніемъ. Въ примѣръ можно привести простое любодѣяніе и лихвенные проценты, игры и лотереи въ частномъ кругу и пр. Другое важное ограниченіе касается тяжести наказанія; устанавливая новое преступленіе, мѣстныя законодательства могутъ назначать за него лишь тюрьму до 2 лѣтъ, арестъ, денежные штрафы, конфискацію отдѣльных предметовъ и исключеніе виновнаго изъ общественныхъ должностей (oeffentlicher Aemter); таково опредѣленіе закона о введеніи въ дѣйствіе союзнаго уложенія. Какъ должно понимать здѣсь «публичныя должности» — онъ не опредѣляетъ; но § 31 уложенія относить сюда также адвокатуру, право быть представителемъ другаго лица, нотариусомъ, присяжнымъ и шэффеномъ; лишеніе этихъ правъ имѣетъ мѣсто только при самыхъ тяжкихъ и наказаніяхъ—рабочемъ домѣ и тѣхъ видахъ тюрьмы (которая, какъ увидимъ, соответствуетъ нашему смирительному дому), въ которыхъ можетъ имѣть мѣсто лишеніе «правъ чести». Эти наказанія не даны мѣстнымъ законодательствамъ; слѣдовательно, остается заключить, что подѣ «лишеніемъ общественныхъ должностей», о которомъ идетъ рѣчь въ § 5 закона о введеніи въ дѣйствіе союзнаго уложенія, понимается лишь смѣщеніе виновнаго съ занимаемой имъ общественной или государственной должности, безъ лишенія его, однако, права впредѣ вступать въ отправленіе ихъ.

Таковы правила уложенія объ отношеніи общаго союзнаго законодательства къ мѣстнымъ. Нельзя не сознаться, что въ нихъ есть много неточностей и натяжекъ; дѣло объясняется тѣмъ, что редакторы имѣли передѣ глазами, главнымъ образомъ, прусское

законодательство, которое не могло заниматься установленіемъ отношеній различныхъ государствъ. То же явленіе можно замѣтить и въ постановленіяхъ, касающихся исполненія уголовныхъ приговоровъ. Уложеніе знаетъ помилованіе; но, спрашивается, въ какомъ отношеніи стоять къ нему различныя союзныя правительства? Отвѣта мы пока не найдемъ. Или: уложеніе различаетъ преступленія частныя и преслѣдуемыя ex officio, но началъ опредѣленія подсудности оно не указываетъ; какъ поступать, если конкурируетъ компетентность нѣсколькихъ судовъ различныхъ государствъ ex officio? Отвѣта и здѣсь мы не найдемъ; предположите теперь, что въ Саксонію пріѣхалъ чиновникъ, совершившій служебное преступленіе въ Пруссіи, и вы увидите, въ какое затруднительное положеніе будетъ поставлена саксонская прокуратура. Намъ могутъ замѣтить, что это—дѣло устава судопроизводства; но въдь уложеніе вступаетъ въ силу съ 1 января, а устава еще не предвидится.

Взглянемъ теперь на территоріальныя и личныя границы дѣйствія союзнаго уложенія. Оно обращено не къ подданнымъ какого либо отдѣльнаго государства, а къ членамъ всего союза; для каждаго изъ нихъ оно безусловно обязательно. Подчиняя себѣ всѣхъ сѣверо-германцевъ, уложеніе ограждаетъ также всѣхъ ихъ отъ притязаній заграничныхъ, т. е. не сѣверо-германскихъ судовъ; каждое союзное государство не только вправе, но и обязано не выдавать иностранному правительству сѣверо-германца, къ какому бы государству союза онъ ни принадлежалъ, совершившаго преступленіе за границей. Члены ландтаговъ и рейхстага не подлежатъ никакому преслѣдованію за тѣ заявленія, которыя сдѣланы ими при подачѣ своего голоса или при отправленіи своей обязанности; это необходимое въ конституціонномъ государствѣ постановленіе внесено въ кодексъ только при окончательномъ обсужденіи его въ рейхстагѣ: ни первый, ни пересмотрѣнный проектъ не говорятъ о немъ ни слова. вмѣстѣ съ этимъ, рейхстагъ нашелъ нужнымъ специально оговорить ненаказуемость сообщеній вѣрныхъ, дословныхъ или соvrраченныхъ — это безразлично, отчетовъ о засѣданіи

яхъ ландтаговъ или камеръ сѣверо-германскихъ государствъ. Конечно, подобная ненаказуемость должна предполагаться сама собою, если общій законъ позволяетъ сообщеніе отчетовъ; специальное указаніе ея объясняется вполне понятнымъ и похвальнымъ стремленіемъ предупредить всякое недоразумѣніе.

Примѣненіе уложенія къ лицамъ, состоящимъ въ военной службѣ союзныхъ государствъ, поставлено въ зависимость отъ отсутствія специальныхъ на то постановленій военныхъ кодексовъ.

Объ изъятіи изъ дѣйствія закона монарховъ уложеніе не содержитъ особенныхъ постановленій, но оно несомѣнно въ виду общаго правила въ этомъ смыслѣ. Одинъ изъ лучшихъ германскихъ криминалистовъ новаго времени, извѣстный многими сочиненіями по тюрьмовѣдѣнію, стоящій во главѣ новой теоріи индивидуализированія, гейдельбергскій профессоръ Редеръ (въ вышеуказанной брошюрѣ стр. 11 и сл.), сомнѣваясь въ правомѣрности этого начала вообще, находитъ его совершенно неумѣстнымъ въ кодексѣ, предназначаемомъ для дѣлаго союза отдѣльныхъ государствъ. Прусскій или саксонскій король, говоритъ онъ, также можетъ оказаться виновнымъ въ преступленіи верховной измѣны противъ сѣверо-германскаго союза, какъ и отдѣльное лицо; если въ подобномъ дѣйствіи его противъ «своего» государства не хотятъ и думать о преступленіи, то это объясняется стародавнимъ правиломъ: *impune quaelibet facere, id est redem esse*, которое въ новѣйшее время переводится такъ: «сила выше права (*Macht geht vor Recht*)»; въ существѣ, значитъ, дѣло объясняется признаніемъ отсутствія юридическихъ обязанностей монарха передъ государствомъ. Но въ союзъ такія обязанности несомѣнно существуютъ и нѣтъ ровно никакой причины не примѣнять показанія къ важнѣйшимъ нарушеніямъ ихъ; *courtloisie* здѣсь не умѣстна. — Объ изъятіи изъ дѣйствія уголовного закона иностранныхъ пословъ уложеніе также не говоритъ ни слова.

Что касается территоріальнаго дѣйствія его, то оно распространяется на весь союзъ; согласно этому и иностранцы, совершившіе преступленіе на союзной почвѣ, подлежатъ его постано-

вленіямъ за всѣ предусмотрѣнныя здѣсь дѣйствія. Исключеній очень немного и всѣ они взяты изъ прускаго уложенія; такъ, переписка съ иностраннымъ правительствомъ для возбужденія его къ войнѣ съ союзомъ, участіе въ войнѣ противъ союза и т. под. дѣйствія наказуемы лишь подъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы субъектомъ ихъ былъ сѣверо-германецъ. Въ наказуемости для иностранцевъ также не сдѣлано никакихъ уклоненій, кромѣ, впрочемъ, одного весьма незначительнаго; если полицейскій надзоръ опредѣленъ для иностранца, то высшее полицейское начальство имѣетъ право выслать его, по отбытіи главнаго наказанія, за предѣлы союза.

Къ преступленіямъ, совершеннымъ за границей, т. е. не въ предѣлахъ союзныхъ государствъ, уложеніе относится двояко, смотря потому, окажутся ли въ нихъ виновными иностранцы или сѣверо-германцы. Преслѣдованіе первыхъ сѣверо-германскими судами составляетъ рѣдкое исключеніе: оно имѣетъ мѣсто лишь при совершеніи иностранцемъ за границею измѣническаго дѣйствія противъ союза или союзнаго государства, а также поддѣлки монеты; слѣдовательно, уложеніе 30 мая суживаетъ здѣсь область, указанную прусскимъ уложеніемъ, оставляя безъ преслѣдованія оскорбленіе величества. Въ другихъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто выдача преступника при существованіи особыхъ о томъ трактатовъ. Но если преступленіе или проступокъ въ смыслѣ союзнаго уложенія совершены за границей сѣверо-германцемъ, или даже иностранцемъ, но который вступилъ ватѣмъ въ подданство одного изъ союзныхъ государствъ, то выдача не имѣетъ мѣста и къ нимъ примѣняются постановленія уложенія. Послѣдній классъ лицъ стоитъ въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ лица, которыя уже при совершеніи преступленія принадлежали къ сѣверо-германскому союзу; относительно ихъ преслѣдованіе можетъ быть начато только по требованію надлежащаго начальства того мѣста, въ которомъ совершено преступленіе, и, съ другой стороны, если мѣстный уголовный законъ мягче уложенія, то послѣднее не примѣняется. Сѣверо-германцы, напротивъ, всегда подлежатъ наказанію.

ямъ уложенія. Какъ бы то ни было, въ томъ и другомъ смыслѣ преслѣдованіе не имѣетъ мѣста, если а) истекла давность по мѣстнымъ иностраннымъ или союзнымъ законамъ; б) или уже состоялся окончательный судебный приговоръ въ томъ государствѣ, гдѣ совершено преступленіе, и, въ случаѣ осужденія, исполнено наказаніе; однако, кодексъ знаетъ одно исключеніе изъ этого правила: если по союзнымъ законамъ совершенное преступленіе, въ которомъ сѣверо-германецъ признанъ виновнымъ, можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ по уложенію потерю правъ чести, то возможно (*ist zulässig*) новое судебное разсмотрѣніе для признанія, въ случаѣ надобности, этой прибавки (§ 31), наконецъ, в) преслѣдованіе также не имѣетъ мѣста безъ особаго о томъ требованія, если по мѣстнымъ иностраннымъ или союзнымъ законамъ оно поставлено въ ряду частныхъ преступленій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возбужденіе уголовного преслѣдованія по уложенію, согласно системъ французскаго (*Code pénal art 7*, измѣненный закономъ 27 іюня 1866 г.) и прусскаго законодательства, составляетъ факультативное право прокуратуры, а не безусловную обязанность; это мотивируется, главнымъ образомъ, затрудненіями въ процессуальномъ отношеніи, затрата времени и силъ на которыя могутъ несоизмѣрно превосходить выгоды, ожидаемыя отъ уголовного преслѣдованія. Наконецъ, преслѣдованіе полицейскихъ нарушеній, совершенныхъ за границею, кромѣ того обусловлено наличностью особаго трактатовъ съ государствомъ, въ которомъ они совершены.

Уложеніе не имѣетъ обратнаго дѣйствія, т. е. не примѣняется къ преступленіямъ, совершеннымъ до вступленія его въ силу. Но въ случаѣ если между совершеніемъ и судебнымъ осужденіемъ преступленія существовало нѣсколько уголовныхъ законовъ, то изъ нихъ примѣняется мягчайшій; такимъ образомъ разрѣшенъ существующій въ теоріи споръ: какъ должно поступать, если въ промежутокъ времени отъ совершенія преступленія до его осужденія былъ изданъ посредствующій, потомъ отмѣненный законъ, который выгоднѣе для подсудимаго.— Вопросъ, какой законъ долженъ быть признаваемъ мягчайшимъ, возбуждалъ много споровъ

въ прусской юридической литературѣ и практикѣ; ограничивать разрѣшеніе его большею или меньшею тяжестью наказаній единодушно признали одностороннимъ; тутъ должно обращать вниманіе и на составъ преступленія по прежнему и новому закону, а также на условія наказуемости и на общія обстоятельства, вліяющія на мѣру и степень наказанія; поэтому новый законъ долженъ примѣняться если онъ укорачиваетъ давностный срокъ, переноситъ преступленіе изъ группы публичныхъ въ частныя, удлинняетъ возрастъ невмѣняемости и пр. Этимъ, однако, дилемма не разрѣшается, а еще болѣе усложняется. Легко можетъ случиться, что новый законъ, смягчая наказаніе, расширяетъ составъ преступленія или, уменьшая максимумъ наказанія, повышаетъ его минимумъ и пр. Въ этихъ случаяхъ прусская практика ⁵⁾ примѣняла мысль, развитую Бернеромъ ⁶⁾, въ силу которой каждый законъ долженъ быть разсматриваемъ какъ органическое цѣлое, подлежащее дробленію; оттого можетъ быть примѣненъ или одинъ, или другой законъ во всемъ его объемѣ, но не отдѣльныя части ихъ. Это правило примѣняется съ такою строгостью, что при слабѣйшей наказуемости стараго закона имъ устраняются даже общія условія смягченія наказуемости новаго; извѣстно, что прусское право (§ 60) обусловливаетъ усиленную наказуемость рецидива тѣмъ, чтобъ между исполненіемъ наказанія за прежнее и совершеніемъ новаго преступленія или проступка прошло не болѣе 10 лѣтъ; берлинскій оберъ-трибуналъ призналъ (въ дѣлахъ Липперта и Амселя) это ограниченіе неумѣстнымъ, если прежній законъ, незнающій его, долженъ быть примѣненъ къ подсудимому, вслѣдствіе большей (сравнительно съ уложеніемъ) мягкости наказанія заданное преступленіе. Сѣверо-германскій кодексъ редакціею § 2 «при-

⁵⁾ Oppenhoff, das Strafgesetzbuch für die preiss. Staaten. 1867 г., стр. 8, п. 5 и слѣд.

⁶⁾ Berner, Wirkungskreis d. Strafgesetzes. 1853, стр. 56. Въ новѣйшее время къ этой теоріи, между прочимъ, примкнулъ бельгійскій криминалистъ Гаусъ, Principes généraux du droit pénal Belge. 1869, стр. 98 и слѣд.

мѣняется законъ, мягчайшій изъ всѣхъ изданныхъ въ такой-то промежутокъ времени»,— очевидно примыкаетъ къ этой системѣ. Обратная сила новаго мягчайшаго закона основывается на томъ принципѣ, что наказаніе есть устанавливаемая государствомъ мѣра въ видахъ собственной пользы и большая или меньшая строгость его зависитъ отъ необходимости большаго или меньшаго государственнаго вмѣшательства для охраны правосостоянія; поэтому, если въ послѣдствіи времени государство, уменьшая или устраняя наказуемость, признаетъ правовой порядокъ достаточно огражденнымъ и при меньшей репрессіи, то примѣненіе прежняго строгаго закона составляетъ явную несправедливость и непослѣдовательность; наказаніе есть зло, справедливое лишь настолько, насколько оно необходимо. Отсюда понятно, что, послѣдовательно примѣняя указанный принципъ, мы не можемъ ограничиваться моментомъ постановленія судебного приговора. Признавъ прежнее наказаніе чересчуръ строгимъ или вовсе неумѣстнымъ, государство должно отклонить нераціональную— по своему собственному мнѣнію— жестокость и отъ тѣхъ осужденныхъ, которые отбываютъ наказаніе прежняго закона. Ставъ на эту точку зрѣнія, Редеръ требуетъ, чтобъ при изданіи новаго мягчайшаго закона судъ *ex officio* уменьшалъ наказуемость для всѣхъ осужденныхъ, неотбывшихъ еще наказанія.

Въ заключеніе настоящаго параграфа остается сказать пару словъ о созданномъ уложеніемъ отношеніи гражданъ союзныхъ государствъ ко всему союзу и отдѣльнымъ союзнымъ правительствамъ. Эта сторона дѣла особенно интересна въ политическомъ отношеніи; Пруссія, правительство которой стоитъ во главѣ союза, поставлена относящимися сюда постановленіями въ болѣе могущественное положеніе относительно другихъ государствъ, чѣмъ насколько это уместно въ свободной федераціи. Такъ, каждый гражданинъ любаго союза имѣетъ двойное правительство: свое и союзное, т. е. прусское; послѣднее имѣетъ для него даже больше значенія, чѣмъ первое. Повинуясь своему правительству и выступая въ силу этого противъ представителя союза, онъ рискуетъ

поплатиться жизнью за верховную измену; въ рукахъ союзнаго правительства, напротивъ, всегда фактически будутъ средства оградить его, если гражданинъ приметъ его сторону противъ своего правительства. Это происходитъ отъ отсутствия точныхъ постановленій по вопросу объ отношеніи отдѣльныхъ государствъ, что было очень на руку Пруссіи, позволивъ ей достигнуть законодательной санкціи кодекса, построеннаго на монархическомъ принципѣ.

II.

Карательная система.

Карательная система уложенія въ высшей степени проста, но ее далеко нельзя признать логическимъ развитіемъ одного высшаго принципа; напротивъ, въ основѣ ея лежатъ начала диаметрально противоположныя. Отъ этого и зависятъ ея главнѣйшіе недостатки. Укажемъ сперва ея карательныя мѣры съ ихъ внѣшней фактической стороны.

Первое мѣсто въ ряду наказаній занимаетъ смертная казнь. Что она существуетъ въ прусскомъ уложеніи и даже еще въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ въ сѣверо-германскомъ, — несомнѣнно; но не забудемъ, что послѣднее предназначается не для одной Пруссіи, а для громаднаго союза изъ 24 отдѣльныхъ государствъ, самостоятельныхъ въ законодательномъ отношеніи, и что многія изъ нихъ далеко опередили Пруссію въ культурномъ отношеніи, выбросивъ смертную казнь изъ карательной системы. Таковы Саксонія, Ольденбургъ, Ангальтъ и Бременъ. Съ этой стороны, слѣдовательно, нельзя не признать, что сѣверо-германское уложеніе дѣлаетъ шагъ назадъ. Кажется, не зачѣмъ доказывать это, особенно у насъ, въ Россіи; смертную казнь теперь съ полнѣйшимъ основаніемъ клеймятъ эпитетомъ «анахронизма современности»⁷⁾, такъ какъ она рѣзко противорѣчитъ началу индиви-

⁷⁾ Гейнце и Редеръ, в. брошюры; Meyer, das Norddeutsche Strafrecht. 1869, стр. 13 и слѣд.; Berner, Kritik des Entwurfs f. d. nord. Bund, стр. 4; Binding, der Entwurf etc., стр. 22, и мн. др.

дуализированія, которое все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ господство въ области уголовного правосудія. Мы не можемъ, да и не желаемъ входить здѣсь въ подробный анализъ этого наказанія: превосходныя сочиненія Миттермайера и Кистяковскаго, извѣстныя русскому обществу, а также недавно вышедшее нѣмецкое изслѣдованіе Гецеля о смертной казни, представляютъ для интересующихся вполне надежный матеріалъ для ознакомленія съ этимъ вопросомъ. Намъ остается только отмѣтить тотъ многозначительный фактъ, что даже германскіе юристы не довѣряютъ искренности прусскаго правительства, когда оно настаивало на этой мѣрѣ репрессіи. Такъ, Гейнце, не стѣсняясь задаетъ такого рода вопросъ: «скажите, положи руку на сердце! удержали-ли бы вы это наказаніе, еслибы отъ него отказалась Франція»? Какъ ни странно, но факты весьма убѣдительно показываютъ, что Гейнце имѣлъ полное основаніе предложить его; его можно примѣнить и къ другимъ государствамъ, поставивъ лишь вмѣсто Франціи «традицію», «пустой страхъ» и т. д. Вездѣ можно замѣтить не только уменьшеніе смертныхъ приговоровъ, но и энергическій, постоянный протестъ противъ ихъ исполненія путемъ актовъ помилованія. Мотивы къ пересмотрѣнному проекту снабжены особымъ приложеніемъ о смертной казни, откуда мы и заимствуемъ интересныя цифры, officialный источникъ которыхъ говоритъ за ихъ достоверность. Съ 1 января 1860 по 1 января 1865 года въ государствахъ теперешняго сѣверо-германскаго союза отношеніе смертныхъ приговоровъ къ ихъ исполненіямъ было таково:

Въ Пруссіи	приговорены 161;	казнены 26
кор. Ганноверѣ	30	6
кор. Саксоніи	15	2
в. гер. Гессенскомъ	2	2
Мекленбургъ-Шверинъ	5	2
в. гер. Саксонскомъ	4	2
Брауншвейгъ	1	1
Мейнингенѣ	3	1
Альтенбургѣ	1	1

» Кобургъ-Готъ	2	—
» Зондергаузенъ	1	1
» Рейссъ старш. линіи	1	1
» Гамбургъ	2	2

Всего казненъ приговор. 228; казнены 44,

т. е. исполнено менѣе $\frac{1}{5}$ всѣхъ приговоровъ. Любопытно, что князя мелкихъ владѣній скупѣе на помилованія, чѣмъ могущественные государи.

Подобное же явленіе замѣчается и въ другихъ государствахъ; приведемъ здѣсь кстати числовыя данныя Англій, какъ наименѣе у насъ извѣстныя.

Въ 1827 смертн. пригов. было 1526; изъ нихъ исполн. 70

» 1831 » » » » 1601 » » » » 52

Въ промежутокъ времени до 1839 года смертная казнь уничтожена за многія преступленія, и потому число приговоровъ уменьшилось, именно:

Въ 1834 смертн. пригов. было 480 изъ нихъ исполн. 34

» 1839 » » » » 56 » » » » 11

» 1862 » » » » 29 » » » » 15

» 1863 » » » » 29 » » » » 22

» 1864 » » » » 32 » » » » 19

» 1865 » » » » 20 » » » » 8

» 1866 » » » » 26 » » » » 12

» 1867 » » » » 27 » » » » 10

Мы бы могли указать подобныя же результаты и въ другихъ государствахъ, но довольно и этихъ цифръ. Онѣ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Объясненіе ихъ находятъ въ гуманизированіи уголовного правосудія, въ признаніи неосновательности действительно дикой системы устрашенія (укажите хоть одну мѣру, которая могла бы устроить фанатика и удержать его отъ стремленія къ религиозной революціи! Давно уже признано, что политическіе агитаторы забываютъ о наказаніи или смѣло глядятъ въ глаза смерти) и другихъ причинахъ, но всѣ онѣ на юридическомъ языкѣ могутъ быть сведены къ одной — постепенному стрем-

лению законодательствъ къ индивидуализированію. Ниже мы подробно ознакомясь съ этой теоріей.

— Хотя сѣверо-германскій кодексъ въ дѣлѣ смертной казни несомнѣнно отсталъ отъ законодательства Саксоніи, Альтенбурга и пр., но онъ, однако, опередилъ здѣсь прусское и французское уложенія; число преступленій, за которыя полагается смертная казнь, здѣсь гораздо меньше. Вотъ не безынтересный и весьма короткій перечень ихъ: предумышленное убійство и покушеніе на предумышленное убійство (Mord) представителя союза или мѣстнаго государя того государства, въ которомъ виновный совершаетъ преступленіе, или своего государя; всякое предумышленное убійство (Mord); перечень этимъ и заканчивается: уложеніе 31 мая не признаетъ смертной казни во многихъ случаяхъ, гдѣ ее предлагалъ даже пересмотрѣнный проектъ, каковы: убійство, хотя бы и непредумышленное, но исполненное при совершеніи какого бы то ни было наказуемаго дѣйствія (не только преступленія и проступка, какъ во французско-прусской системѣ) для устранения представлявшихся къ тому препятствій или избѣжанія поимки на мѣстѣ преступленія, непредумышленное убійство и покушеніе на убійство союзнаго государя, предпріятіе какого либо дѣйствія съ намѣреніемъ лишить его свободы или сдѣлать неспособнымъ къ управленію; тяжкія насильственные дѣйствія противъ мѣстнаго союзнаго государя. Здѣсь уложеніе назначаетъ пожизненный рабочій домъ и пожизненное заключеніе въ крѣпости съ другими параллельными наказаніями или съ правомъ суда признавать смягчающія обстоятельства, въ виду которыхъ наказаніе въ его минимумъ можетъ доходить даже до 5-тилѣтняго рабочаго дома или такого же заключенія въ крѣпости. Напомнимъ кстати, что кромѣ преступленій, указанныхъ въ уложеніи и пересмотрѣнномъ проектѣ его, прусскій кодексъ назначаетъ смертную казнь еще въ слѣдующихъ случаяхъ: за государственную измѣну, состоящую въ насильственномъ измѣненіи порядка законнаго престолонаслѣдія или государственнаго устройства, а также за территориальную измѣну (см. наше Улож. о наказ. ст. 253 п. 1, отчасти

3 и 4), за сношенія съ иностраннымъ правительствомъ, имѣвшія послѣдствіемъ объявленія Пруссіи войны, вступленія въ непріятельскія войска и нѣкоторые другіе виды земской измѣны (§§ 67—69 прусскаго уложенія), непредумышленное убійство восходящихъ по прямой линіи, и, наконецъ, во многихъ случаяхъ общепасныхъ преступленій (поджогъ, потопленіи, порчѣ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, маяковъ, отравленіи припасовъ и источниковъ воды и пр.); если они имѣли своимъ послѣдствіемъ смерть другого лица (§§ 285, 290, 294, 297, 302, 303, 304 прусскаго уложенія).

Смертная казнь совершается посредствомъ обезглавленія. Въ преступленіяхъ, угрожаемыхъ ею, за судомъ не признается право признанія смягчающихъ обстоятельствъ.

Второе по тяжести мѣсто занимаетъ рабочій домъ (Zuchthaus)⁶⁾, пожизненный или срочный отъ 1 до 15 лѣтъ. Несмотря на одинаковость рода, виды его существенно различны, основываясь на различныхъ принципахъ наказуемости: первый, какъ и смертная казнь, построенъ на устрашеніи, второй—на другихъ болѣе гуманныхъ и справедливыхъ началахъ. Пожизненный рабочій домъ есть наказаніе безусловно опредѣленное; онъ назначается въ 19 случаяхъ (§§ 81, 88, 90, 94, 178, 214, 215, 251 и 307), но, вопреки системѣ проекта и согласно общему желанію представителей германской юридической науки, высказавшихся о проектѣ, во всѣхъ этихъ случаяхъ суду предоставлено право или вмѣсто пожизненнаго рабочаго дома примѣнять другое параллельное наказаніе (напр. въ §§ 81, 88 и 94—пожизненное заключеніе въ крѣпости, въ §§ 178, 214, 215, 251 и 307 — пожизненный

⁶⁾ Мы переводимъ его «рабочимъ», а не смиреннымъ домомъ, — какъ хотѣть, между прочимъ, «Спб. Вѣдом.» № 188 за текущій годъ, — потому что, какъ увидитъ ниже читатель, онъ занимаетъ средину между нашимъ рабочимъ домомъ и каторгой, отличаясь существенно отъ смиренняго дома въ русскомъ смыслѣ. Напротивъ, тюремное заключеніе съверо-германскаго уложенія, съ обязательными для всѣхъ работами по способностямъ и роду занятій каждаго заключеннаго, соответствуетъ нашему смиренному дому.

или торочный рабочій домъ); или признавать въ сдѣлѣ смягчающія обстоятельство, что вывечетъ измѣненіе пожизненнаго наказанія въ срочное. Сроки простаго рабочаго дома относительно прусскаго уложенія (отъ 2 до 20 л.) уменьшены съ веро-германскимъ кодексомъ, въ слѣдствіе чего разница между нимъ и пожизненнымъ заключеніемъ сдѣлалась еще рѣзче. Приговоренные къ заключенію въ рабочемъ домѣ обязаны отправлять работы по назначенію, какъ вънутри, такъ — въ случаѣ нужды — и внѣ его. Способъ отправленія лишенія свободы въ точности неопредѣленъ, да и не могъ быть опредѣленъ уложеніемъ, такъ какъ оно относится къ различнымъ государствамъ, въ которыхъ тюремный вопросъ не вездѣ поставленъ въ одинаковомъ положеніи. Впрочемъ, союзное уложеніе даетъ тюремному начальству право примѣнять одиночное заключеніе, съ тѣмъ, однако, чтобы безъ согласія осужденнаго оно не превышало трехъ лѣтъ⁹⁾.

Второй по тяжести видъ лишенія свободы есть тюремное заключеніе (Gefängnisstrafe), соответствующее нашему смирительному дому; крайніе сроки его — 1 день и 5 лѣтъ. Тюремному начальству предоставлено право занимать заключенныхъ обязательными работами внутри тюрьмы, по способностямъ и личнымъ отношеніямъ каждаго изъ нихъ; это право переходитъ въ обязанность, если самъ заключенный требуетъ работы. Что же касается занятій внѣ тюрьмы, то они могутъ быть назначаемы только при согласіи заарестованнаго.

Заключеніе въ крѣпости — Einschlussstrafe прусскаго уложенія — получило въ рейхстагѣ совершенно иную обрисовку, чѣмъ такую ему придавалъ пересмотрѣнный проектъ¹⁰⁾. Такъ, съ одной стороны, уложеніе ввело неизвѣстное проектамъ пожизненное за-

⁹⁾ Пересмотрѣнный проектъ указывалъ здѣсь шестилѣтній срокъ, но онъ найденъ черезчуръ продолжительнымъ.

¹⁰⁾ Первый проектъ въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ уложенію, чѣмъ пересмотрѣнный; въ немъ заключеніе въ крѣпости, также какъ и въ уложеніи, имѣло въ опредѣленныхъ случаяхъ значеніе параллельнаго наказанія.

включеніе въ крѣпости, съ другой—оставляя его какъ самостоятельное наказаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширило тѣ случаи, въ которыхъ оно составляетъ параллельное наказаніе для рабочаго дома—пожизненнаго или срочнаго; за это, при отсутствіи особыхъ постановленій, имѣеть мѣсто въ томъ случаѣ, если судъ признаеть, что преступленіе совершенно не изъ безчестныхъ, низкихъ мотивовъ.—Крайніе сроки временнаго заключенія въ крѣпости—1 день и 15 лѣтъ. Заключенные къ работамъ не принуждаются; такъ что это наказаніе состоитъ собственно въ простомъ лишеніи свободы съ наблюденіемъ надъ занятіями и образомъ жизни заключенныхъ.

Наконецъ, арестъ отъ одного дня до 6 мѣсяцевъ состоитъ въ простомъ лишеніи свободы.

При опредѣленіи срока лишенія свободы судъ не можетъ принимать въ соображеніе, (будетъ ли виновный подвергнутъ одиночному или общему заключенію: примѣненіе того или другаго, какъ мы видѣли, зависитъ не отъ усмотрѣнія суда, а отъ тюремнаго начальства и отчасти согласія осужденнаго; но права арестанта требовать одиночное заключеніе, вмѣсто общаго—какъ предлагаетъ Гроссъ—уложеніе не признаеть. Радеръ, разсматривая систему проекта, которая въ этомъ отношеніи сходится съ уложеніемъ, оспариваетъ игнорированіе качества заключенія, утверждая вмѣстѣ со многими другими тюрьмовѣдами ¹¹⁾, что совершенно достаточенъ 4 лѣтній максимумъ одиночнаго заключенія въ рабочемъ домѣ, который при большей продолжительности сдѣлается ничѣмъ неоправдываемою жестокостію; онъ говоритъ, что при одинаковости другихъ условій одиночное заключеніе должно назначаться въ меньшемъ размѣрѣ чѣмъ общее. «Мотивъ этого, конечно, лежитъ не въ томъ», прибавляетъ Радеръ, «будто бы одиночное заключеніе жесточе, тяжеле для арестантовъ, а въ томъ,

¹¹⁾ При составленіи сѣверо-германскаго уложенія возникла мысль ограничить срочное заключеніе 10 годами, но отъ нея отказались главнымъ образомъ въ виду того, что не вслѣдъ можно рассчитывать на одиночныя кельи.

что имъ върнѣе и скорѣе достигаются результаты, для которыхъ примѣняется наказаніе. Общее заключеніе развращаетъ, а не исправляетъ, и потому, если вы хотите навѣрное доставить обществу безопасность отъ осужденнаго, то должны во всѣхъ случаяхъ примѣнять пожизненное общее заключеніе. Напротивъ, заключеніе одиночное не развращаетъ и потому можетъ быть ограничено небольшими сроками¹²⁾.

Положенный судомъ срокъ наказанія долженъ быть отбытъ приговореннымъ; въ крайнихъ пунктахъ лишенія свободы — пожизненно и краткосрочномъ — это правило проведено съ абсолютною строгостью, но въ среднихъ могутъ имѣть мѣсто исключенія въ формѣ досрочнаго условнаго освобожденія. Оно можетъ имѣть мѣсто лишь относительно приговоренныхъ къ продолжительному заключенію въ рабочемъ домѣ или въ тюрьмѣ, не раньше чѣмъ по отбытіи $\frac{2}{3}$ наказанія, и во всякомъ случаѣ не ближе чѣмъ черезъ годъ послѣ заключенія, если заключенный во все это время хорошо велъ себя и согласенъ на освобожденіе. Но если условно освобожденный худо ведетъ себя или не исполняетъ тѣхъ обязанностей, которыя на него возложены (мы касаемся ихъ, говоря о полицейскомъ надзорѣ), то онъ можетъ быть вновь лишенъ свободы и заключенъ въ указанное судебнымъ приговоромъ мѣсто до истеченія полного срока, причемъ время, въ теченіе котораго обвиненный находился на свободѣ, не засчитывается въ наказаніе. Право установленія условнаго освобожденія и прекращеніе его зависятъ отъ высшихъ органовъ административной юстиціи (von der obersten Justiz-Aufsichtsbehörde), причемъ въ первомъ случаѣ должно быть выслушано тюремное начальство; въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ условно освобожденный можетъ быть лишенъ свободы и мѣстными полицейскими властями, но и здѣсь въ послѣдствіи должно имѣть мѣсто опредѣленіе органовъ административной юстиціи. Вопросъ: отъ кого должно зависѣть условное освобожденіе и приостановленіе его — подвергался въ германской

¹²⁾ Рэдъръ, в. брошюра, стр. 22.

литературѣ частому разсмотрѣнію. Особенно о недружелюбно отно-
 сились и лучшие тюремовѣдцы въ предоставленію него въ руки
 тюремнаго начальства; въ такомъ случаѣ, говорили, правовой
 вопросъ въ освобожденіи оставится въ зависимость отъ произвола
 одного чиновника, такъ какъ если даже и будетъ установлено совѣ-
 щательное рѣшеніе всѣхъ тюремныхъ властей, то голосъ директора
 тюрьмы — человѣка, обыкновенно менѣе другихъ знакомаго съ
 личными качествами каждаго арестанта — найдетъ себѣ почти еди-
 ногласную поддержку въ другихъ органахъ, въ слѣдствіе бюрократи-
 ческаго положенія ихъ. Знаменитый германскій тюремовѣдъ, на
 котораго мы уже не разъ указывали, видитъ наилучшее разрѣше-
 ніе этого вопроса въ предоставленіи въ дѣль рѣшительнаго голоса
 самому суду; въ его нормальномъ составѣ; «конечно, тюремными
 власти должны быть выслушаны», говоритъ Редеръ, «и ихъ заявленія;
 несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ повліяютъ на судебный
 приговоръ; но ни одинъ органъ тюремнаго дѣла и особенно ди-
 ректоръ тюрьмы не долженъ входить въ составъ суда, такъ какъ
 бюрократическое преобладаніе директора надъ другими органами въ
 такомъ случаѣ можетъ быть весьма опасно для безпристрастности
 рѣшенія»¹³⁾ Нельзя не замѣтить, однако, что это мнѣніе чрез-
 чуръ односторонно; весьма похвально, конечно, стремленіе избѣ-
 жать произвола и въ этомъ вопросѣ; существенно входящемъ въ
 область юридической дѣятельности; но условное освобожденіе оче-
 видно, можетъ имѣть мѣсто не въ силу фактовъ, подлежащихъ
 точному юридическому констатированію, а въ слѣдствіе болѣе или
 менѣе сомнительной увѣренности въ томъ, что претерпѣнное на-
 казаніе позволяетъ освободить арестанта отъ срока, безъ явной
 опасности для общества; тутъ, значитъ, вѣрна не столько оцѣнка
 отдѣльныхъ поступковъ арестанта, сколько пониманіе его личности
 во всей ея цѣлостности, а это — не задача суда. Самъ Редеръ
 говоритъ въ дѣль, что досрочное условное освобожденіе нельзя при-

¹³⁾ Roeder, Bemerkungen zum Entwurf eines Strafgesetzbuches f. d. norddeut-
 schen Bund, стр. 26 и сл.

знать правомъ заарестованія или наградою, которую онъ можетъ требовать за хорошее поведение; такой порядокъ можетъ поощрять скорѣе къ искусному ханжеству и лицемерію, чѣмъ къ дѣйствительному исправленію. Съ другой стороны, введеніемъ судебной дѣятельности въ этотъ вопросъ въ высшей степени затруднително отнятіе условнаго освобожденія и получить ненормальное развитіе, такъ какъ судъ будетъ требовать для этого положительныхъ фактовъ, стоящихъ въ видимой причинной связи съ необходимостью задержанія освобожденнаго. Вотъ почему указанный съверо-германскимъ уложеніемъ способъ разрѣшенія этого вопроса едва ли не самый лучший при современномъ порядкѣ.

Лишеніе правъ чести состоитъ въ потерѣ политическихъ правъ, права носить земскую кокарду, вступать въ сухопутное и морское войско, получать общественныя должности, почести, титула и знаки отличія, быть свидѣтелемъ при составленіи документовъ и, наконецъ, принимать на себя обязанности попечителя, опекуна, представителя передъ судомъ чужихъ интересовъ и члена семейнаго совѣта. Кромѣ того, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не имѣетъ мѣсто лишеніе права чести, виновный иногда можетъ быть лишенъ судомъ нѣкоторыхъ, опредѣленныхъ въ законѣ правъ; такъ, осужденные за неосторожное совершеніе какаго либо дѣйствія, которое дѣлаетъ невозможнымъ отправленіе телеграфныхъ операций, или за неосторожное постановленіе въ опасность транспорта желѣзной дороги, могутъ быть лишены права вступленія въ телеграфную или желѣзнодорожную службу (§ 319). Прежде въ ряду правъ, которыя могутъ быть отняты судебнымъ приговоромъ, предполагалось помѣстить и права состоянія (Adel); литература энергически возстала противъ этого, указавъ, что знатность дается не государствомъ, что лишеніе ея въ практикѣ возбуждаетъ массу недоразумѣній и проч.; поэтому ни пересмотрѣнный проектъ, ни уложеніе не упоминаютъ болѣе о лишеніи этого права. Лишеніе правъ чести въ указанномъ объемѣ ограничивается небольшимъ срокомъ — отъ 2 до 10 лѣтъ, можетъ имѣть мѣсто лишь въ связи съ смертною казнью, рабочимъ домомъ и тюрьмою въ специально

указанныхъ закономъ случаяхъ, но примѣненіе его для суда не обязательно, за исключеніемъ клятвенной присяги (§ 161), въ гдѣ судъ обязанъ постановлять о лишеніи гражданскихъ правъ и права быть призваннымъ въ свидѣтели. Замѣтимъ также, что отъ лишенія правъ чести какъ срочнаго и факультативнаго послѣдствія рабочаго дома и тюрьмы должно отличать лишеніе виновнаго права вступать въ сухопутную и морскую военную службу и занимать публичныя должности (подъ которыми также разумѣются адвокатура, право быть нотаріусомъ, присяжнымъ и шэффеномъ), какъ необходимое и пожизненное послѣдствіе рабочаго дома.

Полицейскій надзоръ по отбытіи лишенія свободы можетъ имѣть мѣсто, при наличности указанія его въ судебномъ приговорѣ, по усмотрѣнію полицейскихъ чиновниковъ, на срокъ не долѣе 5 лѣтъ. Судъ же, въ свою очередь, можетъ постановлять его лишь въ дозволенныхъ закономъ случаяхъ. Дѣйствіе полицейскаго надзора относительно иностранцевъ состоитъ въ томъ, что ихъ начальникъ мѣстной полицейской власти можетъ выслать за границу и запретить пребываніе въ государствахъ союза, по отношенію къ сѣверо-германцамъ — запретить пребываніе въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; относительно тѣхъ и другихъ домашніе обыски не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ по времени.

Денежныя штрафы составляютъ или наказанія самостоятельныя за самыя незначительныя нарушенія, или примѣняются рядомъ съ другими наказаніями, напр. въ мошенничествѣ; тутъ, при смягчающихъ обстоятельствахъ, судъ можетъ даже исключительно ограничиться денежнымъ взысканіемъ, что нельзя не признать въ высшей степени разумнымъ. Уложеніе опредѣляетъ ихъ въ минимумѣ 1 талеръ въ преступленіяхъ и проступкахъ, $\frac{1}{3}$ талера въ полицейскихъ нарушеніяхъ, но въ особенной части его нерѣдко въ точности указывается и максимумъ штрафа.⁴⁾

⁴⁾ Въ преступленіяхъ политическихъ указывается еще одна мѣра, которая собственно имѣетъ характеръ не наказанія, а мѣры безопасности, именно недозволеніе скрывшемуся подсудимому пользоваться своимъ имуществомъ, для чего оно подвергается некоторымъ охранительнымъ мѣрамъ.

Наконецъ, въ число добавочныхъ наказаній вошла конфискація предметовъ, которые непосредственно содѣйствовали преступленію, уничтоженіе сочиненій, признанныхъ преступными — вполнѣ или отчасти, а для замѣны служатъ выговоръ, изгнаніе изъ союза, (для иностранцевъ), для несовершеннолѣтнихъ до 18 лѣтъ, которые не могутъ быть подвергнуты нормальному наказанію ¹⁵⁾, — исправительныя и воспитательныя учрежденія до 20 лѣтняго возраста.

Такова фантастическая сторона карательной системы проекта; взглянемъ на внутренній смыслъ ея.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что она страдаетъ розною основными принциповъ. Въ обсужденіи самыхъ важныхъ преступленій сѣверо-германское уложеніе несомнѣнно исходило исключительно изъ начала устрашенія. Оно устанавливаетъ здѣсь смертную казнь, наказаніе безусловно опредѣленное, игнорирующее все отъѣнни внутренней, субъективной виновности; тутъ за судомъ не признается право признанія смягчающихъ обстоятельствъ, нѣтъ никакого параллельнаго наказанія, которое бы позволяло ему обращать вниманіе на личность преступника. То же преобладаніе мотива устрашенія можно замѣтить въ излишней жестокости наказаній за нѣкоторыя преступленія въ отдѣльности, напр. за лжеприсягу положенъ рабочій домъ до 10 лѣтъ, или въ уравненіи по наказуемости менѣе преступныхъ дѣйствій съ болѣе преступными, напр. пускающій въ обращеніе не имъ поддѣланную монету или бумажныя деньги наказывается наравнѣ съ поддѣльвателемъ ихъ (§ 147). Выше мы уже замѣтили, что уложеніе, къ счастью, отказалось отъ системы проекта, который хотѣлъ придать и пожизненному заключенію въ рабочемъ домѣ значеніе исключительно устрашительное, устраняя здѣсь параллельныя наказанія и право

¹⁵⁾ Что зависитъ отъ того, обладалъ-ли виновный необходимыми познаніями и разумніемъ (Einsicht) или нѣтъ. Редеръ полагаетъ, что для *всѣхъ* несовершеннолѣтнихъ единственно умѣстное мѣсто заключенія — исправительныя и воспитательныя учрежденія, безъ всякихъ карательныхъ прибавокъ.

суда признавать смягчающія обстоятельства, какъ бы то ни было, но и въ уложении, хотя меньше чѣмъ въ проектѣ и въ прусскомъ кодексѣ, пожизненное лишеніе свободы въ значительной степени носить устрашительный характеръ, между тѣмъ, какъ въ срочномъ заключеніи допускается освобожденіе до истеченія наказанія, здѣсь оно признается неумѣстнымъ. Эта непоследовательность не можетъ быть ничѣмъ оправдана.

Въ другихъ мѣстахъ Уложенія замѣтно стремленіе его строить карательную систему на новыхъ началахъ, причемъ обращено большое вниманіе на результаты, представленныя школой теоріи индивидуализированія. Вслѣдъ за наукой, и законодатель не могъ не признать, что кодексъ въ своихъ карательныхъ постановленіяхъ имѣетъ и можетъ имѣть въ виду только нормальнаго, слѣд. абстрактнаго, челоука, что потому, встрѣчаясь съ конкретными личностями и дѣяніями, его постановленія легко могутъ оказаться несправедливыми. Но какъ помочь дѣлу? Французской системой общихъ нелегальныхъ смягчающихъ обстоятельствъ (*circonstances atténuantes*)? Законодатель Германіи не могъ серьезно остановиться на ней, разъ—благодаря ея ненациональности, два—вслѣдствіе ея внутреннихъ недостатковъ. Судей факта она превращаетъ въ законодателей, на мѣсто юридической опредѣленности ставитъ судебный произволъ. Путь, выбранный уложеніемъ, хотя болѣе націоналенъ—такъ какъ онъ лишь изрѣдка упоминаетъ о нелюбезныхъ для нѣмцевъ *mildeinde Umstaende*, но далеко не свободенъ отъ втораго упрека. Если вы хотите, не вводи судейскаго произвола и не дѣлая судей законодателями, дать имъ возможность оттѣнять въ наказаніи конкретную обстановку преступленія, то прежде всего должны ясно и точно установить ту обстановку его, которую законъ признаетъ нормальной; на случай непредвидѣнныхъ частныхъ, неисключающихъ нормальной обстановки, можно установить широкіе предѣлы между низшей и высшей мѣрами наказанія, но признать за судомъ право выходить изъ этихъ предѣловъ или примѣнять параллельно наказаніе можно только съ согласія закона и по причинамъ, указаннымъ въ законѣ, хотя бы въ самыхъ об-

шихъ чертахъ (напрѣ указаніе на мотивъ дѣйствія и пр.) Какой бы путь соглашенія и требованій юридической опредѣленности съ индивидуализированіемъ наказаній ни былъ выбранъ, онъ въ сущности превратится въ систему нелегальныхъ смягчающихъ обстоятельствъ, если не будетъ строго выполнено указанное требованіе. Какъ же взглянуло на это уложеніе? Правильная оцѣнка его можетъ быть выведена только изъ разсмотрѣнія германской юридической литературы по этому вопросу. ~~Она, съ тѣмъ же результатомъ, что и въ настоящее время, является предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.~~

Послѣдователи теоріи индивидуализированія раздѣлились на два лагеря. Одни хотятъ оставить за судомъ право выходить за предѣлы нормальнаго наказанія только въ спеціально указанныхъ закономъ преступленіяхъ. Ясно, что эта оцѣнка не можетъ подыскать себѣ логическаго оправданія: если система наказаній, безусловно одинаковыхъ для всѣхъ случаевъ, не выдерживаетъ критики потому, что кодексъ оперируетъ съ абстрактно-нормальнымъ, а не съ конкретнымъ индивидуумъ и дѣяніемъ, то вѣдь это основаніе примѣнимо ко всѣмъ наказуемымъ дѣйствіямъ. Приверженцы индивидуализированія во всѣхъ преступленіяхъ предлагаютъ два пути: одни (Гэберлинъ, Мейеръ) во всемъ полагаются на усмотрѣніе исполнительныхъ органовъ тюремнаго дѣла и на дѣятельность ихъ согласно личнымъ качествамъ арестанта. Къ нимъ близка система Гросса, который желаетъ помочь оцѣлу предоставленіемъ привилегированнымъ Шлицамъ права требовать уже во время исполненія приговора—одиночное заключеніе вмѣсто общаго. Но эти системы далеко нельзя признать непогрѣшимыми. Предположите даже, что органы тюремнаго дѣла—отличные психологи и педагоги (sic) ¹⁶⁾, допустите, что устройство тюрьмы поставлено на самыхъ раціональныхъ началахъ—и вы все таки легко замѣ-

¹⁶⁾ Нѣтъ ничего ошибочнѣе взгляда, который ставитъ задачу тюрьмы въ положительномъ исправленіи арестанта. Это—кабинетная мечта. Съ одной стороны арестанты—не дѣти, съ другой—между ними находится масса не нуждающихся въ исправленіи. Тюрьма вполнѣ достигнетъ своей задачи, если не развратитъ арестанта болѣе, чѣмъ какимъ онъ былъ до поступленія въ нее.

тите, что указанные системы далеко не разрѣшаютъ требованій теоріи индивидуализированія; онѣ поняли ее односторонне: центр тяжести всего вопроса онѣ видятъ въ личныхъ качествахъ осужденнаго, индивидуализированіе наказаній понимаютъ исключительно какъ соглашеніе карательныхъ постановленій съ индивидуальностью даннаго *лица*; другую сторону ея, не менѣе важную, онѣ совершенно выпускаютъ изъ виду; согласно теоріи индивидуализированія не только лицо, но — притомъ главнымъ образомъ — и *дѣяніе*, его конкретная обстановка, въ связи съ вызвавшими его явленіями и его результатами, должно оказывать вліяніе на величину наказанія. Для приведенныхъ системъ важенъ, собственно говоря, нравственный уровень осужденнаго, созданный всею его предшествующею жизнью; для теоріи индивидуализированія, напротивъ, — конкретное преступленіе въ его субъективномъ и объективномъ составѣ, понимая «составъ» нѣсколько шире чѣмъ обыкновенно принято. Другіе приверженцы индивидуализированія во всеѣхъ преступленіяхъ (Зонтагъ⁴⁷⁾, Гейнце, Вальбергъ⁴⁸), послѣдній, впрочемъ, лишь мимоходомъ намекаетъ на это) предлагаютъ установленіе законодательнымъ путемъ параллельнаго наказанія (*Surrogatstrafe*), которое судья можетъ примѣнять вмѣсто нормальнаго при экстраординарной обстановкѣ преступленія, причемъ послѣдняя не опредѣляется закономъ.

Таковы взгляды литературы. Проектъ первой редакціи довольно близко примыкалъ къ послѣднему: его *Einschliessungsstrafe* до нѣкоторой степени имѣло значеніе параллельнаго наказанія, которое судья могъ примѣнять вмѣсто рабочаго дома и тюрьмы. Пересмотрѣнный проектъ въ корнѣ измѣнилъ этотъ порядокъ; его *Einschliessungsstraf*, которое для удовлетворенія національнаго чувства нѣмцевъ получило теперь названіе *Festungshaft*, по своему

⁴⁷⁾ Въ январской книжкѣ 1870 года Архива прусскаго уголовного права, изд. Гольдаммеромъ.

⁴⁸⁾ *Das Princip der Individualisirung* 1869. Отчетъ о немъ «Суд. Вѣстникъ» уже представилъ своимъ читателямъ въ сентябрѣ прошлаго года.

значенію близко къ русскому заключенію въ крѣпости. Оно удержано какъ наименѣе безчестящее наказаніе — съ нимъ не соединяется даже потеря вравъ — для нѣкоторыхъ, специально указанныхъ преступленій, какова напр. дуэль. Уложеніе, признавъ его въ этомъ послѣднемъ значеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ придало ему значеніе параллельнаго наказанія въ нѣкоторыхъ специально указанныхъ случаяхъ, для чего ввело тоже пожизненное заключеніе въ крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, союзное уложеніе устанавливаетъ широкіе предѣлы между высшей и низшей мѣрами наказанія (иногда минимумъ относится къ максимуму какъ 1 : 2737, : 1826, нерѣдко 1 : 300; самое меньшее отношеніе, не считая безусловно опредѣленныхъ наказаній, есть отношеніе 1 : 2, : 3), знаетъ систему нелегальныхъ смягчающихъ обстоятельствъ для нѣкоторыхъ преступленій и проводитъ отчасти — какъ мы видѣли — взглядъ Гросса, дозволяя осужденному къ рабочему дому просить о продолженіи одиночнаго заключенія; немаловажна также та власть, которая вручается имъ въ руки тюремнаго начальства: оно можетъ продолжить одиночное заключеніе безъ согласія заключеннаго до 3 лѣтъ; наконецъ, стремленіемъ же къ индивидуализированію наказаній можно объяснить и досрочное условное освобожденіе. Но наибольшія трудности при примѣненіи этого начала представляютъ наказанія добавочныя—лишеніе правъ и полицейскій надзоръ. Скажемъ сперва о первомъ.

Потеря правъ, прежнее лишеніе чести, утратило теперь (къ сожалѣнію, не у насъ) то жестокое значеніе, которое ему придавали еще такъ недавно. «Теперь», справедливо замѣчаетъ Гельшнеръ въ брошюрѣ, посвященной проекту сѣверо-германскаго уложенія, «при примѣненіи безчестящихъ наказаній дѣло идетъ не о намѣренномъ умаленіи или уничтоженіи чувства чести въ осужденномъ, не объ отнятій у него его права на честь (а тѣмъ болѣе—замѣтимъ отъ себя—не о гражданскомъ убійствѣ его личности), а о лишеніи его отдѣльныхъ преимуществъ, которыя называются «правами чести» (Ehrenrechte), такъ какъ обладаніе ими предполагаетъ опредѣленные нравственные качества на сторонѣ управомо-

ченнаго»; это прямо ведет къ убѣжденію въ нерациональности пожизненнаго лишенія правъ чести. Но и при срочности его не устраняется трудность сообразованія этого наказанія съ началами индивидуализированія. Лишеніе чести, какъ кара, главнымъ образомъ направленная на внутреннюю сторону индивида, конечно должна быть поставлена въ преимущественную, если не исключительную зависимость отъ внутренней стороны дѣянія, отъ безправственности его мотивовъ и пр.; за она то далеко не всегда соотвѣтствуетъ важности нарушеннаго права и преступности, способа дѣйствія: ergo — безусловно устанавливать за преступленіе потерю правъ чести невозможно, а наличность условій примѣненія физическаго наказанія еще не доказываетъ наличности условій праволишенія. Наконецъ, германскій законодатель не могъ не обратить вниманія еще на одно обстоятельство; ему памятно, и съ какою насмѣшкою отнеслись нѣмцы къ попыткамъ Фридриха Великаго въ корнѣ отдѣлить лишеніе чести отъ лишенія свободы съ обязательными работами по назначенію: Германія не могла равнодушно смотрѣть на подневольнаго рабочаго арестанта, который носилъ земскую кокарду; и въ самомъ дѣлѣ, принудительныя работы сами по себѣ подрываютъ уваженіе къ приговоренному. Вотъ соображенія, которыя легли въ основу уложенія по вопросу о лишеніи правъ; ограничивая, въ силу самого закона, права приговоренныхъ къ рабочему дому, оно ставитъ лишеніе правъ чести по отбытіи наказанія (за указаннымъ выше исключеніемъ) въ зависимость отъ усмотрѣнія суда, намекая въ § 20, что судъ здѣсь долженъ руководиться характеромъ мотивовъ. Дѣло только въ томъ, что этотъ намекъ несомнѣнно и прямо относится лишь къ тѣмъ преступленіямъ, въ которыхъ указывается заключеніе въ крѣпости какъ параллельное наказаніе. Или нѣмскому моннефизин — Полицейскій надзоръ имѣеть двѣ стороны: для безопасности общественной оной выгоденъ, и нерѣдко необходимъ; для осужденнаго — это самая тяжкая имѣра стѣсненія свободы и репутаціи въ то время, когда и свобода и возможность исправить свое реноме для него наиболее важны — тотчасъ послѣ отбытія наказанія.

Опытъ показалъ, что и для безопасности общественной оны представляютъ вредныя стороны, такъ какъ нерѣдко освобожденные вскорѣ совершали новыя преступленія исключительно подъ гнетомъ полицейскаго надзора. Въмѣстѣ съ тѣмъ, и здѣсь, какъ въ лишеніи правъ чести, все дѣло сводится на внутреннюю сторону индивида, на степень опасности для юридическаго порядка, представляемой его личностью вообще. Въ виду этихъ соображеній нельзя не сознаться, что уложеніе дѣлаетъ значительный шагъ впередъ, смягчая дѣйствіе полицейскаго надзора, сравнительно съ французскимъ и прусскимъ кодексами и ставя примѣненіе его въ зависимость отъ усмотрѣнія суда и полиціи. Но было бы еще послѣдовательнѣй и цѣлесообразнѣй совершенно уничтожить формальный полицейскій надзоръ, допустивъ исключеніе лишь для иностранцевъ: за государствомъ необходимо признать право въ случаѣ нужды высылать ихъ изъ своей территоріи.

III.

Преступленіе, его виды и ступени; формы преступности.

Всѣ наказуемыя дѣйствія по тяжести наказанія сѣверо-германское уложеніе дѣлитъ на преступленія, проступки и полицейскія нарушенія. Первые суть тѣ дѣйствія, которыя наказываются смертною казнью, рабочимъ домомъ или заключеніемъ въ крѣпости свыше 5 лѣтъ; нарушенія — караемыя арестомъ или денежнымъ штрафомъ до 15 талеровъ; середину занимаютъ проступки. Германская литература въ большинствѣ брошюръ, посвященныхъ проекту уложенія, относилась недружелюбно къ этому французскому трехчленному дѣленію. Какъ бы предвидя такое недружелюбіе, мотивы къ пересмотрѣнному проекту желаютъ нѣсколько охладить жаръ національнаго чувства, указывая, что трехчленное дѣленіе наказуемыхъ дѣйствій не есть французское изобрѣтеніе, а исконный продуктъ германской юриспруденціи; еще Карпцовъ, говорятъ они, раздѣляетъ всѣ преступленія на гражданскія и уголовныя (reineiche und bürgerliche Sachen), а послѣднія въ свою очередь на тяжкія и легкія. Конечно, не въ Карпцовѣ настоящая

причина системы, принятой уложением, и потому Гейнце¹⁹⁾ съ полнымъ правомъ могъ замѣтить, что Каршцовъ не вызвалъ въ новой Германіи трехчленное дѣленіе, а только понадобился редакторамъ проекта, чтобы прикрыть ихъ подражаніе хотя тѣнью національности. Но въ сущности нельзя не согласиться съ Гальшперомъ и Шварце²⁰⁾, что вопросъ о трехчленномъ и двухчленномъ дѣленіи есть просто формальный вопросъ, вопросъ названія. Законъ первоначально опредѣляетъ взаимное соотношеніе наказуемыхъ дѣйствій по ихъ преступности, устанавливаетъ соразмѣрныя съ нею наказанія и только тогда, для облегченія практики, указываетъ различныя группы ихъ, на основаніи различія въ наказаніяхъ.

Указанное разграниченіе наказуемыхъ дѣйствій по сѣверо-германскому уложенію имѣетъ не только систематическое, но и практическое значеніе; послѣднее даже преобладаетъ въ немъ. Такъ, уложеніе выдѣляетъ въ область простыхъ нарушеній нѣкоторыя отдѣльныя дѣйствія, которыя, въ своемъ общемъ объективномъ и субъективномъ составѣ, вполне входятъ въ понятіе нѣкоторыхъ проступковъ (напр. обмѣръ и обвѣсъ, кражу съѣстнаго, кражу для животнаго корма у его хозяина и пр.), для того именно, чтобъ къ нимъ не имѣли примѣненія нѣкоторыя строгія начала о проступкахъ, напр. усиленная наказуемость при рецидивѣ и пр. По праву вчинанія уголовного преслѣдованія всѣ наказуемыя дѣйствія въ сѣверо-германскомъ уложеніи раздѣляются на публичныя и частныя. Группа послѣднихъ здѣсь значительно шире, чѣмъ въ прусскомъ кодексѣ; такъ, сюда, между прочимъ, отнесено изнасилованіе и его разновидности (исключая если послѣдствіемъ его была смерть потерпѣвшаго субъекта) и нѣкоторыя другія преступленія, которыя въ прусскомъ уложеніи не требуютъ жалобы по

¹⁹⁾ Гейнце, в. с. стр. 183. John, геттингенскій профессоръ, въ своей брошюрѣ: *das norddeutsche Strafrecht*, 1870.

²⁰⁾ Гальшперъ, *Beiträge zur Beurtheilung des Entwurfs eines Strafgesetzbuches f. d. norddeuts. Bund*, 1870.—Schwarze, въ *Gerichtsaal*, 1870 № 3.

терпѣвшаго для своего преслѣдованія. Но въ дальнѣйшемъ уложеніе примыкаетъ и здѣсь къ прусскому кодексу: тотъ-же трехмѣсячный срокъ, начинающійся съ момента, когда потерпѣвшій узналъ о преступленіи и о его виновникѣ, то же правило, по которому при возбужденіи преслѣдованія противъ одного изъ соучастниковъ судъ открываетъ его *ex officio* и противъ остальныхъ, а если право преслѣдованія принадлежитъ многимъ лицамъ, то пропускъ срока однимъ изъ нихъ не лишаетъ этого права другихъ. Крайній моментъ, до котораго частный обвинитель можетъ отказаться отъ предъявленнаго обвиненія, здѣсь указанъ въ постановленіи судебного приговора о наказаніи, между тѣмъ какъ въ прусскомъ уложеніи отказъ можетъ быть сдѣланъ только до открытія предварительнаго слѣдствія²¹⁾; но за то въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ — каково напр. указанное изнасилованіе — отказъ вовсе не можетъ имѣть мѣста. За недостигшихъ 18 лѣтняго возраста (въ прусскомъ уложеніи стоитъ 16 лѣтъ) право возбужденія имѣютъ родители и опекуны, независимо отъ самого несовершеннолѣтняго.

Въ общей своей части уложеніе не указываетъ дѣленія наказуемыхъ дѣйствій по степенямъ виновности и потому не опредѣляетъ ни умысла, ни неосторожности. Здѣсь указана только ненаказуемость случайныхъ правонарушеній и — по отношенію къ этому вопросу — происходящихъ вслѣдствіе фактической ошибки: дѣйствіе въ послѣднемъ случаѣ обесживается, какъ будто бы въ дѣйствительности положеніе вещей было согласно съ мнѣніемъ о нихъ виновнаго, причемъ сдѣлана оговорка относительно неосторожности (см. ниже). Но въ особенной части содержатся постановленія, изъ которыхъ очевидно, что кодексъ различаетъ предумышленіе, умышленіе и внезапный умыселъ, а также опредѣленный умыселъ, двойной, преступную безпечность, такъ называемый непрямой умыселъ и преступную самонадѣянность. Широкіе пре-

²¹⁾ Пересмотрѣнный проектъ проводилъ здѣсь прусскую систему.

дѣлы между высшей и низшей мѣрами наказанія даютъ суду возможность обращать вниманіе на всѣ субъективные отбѣнки виновности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не указаны особо законодателемъ. Это Указаніе о причинной связи между дѣйствіемъ и послѣдствіемъ также нѣтъ въ общей части кодекса (какъ принято въ саксон. уложеніи art. 38); но особая часть его даетъ весьма много любопытныхъ указаній по этому вопросу. Изъ нихъ открывается, что самую мѣру виновности законъ ставитъ въ зависимость отъ большей или меньшей, такъ сказать, непосредственности причинной связи между дѣйствіемъ и послѣдствіемъ; такъ, возбуждающій къ преступленію, которое затѣмъ совершилось, не отдѣльныхъ лицъ, а неопредѣленное множество посредствомъ публичныхъ рѣчей и гр., наказывается мягче чѣмъ подстрекатель; такъ, потому же, виновные, въ слѣдствіе побоевъ которыхъ въ ихъ общей совокупности, такъ что ни одинъ изъ отдѣльныхъ побоевъ не могъ причинить этого послѣдствія, произошла смерть или тяжкое тѣлесное поврежденіе при одинаковой субъективной виновности, обложены болѣе мягкимъ наказаніемъ, чѣмъ тѣ, отъ дѣйствій которыхъ прямо и непосредственно произошли эти послѣдствія.

Изъ вышнихъ ступеней преступленія сѣверо-германское уложеніе указываетъ только совершеніе и покушеніе; опредѣленіе перваго открывается изъ опредѣленія послѣдняго. Но для совершенія далеко не всегда требуется наступленіе правонарушительнаго послѣдствія; такъ напр. преступленіе верховной земской измѣны (куда отнесено и убійство монарха) считается совершившимся, коль скоро исполнено дѣйствіе, которое непосредственно (unmittelbar) должно вызвать эти послѣдствія. — Проведеніе точной границы между наказуемыми и ненаказуемыми приготовительными дѣйствіями всегда въ высшей степени затрудняло законодателя; это понятно: даже въ науцѣ до сихъ поръ существуютъ коренныя разногласія относительно условій уголовно-преступнаго покушенія; субъективныя и объективныя теоріи выставляютъ діаметрально противоположныя направленія. Сѣверо-германское уложеніе примкнуло въ этомъ вопросѣ къ объективизму французско-прусской системы,

отмѣтивъ, впрочемъ, болѣе ясно моментъ внутренней виновности («кто проявилъ свое намѣреніе совершить преступленіе или проступокъ посредствомъ дѣйствій, которыя содержатъ въ себѣ начало исполненія этого преступленія или проступка, наказывается какъ за покушеніе на нихъ, если вѣтъ въ наличности ихъ совершенія»). Правда, и здѣсь основательность «начала исполненія», какъ признака уголовно преступнаго покушенія, мотивы къ пересмотрѣнному проекту доказываютъ ссылкой на Каролину, но, конечно, гораздо естественнѣе видѣть источникъ его въ Code pénal. Германская литература вообще недружелюбно смотритъ на этотъ признакъ; она видитъ въ немъ массу затрудненій при разрѣшеніи вопросовъ о наказуемости покушеній негодными средствами.

Брошюры, посвященныя оцѣнкѣ проекта, выставили поэтому свои опредѣленія покушенія, но нельзя не замѣтить, что разрѣшеніе этого ^{срѣд} мирнаго и важнаго вопроса они не подвинули ни на одинъ шагъ. Опредѣленіе Гэберлина («наказуемое покушеніе имѣетъ мѣсто при наличности дѣйствій, которыя несомнѣнно указываютъ намѣреніе дѣятеля совершить опредѣленное преступленіе или проступокъ, если совершенію его воспрепятствовать независящій отъ воли дѣятеля случай») страдаетъ крайнимъ субъективизмомъ; опредѣленія проф. Влидинга²²⁾ и К. Фукса²³⁾ («начатое исполненіе» или «осуществленіе») лишь перефразируютъ прусское уложеніе, что еще въ большей степени нужно сказать о Гроссѣ²⁴⁾ («какъ покушеніе на преступленіе наказуемы тѣ дѣйствія, которыми начинается исполненіе задуманнаго преступленія, по совершеніи его въ наличности не имѣется»); слѣдуетъ ли, однако, въ виду такого разнообразія опредѣленій, принять предложеніе Юна и выставить правило, что кодексъ долженъ предоставить установленіе состава покушенія работѣ практики? Не доказываетъ ли ско-

²²⁾ Entwurf eines Strafgesetzbuches f. d. norddeutschen Bund, стр. 77.

²³⁾ Kritische Bemerkungen, стр. 66.

²⁴⁾ Allgem. deutsche Strafrechtszeitung v. Holtzendorff, 1869 г., сентябрь, стр. 482 и слѣд.

рѣе это разнообразіе необходимость законодательнаго критерія для устранения произвола въ такомъ существенномъ пунктѣ правосудія? Сѣверо-германское уложеніе не послѣдовало за Іономъ, и съ нимъ нельзя не согласиться. Величина наказанія за покушеніе мягче чѣмъ за совершеніе: смертная казнь и пожизненный рабочий домъ здѣсь замѣняются срочнымъ рабочимъ домомъ отъ 3 до 15 лѣтъ; другія наказанія, по усмотрѣнію суда, могутъ быть смятчены на $\frac{3}{4}$; здѣсь, безспорно, проектъ применилъ къ объективизму германскаго права, отказавшись совершенно отъ французскаго кодекса. Наказаніе вовсе не имѣетъ мѣста, если исполненіе задуманнаго дѣйствія остановлено не по независящимъ отъ воли дѣятеля обстоятельствамъ или его собственной дѣятельностью отвращено наступленіе послѣдствія, необходимаго для наличности совершившагося преступленія или проступка, подѣ условіемъ, чтобъ такое отвращеніе послѣдствій было произведено во время, когда покушеніе еще не было открыто; изъ приведенной редакціи уложенія видно, что оно отбросило выраженіе: «внѣшнія, независяція отъ воли дѣятеля обстоятельства» — выраженіе, которое основательно заслужило рѣзкое порицаніе Гейнце: «внѣшнія» обстоятельства нельзя противопоставлять обстоятельствамъ, зависящимъ отъ воли виновнаго, ergo — французско-прусская редакція, совмѣщающая не тождественныя и даже иногда противоположныя условія — «внѣшнія» и «независяція отъ воли дѣятеля обстоятельства» — грѣшитъ противъ требованій логики. Основаніе ненаказуемости покушенія при приведенныхъ условіяхъ мотивы къ пересмотрѣнному проекту видятъ въ уголовно-политическихъ соображеніяхъ; какъ извѣстно, одинъ изъ замѣчательныхъ криминалистовъ Германіи, Гейеръ, энергически стоитъ противъ полной безнаказанности въ этихъ случаяхъ²⁵⁾; въ подкрѣпленіе своего мнѣнія онъ приводитъ основанія логическое и политическое: логическое — потому, что нельзя сдѣлать несущее

²⁵⁾ См. его статью въ энциклопедіи Гольцендорфа, 1870, и его *Besprechung des (officiel.) Entwurf eines Strafgesetzes über Verbrechen und Vergehen für die nicht ungarischen Länder Oesterreichs*, 1867, замѣч. на §§ 22 и 23.

ствовавшимъ того, что уже проявилось въ дѣйствительности; политическое—такъ какъ принципъ безнаказанности поведетъ къ увеличенію количества покушеній въ виду возможности отказаться затѣмъ отъ совершенія. Эти возраженія не убѣдительны; такъ, противъ перваго должны замѣтить, что одни логическія соображенія (которымъ почему то придаютъ болѣе широкое названіе «юридическихъ») не могутъ опредѣлять наказуемость дѣянія — право служить и должно служить жизни въ ея конкретности; да притомъ, если бы даже принять противоположное мнѣніе, соображенія логическія не доказываютъ правомѣрности наказанія не только добровольно оставленнаго, но и всякаго покушенія: вы, съ одной стороны, требуете для состава преступленія то, что называется его совершеніемъ, и потомъ тотчасъ же опровергаете себя, ставя наказаніе и при отсутствіи совершенія; второе замѣчаніе невольно возбуждаетъ вопросъ: сдѣлано ли оно серьезно или въ шутку? Согласитесь въ самомъ дѣлѣ: развѣ можно серьезно говорить напр. о томъ случаѣ, когда А всыпаетъ въ кушанье Б ядъ въ надеждѣ, что Б до извѣстнаго времени не съѣстъ этого кушанья и онъ будетъ имѣть возможность выпить его? Быть можетъ и существуютъ на свѣтѣ такіе шутники, но вѣдь кодексъ долженъ имѣть въ виду человѣка, обладающаго, по крайней мѣрѣ, житейскимъ разсудкомъ.

Уложеніе молчитъ о покушеніяхъ негодными средствами; его редакція доказываетъ, однако, что такіе случаи подлежатъ наказуемости: оставляя въ сторонѣ соображенія за и противъ нея, замѣтимъ только, что требованіе безнаказанности негодныхъ покушеній до сихъ поръ живетъ въ Германіи; такъ, профессоръ Фуксъ отстаиваетъ его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, не дѣлая различія даже между количественно и качественно негодными средствами. Уложеніе наказываетъ только покушенія на преступленія, иногда на проступки; въ послѣднемъ случаѣ оно обозначаетъ, что покушеніе наказуемо. Гэберлинъ предлагаетъ другую редакцію: исходя изъ той точки зрѣнія, что въ проступкахъ безнаказанность покушенія основывается на политическихъ соображеніяхъ, но что, говоря юридически, всякое покушеніе преступно, онъ предлагаетъ

обозначать: «покушение не наказуемо» въ тѣхъ случаяхъ, когда этого хочетъ законъ; не говоря о томъ, что предложеніе Гейбеллина не имѣетъ практическаго интереса, оно не прочно и съ точки зрѣнія теории; мы уже имѣли случай замѣтить, что для наказуемости покушенія совершенно основательно требуютъ наличность особаго уголовнаго запрета.

Переходимъ къ формамъ преступности. Отдѣлъ о соучастіи въ проектѣ суженъ до крайнихъ предѣловъ: общая часть говорить только о виновникахъ физическихъ (Thäter), подстрекателяхъ и пособникахъ ²⁶⁾; послѣдніе наказуемы слабѣ главныхъ виновниковъ въ размѣрахъ, указанныхъ для покушенія; личныя качества, обусловливающія преступность и величину наказанія, не переходятъ на соучастниковъ и не поглощаются ихъ отношеніями къ преступленію, что, однако, не мѣшаетъ уложенію карать «лиходателей» за преступленія чиновниковъ по службѣ, женщинъ за участіе въ изнасилованіи и проч. Постановленія о прикосновенности разбросаны по отдѣламъ особенной части; провозглашая безнаказанность недонесенія о совершившемся преступленіи, въ недонесеніи объ извѣстныхъ готовящихся измѣнѣ, поддѣлкѣ монеты, смертоубійствѣ, разбоѣ, кражѣ людей, дезертиствѣ и общеполитическихъ преступленіяхъ, оно видитъ проступокъ противъ общественнаго порядка, караемый тюрьмою; въ освобожденіи заключенныхъ изъ подъ стражи — преступленіе «противъ государственной власти»; укрывательство лицъ и вещей, добытыхъ преступленіемъ, и оказаніе помощи послѣ совершенія его съ цѣлью отклоненія правосудія, уложеніе, согласно предложенію Гальшнера, рассматриваетъ въ особенномъ раздѣлѣ «Begünstigung und Hehlerei», который нашелъ себѣ мѣсто между имущественными преступленіями (кража и утайка; пристанодержательство и прикосновенность; мошенничество и нарушеніе довѣрія), хотя предусмотрѣнные имъ

²⁶⁾ Проектъ примкнулъ къ терминологіи Шюце, употребляя слово «Thäter» вмѣсто «Ueber»; противъ этого см. Гейнцеи Биндингъ въ вышеприведенныхъ брошюрахъ, а также Buri, Ueber die Theilnahme и пр., Gerichtsaaal, 1870 № 1.

дѣйствія могутъ имѣть мѣсто относительно всѣхъ преступленій и для состава своего не требуютъ корыстнаго намѣренія; въ особенной же части нашель себѣ мѣсто и одинъ изъ видовъ подстрекательства, именно тотъ, который направленъ не на опредѣленную индивидуальную личность, а на массу, состоя въ публичномъ возбужденіи толпы къ совершенію наказуемыхъ дѣяній: онъ разсматривается какъ «противодѣйствіе государственной власти».

Относительно совокупности преступленій примѣняются начала поглощенія (при идеальной совокупности) и сложенія наказаній въ ограниченныхъ размѣрахъ (рабочій домъ до 15 л., тюрьма до 10 л. и заключеніе въ крѣпости до 15 лѣтъ). На случай коллизіи различныхъ видовъ лишенія свободы уложеніе опредѣляетъ, что восьмимѣсячный рабочій домъ равняется годичной тюрьмѣ, восьмимѣсячная тюрьма — годичному заключенію въ крѣпости. Если же за одно преступленіе назначенъ арестъ, за остальные — другіе виды лишенія свободы, то арестъ опредѣляется особо отъ другихъ наказаній; точно также заключеніе въ крѣпости, коллидирующее только съ тюремнымъ заключеніемъ, опредѣляется особо; денежные штрафы складываются, при замѣнѣ ихъ въ лишеніе свободы опредѣлена тюрьма до 2 лѣтъ или арестъ до 3 мѣсяцевъ, смотря потому, назначаются ли они за преступленіе и проступокъ или за полицейское нарушеніе. Такимъ образомъ, уложеніе не примкнуло къ средней, болѣе вѣрной теоріи повышенія кары безъ сложенія ея съ другою (Heinze, Erörterungen, стр. 219—222). Начало сложенія наказаній примѣняется и къ повторенію послѣ осужденія, но до отбытія наказанія за прежнее преступленіе или до истеченія давности. Что же касается до повторенія послѣ отбытія наказанія, то общая часть уложенія молчитъ о немъ, въ постановленіяхъ же особенной оно является легальнымъ увеличивающимъ вину обстоятельствомъ при нѣкоторыхъ преступленіяхъ и проступкахъ, но никогда при полицейскихъ нарушеніяхъ; для этого непременно требуется, чтобы предыдущіе приговоры были постановлены однимъ изъ судовъ сѣверо-германскаго союза. Кромѣ того, въ кражѣ и укрывательствѣ похищенныхъ вещей (Hehlerrei), гдѣ повтореніе

имѣть наиболѣе важное значеніе, оно не имѣетъ мѣста, если между отбытіемъ наказанія и совершеніемъ того же преступленія вновь прошло болѣе 10 лѣтъ. Слѣдовательно, повышающее легальное значеніе имѣетъ только специальный рецидивъ, да и то далеко не во всѣхъ преступленіяхъ.

IV.

Обстоятельства, устраняющія и измѣняющія преступность и наказуемость.

Въ раздѣлѣ «объ основаніяхъ, исключаютъ или смягчающихъ наказаніе», уложеніе содержитъ постановленія о невмѣняемости, невмѣненіи, давности, отсутствіи преслѣдованія при частныхъ преступленіяхъ и приводитъ нѣкоторые легальные смягчающія обстоятельства.

Постановленія прусскаго права о вмѣняемости подверглись въ уложеніи коренному преобразованію ²⁷⁾; § 40 прусскаго уложенія, совмѣщая общія начала о вмѣняемости гласитъ: «нѣтъ ни преступленія, ни проступка, если во время совершенія дѣйствія виновный былъ безуменъ или помѣшенъ (blodsinnung oder wahnsinnung) или если свободноеволеопредѣленіе его было исключено насиліемъ или угрозами». Медицинская литература отнеслась къ этой редакціи далеко несочувственно. Главный мотивъ этого тотъ, что безуміе и сумасшествіе не обнимаютъ всѣхъ формъ душевнаго состоянія, которыя дѣлаютъ человѣка безответственнымъ за его дѣйствія. Вотъ почему еще до составленія перваго проекта

²⁷⁾ Сверхъ указанныхъ брошюръ этому вопросу специально посвящены: Roenne, die criminalistische Zurechnungsfahigkeit, Berlin 1870; какъ прусскій юристъ-практикъ, онъ горячо отстаиваетъ прусское уложеніе; Neumann, Psychologische Reflexionen über das preussische Strafgesetzbuch und den Entwurf zu einem Strafgesetzbuche für den Norddeutschen Bund, 1870—стоитъ за редакцію перваго проекта. Мейеръ (das Norddeutsche Strafrecht и проч.) полагаетъ, что кодексъ вовсе не долженъ содержать постановленій о вмѣняемости и невмѣняемости: опредѣленія объ отдѣльныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ требуется напр. умысленность, достаточно показываютъ, что въ законѣ идетъ рѣчь лишь о лицахъ вмѣняемыхъ.

ясно выказалось желаніе измѣнить ее, предлагая на обсужденіе королевской (прусской) медицинской депутаціи § 40 прусскаго уложенія, министр юстиціи Леонгардъ указалъ ей и новую предлагаемую статью о невмѣняемости, которая гласила: «вѣтъ ни преступленія, ни проступка, если во время исполненія дѣйствія дѣятель не обладалъ свободнымъ волеопредѣленіемъ». Такимъ образомъ, указаніе конкретныхъ состояній невмѣняемости было выброшено: остался общій принципъ, разумное примѣненіе котораго предоставлено экспертамъ медицины и суду. Медицинская депутація подвергла анализу ту и другую редакціи, не согласилась ни съ одной и предложила свою; хотя уложеніе сдѣлало въ ней нѣкоторыя измѣненія, но соображенія медицинской депутаціи не теряютъ отъ этого своего интереса. Приводимъ ихъ въ извлеченіи. «Стоя на почвѣ медицинской науки, мы можемъ только радоваться измѣненію § 40 прусскаго уложенія.

«Укажемъ вкратцѣ тѣ возраженія, которыя должны быть сдѣланы ему, такъ какъ они имѣютъ отчасти мѣсто и по отношенію къ новой предлагаемой редакціи разсматриваемаго параграфа.

«Относительно значенія «безумія» въ наукѣ существуютъ коренныя разногласія; «сумасшествіе» и понимается и обозначается еще болѣе различно.

«Но даже, оставляя въ сторонѣ это соображеніе, нельзя не замѣтить, что безуміе и сумасшествіе во всякомъ случаѣ составляютъ лишь двѣ формы душевныхъ болѣзней; подлѣ нихъ можетъ быть указана цѣлая группа другихъ формъ, которыя оказываютъ такое же вліяніе на свободу человѣческихъ дѣйствій какъ и онѣ. Въ виду этого факта, высшіе органы юстиціи различными способами проводили начало, что состояніе вмѣняемости, кромѣ безумія и сумасшествія, можетъ быть исключено и другими ненормальными душевными состояніями. Практика примѣняла этотъ выводъ двоякимъ путемъ, и именно: въ случаѣ, когда въ дѣлѣ не было ни безумія, ни сумасшествія въ научномъ смыслѣ, судъ или предлагалъ экспертамъ вопросъ, не исключается ли

выбняемость другимъ определеннымъ болѣзненнымъ состояніемъ души; или редація вопроса слѣдовала буквѣ § 40, но экспертамъ дозволялось употреблять выраженія «безуміе» и «помѣшательство» въ легальномъ, а не въ научномъ смыслѣ.

«Въ первомъ случаѣ экспертамъ давался поводъ входить въ разсмотрѣніе неподлежащаго имъ вопроса права — выбняемости; во второмъ, вводилась полнѣйшая путаница относительно значенія понятій «сумасшествія» и «безумія». Высокопоставленные органы юстиціи провозгласили, что и простыя душевныя аномаліи имѣютъ значеніе для уголовного правосудія, восходя на степень безумія и сумасшествія, такъ что въ вопросахъ присяжнымъ и, прибавимъ отъ себя, экспертамъ онѣ должны быть обозначены легальными терминами безумія или сумасшествія. Вотъ почему безуміе и сумасшествіе получили значеніе высшихъ степеней всѣхъ душевныхъ болѣзней. Благодаря одному изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей медицины, который примкнулъ къ такому пониманію²⁸⁾, оно стало весьма распространеннымъ между врачами; но очевидно, что выраженія «безуміе» и «сумасшествіе» получили приэтомъ слишкомъ широкое и ненаучное значеніе. Желая получить какую либо опору для распознаванія того, что должно разумѣть подъ сумасшествіемъ и безуміемъ «въ смыслѣ закона», медики обратились къ объясненію, предлагаемому общимъ Landrecht'омъ (§§ 27 и 28 ч. 1 тит. 1), отбросили въ сторону термины, которые перестали быть техническими, и спрашивали себя лишь о томъ, былъ ли дѣятель при исполненіи дѣйствія «вполнѣ лишень употребленія разсудка», или «не находился ли онъ въ состояніи, исключающемъ возможность обдумывать послѣдствія своего дѣйствія».

«Но способностью обдумывать послѣдствія своего дѣйствія обладаютъ и душевно больные, хотя, впрочемъ, въ извѣстной степени; отрицать ее у нихъ совершенно — наука не даетъ права.

²⁸⁾ Депутация намекаетъ на Каспера, уже умершаго.

«То обстоятельство, что человек сознает свое дѣйствіе какъ противозаконное и безнравственное, знаетъ какія за него положены наказанія и, несмотря на то, готовится къ нему выполнѣ обдуманно, выполняетъ его согласно задуманному плану и принимаетъ мѣры для избѣжанія кары закона, — все это совмѣстимо съ душевною болѣзною. Сознаніе свойства дѣйствія и способность обдуманности составляютъ лишь отдѣльные примѣры въ ряду тѣхъ многочисленныхъ факторовъ, заключительнымъ продуктомъ совмѣстной дѣятельности которыхъ является человеческое дѣйствіе, и несвободность его можетъ обуславливаться совершенно другими элементами, а не только отсутствиемъ или неспособностью къ разсудительности. Судебному врачу поэтому, согласно требованію науки, должна быть предоставлена возможность изслѣдовать *все* психическое состояніе обвиняемаго и его вліяніе на вмѣняемое дѣйствіе; всю свою экспертизу онъ долженъ направить на разрѣшеніе вопроса: страдаетъ ли подсудимый душевною болѣзною, или нѣтъ, такъ какъ только въ послѣднемъ случаѣ онъ вправѣ признать за нимъ вообще способность обдумывать, т. е. разумно обдумывать послѣдствія. Душевно больной поступаетъ не всегда безумно, но если онъ по временамъ дѣйствуетъ какъ здоровый — это зависитъ отъ обстоятельствъ, лежащихъ внѣ его воли. Ни объ одномъ актѣ его дѣятельности, хотя бы, по видимому, онъ его обдумалъ такъ, какъ душевно здоровый, нельзя сказать съ малѣйшею безопасностью, что его болѣзнь не оказала на него своего пагубнаго вліянія; дѣло только въ томъ, что послѣднее нерѣдко весьма трудно подмѣтить.

«Обращаясь затѣмъ къ предполагаемой редакціи сѣверо-германскаго уголовного уложенія, мы вполне одобряемъ исключеніе изъ него конкретныхъ обозначеній душевныхъ болѣзней — безумія и сумасшествия. Мы соглашаемся также, что кодексъ не долженъ вводить какія бы то ни было техническія обозначенія видовъ ихъ.

«Полнота въ этомъ отношеніи, совершенно достаточная съ точки зрѣнія науки въ данный моментъ ея развитія, при первомъ прогрессивномъ ея шагѣ, при измѣненіи взглядовъ, веду-

шемъ и къ измѣненію номенклатуры, выкажетъ всю свою опасность. Вмѣсто нея, критеріемъ всѣхъ ненормальныхъ состояній, условливающихъ невмѣняемость, слѣдуетъ выставить просто уничтоженіе «свободнаго волеопредѣленія». Но, признавая, что это выраженіе наиболѣе употребительное, мы однако, въ виду двухъ различныхъ основаній, не можемъ одобрить предложенной намъ новой редакціи § 40.

«Такъ, съ одной стороны, слишкомъ общая редакція § намъ кажется опасною по тому, что судебный врачъ можетъ быть побужденъ ею, переслупивъ за предѣлы подлежащаго ему анализа болѣзненнаго душевнаго состоянія, затеряться въ общихъ психологическихъ разсужденіяхъ. Со стороны неопытнаго врача понятіе свободнаго волеопредѣленія, свободы воли, можетъ получить совершенно ложное обозначеніе, особенно въ судебномъ засѣданіи; каждый порывъ страсти, каждый аффектъ и проч. можетъ получить значеніе условія, устраняющаго вмѣняемость²⁹⁾».

«Съ другой стороны, опытъ дастъ намъ право заключить, что этому, повидимому очень широкому, понятію свободнаго волеопредѣленія со стороны судей и прокуратуры можетъ быть придано слишкомъ тѣсное значеніе, такъ что этотъ критерій можетъ повлечь къ тѣмъ же невыгоднымъ послѣдствіямъ, какъ и критерій разсудительной способности. Если—что весьма возможно—свободному волеопредѣленію будетъ противопоставлена дѣятельность вынужденная, если относительно даннаго дѣйствія будутъ ставить вопросъ—вынужденъ ли былъ дѣятель поступить такъ, какъ онъ поступилъ—то въ отрицаніи его, пожалуй, найдутъ доказательство свободной дѣятельности».

²⁹⁾ Нейманъ противъ этого возражаетъ, что никакая редакція закона сама по себѣ не можетъ удержать неопытнаго эксперта въ подлежащей ему области—это дѣло судьи; да кромѣ того, говоритъ онъ, законъ можетъ имѣть въ виду лишь свѣдущаго эксперта, а не неуча.—Въ противоположность депутаціи онъ утверждаетъ, что только вопросъ о душевной болѣзни м. б. сведенъ на почву психіатріи, вопросъ же о вмѣняемости всегда останется психическимъ; «громко звучація сразы: «болѣзни мозга», «наслѣдственность», «органическіе недостатки», недостаточны для его разрѣшенія».

«Представьте себѣ, напр., что у обвиняемаго въ мошенничествѣ, кражѣ и другомъ подобномъ преступленіи оказывается корыстный умыселъ какъ мотивъ дѣйствія, исполненіе согласно этой дѣли, что нѣтъ рѣшительныхъ признаковъ помѣшательства или влияние его на вмѣняемое дѣйствіе не можетъ быть доказано: при предлагаемой общей редакціи закона не только судья, но и малоопытный экспертъ можетъ, безъ дальнихъ оговорокъ, признать свободное волеопредѣленіе исключительно въ виду приведенныхъ обстоятельствъ; между тѣмъ, они далеко не устраняютъ наличности душевной болѣзни».

Обращая, затѣмъ, вниманіе на то, что наиболѣ прочный моментъ невмѣняемости есть болѣзненное состояніе душевной дѣятельности, члены депутаціи предлагаютъ внести этотъ терминъ — болѣзненность — и въ статью закона; наконецъ, указывая состоянія спиртнаго и соннаго опьяненія, какъ необнимаемыя «болѣзненными нарушеніемъ душевной дѣятельности» и, между тѣмъ, долженствующія обусловливать безнаказанность, они предложили такую редакцію: «нѣтъ ни преступленія, ни проступка, если свободное волеопредѣленіе дѣятеля было исключено тѣмъ, что во время исполненія дѣйствія онъ находился въ состояніи болѣзненнаго нарушенія душевной дѣятельности, или же это свободное опредѣленіе исключалось насиліемъ, угрозами или особенными состояніями организма (*besondere körperliche Zustände*)». Эта редакція встрѣтила рѣзкія порицанія. Такъ, Нейманъ обвиняетъ депутацію въ медицинскомъ невѣжествѣ, на томъ основаніи, что она исключаетъ изъ области душевныхъ болѣзненныхъ состояній спиртное и сонное опьяненіе: «головная боль есть болѣзнь; продолжается ли она часъ или годъ — безразлично; то же нужно сказать о душевныхъ болѣзняхъ: если въ область ихъ нельзя отнести состояніе опьяненія, то, идя послѣдовательно, то же должно имѣть мѣсто по отношенію къ *delirium tremens* и къ хронической горячкѣ пьяницы (запой)». Вмѣстѣ съ тѣмъ, выраженіе депутаціи: «особыя состоянія организма» упрекали въ томъ, что оно не обвиняетъ лунатизма, психическаго состоянія, слѣдующаго за эпилепти-

ческииъ припадкомъ, высшихъ степеней нѣкоторыхъ аффектовъ, каковы: страхъ, испугъ, тоска, состоянія при отравленіи нѣкоторыми наркотическими веществами, и другихъ, которыя, по мысли закона, должны обусловливать невмѣняемость³⁰⁾. Замѣчали также, что предлагаемая депутаціею редація свяжетъ судъ медицинскимъ заключеніемъ, ставя центръ тяжести въ болѣзненномъ состояніи, а не въ отсутствіи свободного волеопредѣленія³¹⁾.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, пересмотрѣнный проектъ принялъ слѣдующую редацію—«Наказуемое дѣйствіе не имѣетъ мѣста, если во время совершенія его дѣятель находился въ состояніи безсознательности или болѣзненнаго нарушенія душевной дѣятельности, которымъ (состояніемъ) исключалось его свободное волеопредѣленіе относительно совершеннаго имъ дѣйствія».

Представляютъ ли послѣднія четыре слова этой редаціи прогрессъ или регрессъ—германская литература разрѣшила отрицательно, такъ какъ ими косвенно возстановляется вмѣняемость въ свѣтлые промежутки, и такъ называемое «частичное помѣшательство» получаетъ неправильное разрѣшеніе³²⁾. Вотъ почему союзное уложеніе не повторяетъ этихъ послѣднихъ словъ.

Составляетъ ли состояніе невмѣяемости замкнутое цѣлое, или же должны быть допущены послѣдовательныя, переходныя ступени между невмѣяемостью и полной вмѣяемостью?—Вотъ вопросъ, который безъ преувеличенія можно назвать гордѣвымъ узломъ юриико-медицинской литературы Германіи. Медицина, какъ видно изъ заключеній различныхъ врачебныхъ учреждений на проектъ сѣверо-германскаго уложенія, примыкаетъ къ послѣднему направлению. «Признаніе кодексомъ уменьшенной вмѣяемости, съ медицинской точки зрѣнія, должно быть безусловно одобрено», говоритъ прусская королевская медицинская депутація; «нельзя про-

³⁰⁾ Мотивы къ 2-му проекту, стр. 55, 51.

³¹⁾ См. напр. Гэберлина *Kritische Bemerkungen*, стр. 33.

³²⁾ Это оспариваютъ мотивы, но не точный смыслъ приведеннаго постановленія.

вести рѣзкой и опредѣленной границы между тѣми особенными душевными состояніями, которыя исключались и исключаются вмѣняемость, и тѣми, которыя замѣчаются у здороваго субъекта. Наравнѣ съ тѣлесными, и душевная болѣзнь и здравье незамѣтными ступенями переходятъ одно въ другое. Натурально, что психическія состоянія, въ полномъ ихъ развитіи и совершенно уничтожающія свободное волеопредѣленіе человѣка, не могутъ оставаться безъ всякаго вліянія на него и тогда, когда они еще не достигли полного развитія. Поэтому, наше предложеніе — разсматривать вмѣняемость и невмѣняемость какъ два специфически различныя качества, но въ срединѣ ихъ поставить тѣ уменьшающія вмѣняемость душевныя состоянія, которыя, не дѣлая человѣка вполнѣ несвободнымъ, не дозволяютъ ему, однако, поступать совершенно свободно, — стоитъ вполнѣ на научной почвѣ.

Исслѣдованіе тюремныхъ учрежденій различныхъ странъ показало, что между осужденными находится не мало лицъ, болѣе или менѣе подверженныхъ помѣшательству, которое у нихъ началось еще до совершенія преступленія. Это — *criminal lunatics* англійскаго законодательства. О многихъ преступникахъ можно сказать, что они будущіе помѣшанные. Наслѣдственные и врожденные недостатки, благопріобрѣтенныя нервныя болѣзни можно замѣтить нерѣдко. Съ другой стороны, пьянство, бѣдность и др. вызываютъ состоянія, вредно отзывающіяся на нервной системѣ; они, правда, еще не могутъ быть подведены подъ рубрику душевныхъ болѣзней, но располагаютъ къ нимъ и, во всякомъ случаѣ, составляютъ болѣзненныя измѣненія. Лица, подверженныя имъ, скорѣе годны для домовъ сумасшествія и пріютовъ, чѣмъ для тюремъ; врачъ опытный и сознающій свои обязанности, конечно, большую часть ихъ признаетъ душевно-больными.

Вотъ мотивы медицинской депутаціи, въ виду которыхъ она требуетъ внесенія въ кодексъ уменьшенной вмѣняемости; сравнивая ихъ съ ея же соображеніями, высказанными по поводу редакціи § 40 прусскаго уложенія (мы ихъ привели выше), невольно становишься въ тупикъ: тамъ депутація настаиваетъ, что

бы судебный врачъ, прежде чѣмъ дать отвѣтъ о свободности волеопредѣленія въ данномъ случаѣ, изслѣдовалъ все психическое состояніе обвиняемаго и его влияние на совершенное дѣйствіе, — провозглашаетъ, что и начало болѣзни есть болѣзнь; и здѣсь, замѣчая, что для лицъ, у которыхъ начинается душевная болѣзнь, умѣстнѣе домъ умалишенныхъ, чѣмъ тюрьма, она же предлагаетъ ввести уменьшенную вмѣняемость, т. е. и напр. для лицъ послѣдней категоріи тюрьму — вмѣсто рабочаго дома, рабочей домъ — вмѣсто смертной казни! Будь депутация послѣдовательнѣе въ своихъ выводахъ, она бы не предложила уменьшенной вмѣняемости: или тюрьма, или больница или пріютъ, — но ничто среднее между ними не можетъ быть допущено, если строго придерживаться ея заключенія. Но неубѣдительность доводовъ ея доказываетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, юридическую негодность уменьшенной вмѣняемости? Въ одномъ случаѣ, уголовныя уложенія признаютъ уменьшенную вмѣняемость почти единогласно: они различаютъ возрастъ, исключаящій наказаніе или только смягчающій нормальную кару; смягченіе здѣсь, конечно, имѣетъ то разумное основаніе, что за лицами извѣстнаго возраста законъ не признаетъ полного состава виновности, допуская ее лишь отчасти. Но нѣтъ ли, кромѣ возраста, другихъ условий, лежащихъ въ психическомъ состояніи лица, которыя не исключая ответственности лица предъ уголовнымъ закономъ, не дозволяютъ, однако, разумно признать въ немъ полноту виновности? Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь должно отвѣтить утвердительно; полнота наказанія свидѣтельствуетъ о полнотѣ сознанія свойства дѣйствія, обдумованія послѣдствій и способности дѣйствовать согласно опредѣленіямъ разума; у всѣхъ ли индивидуумовъ вы признаете ее въ равной степени? Очевидно, нѣтъ. Но умѣстно ли выраженіе «уменьшенная вмѣняемость» (*verminderte Zurechnungsfähigkeit*)? Опять таки нѣтъ; лицо по своему психическому состоянію можетъ подлежать или не подлежать дѣйствію уголовного закона; середины быть не можетъ; какъ бы ни было слабо наказаніе — все же оно есть наказаніе и свидѣтельствуетъ о томъ, что за на-

казаннымъ признается способность подлежать закону, ерго—признается вмѣняемость. Уменьшенная вмѣняемость новой германской литературы есть ни болѣе, ни менѣе, какъ не ловко обозначенное легальное смягчающее обстоятельство; въ этомъ смыслѣ ее напр. знаетъ и русское право (Улож. наказ. ст. 129 п. 2, 134 пп. 4, 5, 6, 7, ст. 143, 180, ч. 2 ст. 182, 215 и мн. др.; ср. австр. кодексъ § 46); этимъ же объясняется и различное отношеніе къ ней нѣмецкихъ юристовъ. — Одни—укажу напр. Бернера, Йона—видя въ уголовномъ правѣ логическую систему или, скорѣе, механизмъ, приравненный для законодательной оцѣнки человѣческихъ дѣйствій, конечно должны были недружелюбно отнестись къ «уменьшенной вмѣняемости»: она представляетъ логическій абсурдъ; обезпеченіе же правосудія, которое требуетъ, чтобы было обращено вниманіе на неполноту виновности, они видятъ въ широкихъ предѣлахъ между низшею и высшею мѣрами наказанія; другіе—таковы Гейнце, Гэберлинъ, Мейеръ—замѣчая, что уголовное право должно возможно лучшимъ образомъ служить жизни въ ея конкретности, что правомѣрность наказанія зависитъ не столько отъ логическихъ соображеній, сколько отъ достиженія посредствомъ него задачъ цивилизаціи, что рациональному разрѣшенію ихъ нерѣдко противорѣчатъ строгія кары кодекса, примиряются съ уменьшенною вмѣняемостью, потому что она даетъ возможность обходить излишнюю строгость закона ³³⁾. Самое незначительное число криминалистовъ серьезно отстаиваетъ юридическую основательность ея ³⁴⁾. Что касается, наконецъ, сѣверо-гер-

³³⁾ Такъ, напр., Мейеръ въ своей брошюрѣ—«das Norddeutsche Strafrecht. Eine Beurtheilung eines Strafgesetzbuches für den Norddeutschen Bund», 1869, откровенно заявляетъ, что онъ готовъ стоять за уменьшенную вмѣняемость лишь потому, что подъ прикрытіемъ ея судъ можетъ не назначать смертной казни и пожизненнаго смиреннаго дома въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ устанавливаетъ безусловно определенное наказаніе; то же см. Heinze, в. с. стр. 214.

³⁴⁾ См. напр. Рёне, «die criminalistische Zurechnungsfähigkeit», 1870, и Нейманъ: «Psychologische Reflexionen», 1870. Меркель: «Gutachten über den Entwurfъ въ Verhandlungen des neunten deutschen Juristentags, Ч. I, стр. 22 и слѣдъ».

манскаго уложенія, то первый проект его внесъ въ свои общія постановленія и уменьшенную вмѣняемость, но второй отъ нея отказался: его примѣру слѣдуетъ и уложеніе; мотивы не содержатъ ни одного слова въ объясненіе такого отказа. Французско-прусское отношеніе къ возрасту виновнаго не принято уложеніемъ: до 12 лѣтъ оно признаетъ безнаказанность; отъ 12 до 18 или никакое наказаніе не имѣетъ мѣста, или нормальное наказаніе смягчается, смотря по тому, обладалъ ли виновный при совершеніи своего дѣйствія «проницательностью и свѣденіями (Einsicht), необходимыми для распознаванія его наказуемости», или нѣтъ; слова, внесенныя нами въ скобки, замѣняютъ «Unterscheidungsvermögen» прусской редакціи и «faculté d'agir avec discernement» французской; нельзя не сознаться, что редакція проекта лучше французско-прусскихъ терминовъ. Прусское «Unterscheidungsvermögen» возбуждало серьезныя недоумѣнія; очевидно, оно не тождественно съ «Zurechnungsunfähigkeit» (невмѣняемостью) въ смыслѣ прускаго права (а также сѣверо-германскаго уложенія), которое обнимаетъ лишь психическія аномаліи и исключеніе свободы выбора дѣйствій посредствомъ насилія и угрозъ³⁵); лицо въ этомъ смыслѣ можетъ быть вмѣняемо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ не обладать «распознавательною способностью», хотя, наоборотъ, отсут-

³⁵) Ин. мн. Ранне в. с.; неосновательность его утвержденій вполне прозрачна: Unterscheidungsvermögen по большей мѣрѣ есть способность распознавать юридическое и нравственное свойство дѣйствія; вмѣняемость, кромѣ того, обнимаетъ способы обдумывать послѣдствія (т. е. соображать средства съ цѣлью) и способность дѣйствовать согласно опредѣленіямъ разума, энергіи воли. Замѣтимъ кетати, что этотъ послѣдній элементъ весьма важенъ; лица, необладающія энергіею воли, хотя и сознающія свойство предпринимаемаго дѣйствія, собственно говоря должны быть помѣщаемы не въ тюрьмахъ—за что же ихъ наказывать, если они не могли поступать иначе, чѣмъ поступили?—а въ пріюты; вотъ почему нельзя одобрить редакціи тѣхъ кодексовъ, которые, какъ напр. нашъ Уст. Угол. Суд. ст. 759, начало уголовной ответственности ставятъ въ зависимость отъ способности распознавать свойство дѣйствія (или только отъ способности предвидѣть его послѣдствія?), а не отъ энергіи воли. Ср. Гейнце, в. с., стр. 212.

ствіе вмѣняемости обусловливаетъ и отсутствія распознавательной способности.

Прусское уложение не опредѣляетъ даже, распознаванія чего требуетъ законъ для наказуемости: быть можетъ дѣло идетъ о знаніи того, что совершаемое дѣйствіе противорѣчитъ законамъ нравственнымъ и облагается наказаніемъ, но кодексъ не содержитъ опредѣлительнаго опроверженія и того взгляда, по которому здѣсь можно ограничиться требованіемъ способности распознаванія фактической стороны дѣйствія—его вредныхъ послѣдствій и проч.; редакция уложения, устраняя это послѣднее мнѣніе, конечно лучше прусской.

Затѣмъ уложение въ ряду условій ненаказуемости приводитъ насилие и угрозы, исключаящія свободное волеопредѣленіе, необходимую оборону и состояніе крайней необходимости; послѣднее, какъ извѣстно, не было упомянуто въ прусскомъ уложеніи, оттого прусская практика, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, стала примѣнять къ нему постановленія о насиліи. Сѣверо-германское уложение поступило иначе и придало ей слѣдующее построеніе: состояніе необходимости влечетъ безнаказанность только тогда, когда оно произошло не по винѣ подсудимаго (unverschuldete Nothstand) и угрожало неотвратимою иными способами наличною опасностью для жизни и здоровья дѣятеля или его ближнихъ, подъ которыми проектъ понимаетъ родственниковъ восходящей и нисходящей линіи, усыновителей и усыновленныхъ, воспитателей и ихъ воспитанниковъ, супруговъ, двоюродныхъ и ихъ супруговъ и, наконецъ, жениха и невесту. Ограниченіе необходимости жизнью и здоровьемъ встрѣтило порицаніе въ литературѣ; такъ, Габерлинъ, маститый криминалистъ Германіи, основательно предлагаетъ расширить ненаказуемость и на нарушенія имущественныхъ правъ для огражденія своего имущества; здѣсь, очевидно, могутъ имѣть мѣсто лишь начала гражданскаго права о вознагражденіи за вредъ и убытки. Глухонѣмота, при которой виновный не могъ приобрести достаточныхъ свѣдѣній о преступности совершеннаго дѣйствія, влечетъ безнаказанность.

Фактическія обстоятельства, относительно которых виновный находился въ невѣдѣніи, признаются какъ бы несуществующими; но къ неосторожнымъ ³⁶⁾ преступленіямъ это начало примѣняется лишь тогда, когда ошибка или невѣдѣніе этихъ обстоятельствъ не произошли отъ виновной неосторожности.

Ученіе о давности получило въ сѣверо-германскомъ уложеніи нѣсколько иное развитіе, чѣмъ въ прусскомъ кодексѣ; такъ, независимо отъ сокращенія сроковъ давности преслѣдованія (максимумъ ихъ съ 30 лѣтъ пониженъ до 20), уложеніе вводитъ давность наказанія, назначая здѣсь болѣе продолжительные сроки. Условія перерыва давности таковы: давность преслѣдованія, начинаясь съ совершенія наказуемаго дѣйствія (независимо отъ наступленія противозаконныхъ послѣдствій), прерывается всякимъ дѣйствіемъ прокуратуры и суда, непосредственно направленнымъ противъ виновника преступленія по отношенію къ совершенному имъ дѣйствію; давность наказанія, начинаясь со дня постановленія приговора, прерывается задержаніемъ осужденнаго или дѣйствіями прокуратуры и суда, направленными на исполненіе наказанія; съ момента перерыва исполненія наказанія начинается новая давность. Извѣстно, что русское право возбуждаетъ весьма серьезныя недоразумѣнія по этому вопросу; Уложеніе о наказ. (ст. 158) для преступленій публичныхъ моментомъ начала давностнаго срока ставитъ обнаруженіе виновнаго; не говоря уже о спорности того, когда должно признавать въ наличности это послѣднее ³⁷⁾, ни приведенная статья, ни ст. 24 Уст. Угол. Суд. не содержатъ ни малѣйшаго намека на перерывъ давности; придерживаясь же точнаго

³⁶⁾ Этого ограниченія въ 1-мъ проектѣ не было, необходимость его указалъ Heinze, в. с., стр. 217.

³⁷⁾ Одни, какъ извѣстно, видятъ его въ принятіи противъ подозреваемаго мѣры пресѣченія, другіе—въ постановленіи обвинительнаго судебного приговора, третьи—въ каждомъ дѣйствіи не только судебно-полицейскихъ органовъ, но и частныхъ лицъ, обращающихся къ власти (жалобы, доносы и проч.), указывающемъ на виновнаго.

смысла закона, приходится придти къ неутѣшительному выводу, что наше право не знаетъ не только давности наказанія, но и давности процессуальной, придаетъ весьма ограниченное значеніе; какъ только виновный былъ «обнаруженъ», — сотня лѣтъ забвенія и доброй жизни не спасутъ его отъ наказанія. Дѣлу можно помочь лишь, толкуя: «обнаруженіе виновнаго» въ смыслѣ постановленія обвинительнаго приговора судомъ; но это толкованіе весьма шатко; принявши его, мы должны будемъ оставлять безъ наказанія напр. убійцу, который, будучи подвергнутъ мѣрѣ пресѣченія черезъ годъ послѣ совершенія преступленія, успѣлъ убѣжать изъ тюрьмы, скитался лѣтъ пять, затѣмъ снова задержанъ, но производство слѣдствія затянулось — какъ это у насъ нерѣдко дѣлается — на три года, а обрядъ преданія суду и приготовительныхъ къ суду распоряженій до дня слушанія дѣла занялъ еще одинъ годъ; хотя бы въ первый день одиннадцатаго года со дня совершенія преступленія присяжные признали его виновнымъ, судъ, принявъ такое толкованіе, долженъ освободить его отъ наказанія: вѣдь виновный не былъ обнаруженъ въ теченіе полныхъ 10 лѣтъ! Что же будетъ съ дѣлами, для которыхъ установлена пятилѣтняя давность?

Изъ легальныхъ обстоятельствъ въ общей своей части, уложеніе указываетъ лишь возрастъ и предварительный арестъ. Лица между 12—18 годами, признанныя дѣйствовавшими съ сознаниемъ преступности дѣйствія, не подвергаются ни смертной казни, ни рабочему дому, ни лишенію правъ чести; смертная казнь и пожизненный рабочій домъ замѣняются для нихъ тюрьмой отъ 3 до 15 лѣтъ, другія наказанія смягчаются такъ, что минимумъ остается нормальнымъ, но максимумъ не можетъ превышать половины нормальнаго максимум'а; срочный рабочій домъ уступаетъ мѣсто тюрьмѣ. Вопросъ о зачетѣ подслѣдственнаго ареста въ наказаніе зародился въ недавнее время; французскій кодексъ о немъ молчитъ совершенно, прусское и итальянское законодательства слѣдуютъ той же системѣ; другіе кодексы Германіи выбираютъ двойной путь: одни ставятъ разрѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ усмотрѣнія

суда (саксонскій 1868, тюринг. 1849, альтенбургскій 1841, виртембергскій 1839, австр. 1852), другіе обязываютъ судъ считать предварительный арестъ въ наказаніе (брауншвейгскій 1840, гессенскій 1841, ольденбург. 1858, баденскій 1845—1851, баварскій 1861, гамбургскій 1869; къ этому же направленію примкнули датскій 1866 и бельгійскій 1867), но за исключеніемъ послѣдняго въ приведенные кодексы непрѣмнымъ условіемъ зачета ареста въ наказаніе ставятъ требованіе, чтобъ предварительный арестъ или его продолжительность не произошли по винѣ подсудимаго, чтобъ арестъ былъ unverschuldeter; но когда слѣдуетъ признавать verschuldete и когда unverschuldete Haft?—кодексы или обходили этотъ вопросъ молчаніемъ, или отвѣчали на него различно. Такъ, саксонскій признавалъ unverschuldete Haft—когда она назначена была безъ достаточныхъ основаній или затянулась не по винѣ осужденнаго, т. е. не вслѣдствіе его заперательства, ложныхъ показаній и пр.; Гейнце, въ своей превосходной брошюрѣ «das Recht der Untersuchungshaft» 1865, справедливо порицаетъ это постановленіе: прошло то время, говоритъ онъ, когда подсудимыхъ наказывали за заперательство и ложныя показанія на слѣдствіи³⁸⁾; продолжать слѣдственную тюрьму за заперательство значить снова возвращаться къ Ungehorsamsstraf'amъ. Болѣе либерально смотритъ на этотъ вопросъ баварское право, которое, по закону 1868 года 16-го мая, категорически, признаетъ unverschuldete Haft съ момента процессуальнаго установленія тѣхъ обстоятельствъ, на которыхъ построенъ окончательный приговоръ: правда,

³⁸⁾ Уничтоживъ пытку, Германія вскорѣ ввела такъ назыв. Ungehorsamsstrafen, которыя «съ успѣхомъ» ее замѣнили: арестанта за заперательство и ложныя показанія свѣли, запирали въ темный подвалъ на хлѣбъ и на воду и пр.; во время исполненія этихъ наказаній съ него допросы не снимали и слѣдователямъ даже запрещалось обращать вниманіе на тѣ показанія, которыя онъ давалъ при этомъ по своей волѣ; но послѣ наказанія его допрашивали, при заперательствѣ снова свѣли и т. д. Этотъ порядокъ былъ хуже пытки: тамъ, по крайней мѣрѣ, вели дѣло на чистоту. См. о немъ у Маттермайера—«das deutsche Strafverfahren».

и его редакция не устраняетъ прямо указаннаго значенія заирательства, но заслуга ея состоитъ въ легальномъ указаніи того пункта, за которымъ предварительный арестъ признается лишь печальною необходимостью, по мѣрѣ силъ вознаграждаемому закономъ. Для оцѣнки § 58 проекта, тракующаго о вліяніи предварительнаго ареста на наказаніе, мы считаемъ не лишнимъ въ короткихъ чертахъ обозначить отношеніе науки къ этому вопросу.

Корень его разрѣшенія лежитъ въ существѣ слѣдственной тюрьмы. Она примѣняется не въ силу права: о правѣ слѣдственной тюрьмы не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ лишать человѣка свободы въ государствѣ благоустроенномъ можетъ быть предоставлено только судебному приговору; мало того, она не можетъ привести въ свое оправданіе и наличность подозрѣнія противъ даннаго лица, такъ какъ слѣдствіе еще собираетъ тотъ матеріалъ, который устанавливаетъ подозрѣніе. Чѣмъ же можно объяснить, если не вполнѣ оправдать ее?—Только фактической необходимостью, справедливо замѣчаютъ Эли; лишите слѣдствіе права примѣнять ее—и во многихъ случаяхъ оно будетъ вполнѣ лишено возможности дѣйствовать. Здѣсь, такимъ образомъ, сталкиваются два интереса: интересъ общества съ интересомъ индивида; тотъ и другой имѣютъ равные шансы на признаніе: одинъ нарушается другимъ въ силу состоянія необходимости. Пусть будетъ такъ, но не забывайте, что нарушеніе чужаго права для охраненія своего интереса по меньшей мѣрѣ основываетъ права на гражданское удовлетвореніе; исключеніе изъ этого правила можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда тюрьма была примѣнена по волѣ задержаннаго, высказанной прямо или косвенно. Представьте себѣ напр., что къ слѣдователю является субъектъ, взводящій на себя тяжкое преступленіе; онъ упорно стоитъ на своемъ заявленіи, несмотря на то, что оно не подтверждается и даетъ въ подкрѣпленіе его показанія, которыя постепенно опровергаются. Между тѣмъ, въ это время онъ сидитъ въ тюрьмѣ; признаете ли вы за нимъ право на гражданское вознагражденіе? Очевидно, нѣтъ: *volenti non fit injuria*. Иначе ставится вопросъ, когда воля задержаннаго была ни при чемъ, по-

ложимъ, онъ запирается, вѣдаетъ ложныя показанія: но развѣ существуетъ юридическая и нравственная обязанность показывать во вредъ себѣ? Правда, намекъ на нее даже до настоящаго времени остался въ Уложеніи о наказ. (ст. 705), но и здѣсь оно рѣзко дисгармонируетъ съ другими началами его, такъ что указанная статья представляетъ лишь лоскутокъ давно минувшаго времени, оставшійся въ Уложеніи по недосмотру редакторовъ. — А если такъ, то право на вознагражденіе должно быть признано какъ за оправданнымъ, такъ и за осужденнымъ: первый оправданъ, значитъ арестъ былъ примѣненъ къ нему неправильно, значитъ зло, которое причинено имъ, должно быть вознаграждено тѣмъ, для чьей пользы примѣнялся арестъ (государство); второй осужденъ, значитъ къ нему будетъ примѣнено наказаніе за его дѣйствіе, значитъ зло ареста принесло пользу государственному правосудію, ergo — за него потерпѣвшій также долженъ быть вознагражденъ тѣмъ, въ виду чьихъ интересовъ оно примѣнялось. Изъ приведенныхъ соображеній, думаемъ, очевидно, что задержанный имѣетъ право на удовлетвореніе: праву же должна соответствовать обязанность, слѣд., наиболее рациональное и справедливое построеніе кодекса получаетъ тогда, когда не только представляетъ усмотрѣнію суда, но обязываетъ его удовлетворить за арестованнаго; таковъ, напр., бельгійскій кодексъ 1867, датскій 1866 и многіе нѣмецкіе, указанные выше; исключеніе можетъ быть сдѣлано для немногихъ случаевъ, которые должны быть точно обозначены закономъ и въ которыхъ вознагражденіе будетъ постановлено въ зависимость отъ усмотрѣнія суда. Но способъ вознагражденія въ томъ и другомъ случаѣ, конечно, можетъ быть неодинаковъ: оправданному, по его желанію, должно быть предоставлено право на матеріальное вознагражденіе³⁹⁾ или на обнародо-

³⁹⁾ Многія законодательства XVIII и начала XIX вѣка признавали это право, но дѣлали ту важную ошибку, что, возлагая обязанность матеріальнаго вознагражденія на слѣдственныхъ чиновниковъ, они забывали, что предварительный арестъ примѣняется въ видахъ государственной пользы и

ваніе документовъ, доказывающихъ его невинность; осужденному удобнѣ всего можетъ быть сдѣланъ зачетъ слѣдственной тюрьмы въ наказаніе.

Есть въ германской литературѣ и противники этого мнѣнія, возраженій которыхъ мы не можемъ обойти молчаніемъ; мы говоримъ о Зонтагъ⁴⁰⁾; слѣдственная и карательная тюрьма, говоритъ онъ, имѣютъ генерическое различіе: это величины несоизмѣримыя. Зачетъ слѣдственной тюрьмы въ наказаніе, противорѣча выставленному началу, весьма опасенъ для уголовного правосудія: въ виду его слѣдователи будутъ небрежно относиться къ индивидуальной свободѣ, рассчитывая на то, что задержанный будетъ въ послѣдствіи вознагражденъ государствомъ; гарантію же обвиняемыхъ онъ видитъ исключительно въ рациональныхъ постановленіяхъ уставовъ судопроизводства объ условіяхъ и основаніяхъ примѣненія мѣръ пресѣченія. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что послѣднія имѣютъ здѣсь весьма важное значеніе, но полагаются на нихъ исключительно не позволяютъ ни юридическія, ни уголовно-политическія соображенія. Мы уже видѣли, что арестъ рождаетъ право заарестованнаго на удовлетвореніе, которому соответствуетъ обязанность на сторонѣ государства; это положеніе имѣетъ первенствующее значеніе. Вопросъ о способѣ вознагражденія есть уже вопросъ второстепенный: выступать-ли здѣсь деньги или зачетъ—зависитъ отъ возможности и удобства. Зачетъ слѣдственной тюрьмы въ наказаніе совершенно не отрицаетъ генерическаго

ставили, слѣд., чиновниковъ въ безвыходное положеніе; вѣрно взглянулъ на это впервые проектъ (французскаго) угол. уложенія Дюпорта, предлагавшій создать особую кассу для вознагражденія оправданныхъ; его предложеніе не вошло въ Code pénal. См. Bonneville de Marsangy de l'amélioration dans les lois pénales, и Heinze: das Recht der Untersuchungshaft.

⁴⁰⁾ См. его «die Entlassung gegen Caution», 1865, превосходный сборникъ историческаго, догматическаго и теоритическаго матеріала по этому вопросу съ его критическою оцѣнкою,—и «drei Bemerkungen zu den Entwurf eines Strafgesetzbuches für den Norddeutschen Bund», помѣщенный въ янв. книжкѣ 1870 года архива прусскаго угол. права Гольдammera.

различія мѣръ пресѣченія отъ мѣръ наказанія: онъ показываетъ лишь, что законодатель признаетъ его согласнымъ съ интересами осужденнаго. Мало того, съ точки зрѣнія осужденнаго, предварительный арестъ и карательная тюрьма не представляютъ рѣзкаго различія: та и другая есть для него зло, вредъ, а вредъ соизмѣримъ вредомъ. Это одна сторона вопроса; взглянемъ на другую.

Зонтагъ боится неосмотрительныхъ арестовъ со стороны слѣдственныхъ чиновниковъ, которые будутъ успокоивать себя мыслью, что заарестованный получитъ удовлетвореніе; это опасеніе станетъ напраснымъ, если принципъ удовлетворенія будетъ признанъ въ полномъ объемѣ: тамъ, гдѣ можетъ пострадать казенное имущество, государственная власть ревниво слѣдитъ за каждымъ шагомъ своихъ чиновниковъ; самъ Зонтагъ признаетъ это, но полумѣра его пугаетъ. Нельзя не сознаться, что на его сторонѣ есть доля правды — частичное проведеніе любаго принципа можетъ исказить его такъ, что, вмѣсто ожидаемой пользы, отъ него получится только вредъ; и мы вмѣстѣ съ Зонтагомъ и Гейнце видимъ полное охраненіе юридическаго порядка и индивидуальной свободы лишь въ полномъ проведеніи начала удовлетворенія. Но въ виду того нежеланія, съ которымъ относятся къ нему государства, въ виду трудности провести его вполнѣ, не отказываясь отъ надежды достигъ этого въ будущемъ, соглашаемся и на полумѣру. Зонтагъ боится того, что слѣдственные чиновники будутъ успокоиваться мыслью о вознагражденіи заарестованнаго; этотъ мотивъ опасенія весьма важенъ: не злонамѣренность, а чувство самоуспокоенія пугаетъ его; онъ не отказывается видѣть въ слѣдователѣ не только друга порядка, но и свободы; припомнимъ-же, что слѣдователь всегда долженъ имѣть въ виду не только осужденіе, но и оправданіе заарестованнаго имъ: въ виду этой дилеммы, другъ свободы не можетъ съ спокойною совѣстью затягивать предварительный арестъ. Но положимъ даже, что извѣстный процентъ слѣдователей служитъ исключительно интересамъ порядка, отъ нихъ (предполагая, конечно, что они разумно понимаютъ свою задачу) также нельзя ожидать намѣреннаго затягиванія слѣдственной тюрьмы: чѣмъ менѣе про-

межутокъ между совершеніемъ преступленія и судебнымъ засѣданіемъ, тѣмъ вѣроятнѣе осужденіе. Мы позволяемъ себѣ высказать даже, что слишкомъ короткіе промежутки по дѣламъ, возбуждающимъ общественное негодованіе, опасны для правосудія: они ведутъ къ порядкамъ закона Линча. Пока не остыль жаръ ужаса и гнѣва, пока ихъ мѣсто не заняло спокойствіе—правосудіе всегда будетъ прихрамывать; конечно, и черепаший ходъ правосудія имѣетъ весьма грустныя стороны, но разумной опытности суда слѣдуетъ предоставить избѣгать обѣ эти крайности; мы желали только сказать, что не въ интересѣ слѣдователей—друзей порядка—затягивать предварительный арестъ.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, перейдемъ къ сѣверогерманскому уложенію. Оно останавливается на полумѣрѣ, признавая лишь зачетъ слѣдственной тюрьмы въ наказаніе: оправданные должны довольствоваться тѣмъ, что ихъ освободили. Но и въ этихъ тѣсныхъ границахъ уложеніе нерѣшительно: зачетъ предварительнаго ареста оно ставитъ въ зависимость отъ усмотрѣнія суда, не возлагая на него никакой обязанности. Это положеніе, какъ мы старались показать выше, оправдать нельзя: оно игнорируетъ существо слѣдственной тюрьмы, вида въ ней право государственной власти; на самомъ дѣлѣ такого права нѣтъ, есть одна необходимость. Условія, чтобы предварительное задержаніе было *unverschuldete*—уложеніе не содержитъ; Гейнце справедливо видитъ въ этомъ шагъ впередъ⁴¹⁾. Но нельзя не замѣтить, что есть кодексы, которые пошли еще дальше: таково вышеуказанное бельгійское уложеніе 1867 года, которое обязываетъ судъ зачитать въ наказаніе «*toute détention subie avant que la condamnation soit devenue irrévocable*».

Наконецъ, значеніе обстоятельства, устраняющаго наказуемость—впрочемъ въ нѣкоторыхъ только преступленіяхъ—уложеніе признаетъ за проявившимся въ дѣятель *раскаяннемо*, въ силу кото-

⁴¹⁾ См. *Erörterungen*, 217.

раго онъ своевременно возстановилъ, нарушенныя отношенія въ ихъ прежнемъ видѣ. Это начало въ высшей степени рационально, отвѣчая требованіямъ уголовной политики. Жаль только, что оно получило слишкомъ тѣсное примѣненіе, имѣя мѣсто лишь въ совершившемся (а не только при простомъ покушеніи) ложномъ доносѣ (§ 163) и въ поджогѣ (§ 310); очевидно, что съ равнымъ правомъ его можно признать въ подлогѣ, враждѣ, мошенничествѣ и другихъ проступкахъ.

V.

Наказуемая дѣйствія въ отдѣльности.

Переходимъ теперь къ постановленіямъ особой части, которыя отмѣтимъ въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ какъ потому, что въ «Судебномъ Журналѣ» предлагается переводъ сѣверо-германскаго уложенія, такъ и потому, что подробное разсмотрѣніе ихъ не можетъ быть предметомъ журнальной замѣтки.

Она дѣлится на 29 раздѣловъ: первые 28 трактуютъ о преступленіяхъ и проступкахъ, послѣдній—о полицейскихъ нарушеніяхъ. Взаимное соотношеніе ихъ нѣсколько измѣнено въ сравненіи съ прусскимъ уложеніемъ. Последнее, какъ извѣстно, моментомъ разграниченія ихъ ставить исключительно тяжесть наказанія, опредѣляемаго независимо отъ условій систематическаго изложенія. Оно шло такимъ путемъ: назначивъ наказанія за всѣ дѣйствія, оно, по тяжести наказаній, разбивало ихъ на отдѣлы (преступленія, проступки и полицейскія нарушенія); внутреннее родство дѣйствій совершенно игнорировалось; другими словами, «для исполненія желаній рейнскихъ провинцій» оно буквально переписывало французскій кодексъ съ самыми незначительными отступленіями. Сѣверо-германское уложеніе пошло нѣсколько иной дорогой: выпущенный прусскимъ кодексомъ, моментъ родства наказуемыхъ дѣйствій получилъ въ немъ болѣе-полное примѣненіе. Оттого оно не повторяетъ

капитальной ошибки французско-пруссакаго права⁴²⁾, которое незначительныя словесныя обиды ставитъ въ ряду полицейскихъ нарушеній, генерически отличая отъ нихъ обиды дѣйствиємъ. Сѣверо-германское уложеніе, повысивъ наказаніе за словесныя обиды, поставило ихъ вмѣстѣ съ обидами дѣйствиємъ и клеветою— какъ частныхъ, такъ и должностныхъ лицъ и учреждений— въ одну рубрику «оскорбленій чести». Но нельзя сказать, что и въ уложеніи между преступленіями и проступками съ одной и полицейскими нарушеніями съ другой стороны существуетъ строгое матеріальное различіе: укажемъ №№ 5—6 § 370, которые относятся къ послѣднимъ кражу съѣстныхъ припасовъ для непосредственнаго удовлетворенія и кражу корма для животнаго хозяина. Выше мы замѣтили, что мотивомъ выдѣленія ихъ въ область нарушеній было желаніе, чтобъ къ нимъ не примѣнялись строгія постановленія о рецидивѣ при кражѣ.

Первый раздѣлъ уложенія предусматриваетъ предумышленное убійство и покушеніе на предумышленное убійство представителя союза и союзнаго государя, своего или того, въ области котораго совершено преступленіе; здѣсь положена смертная казнь. Другія преступленія противъ личности государя, верховная измѣна противъ сѣверо-германскаго союза или союзнаго государства, все равно, совершено ли преступленіе въ пользу чуждаго или сѣверо-германскаго государства⁴³⁾, наказываются пожизненнымъ рабочимъ домомъ или заключеніемъ въ крѣпости съ правомъ суда признавать смягчающія обстоятельства. Сюда же отошло возбужденіе возстанія въ войскахъ союза или союзныхъ (не сѣверогер.) державъ, разглашеніе государственныхъ тайнъ, уничтоженіе и похищеніе

⁴²⁾ Code pénal art. 471, №№ 9, 10 и 11; объемъ этихъ дѣствій по опредѣленію французской практики и теоріи см. у Rolland de Villargue, les codes criminelles interprétés, Paris, 1869, стр. 807—809. Прусское уложеніе 1851, § 340 № 5, §§ 343, 346 №№ 1 и 3, 347 № 11, 349 № 3. О нихъ см. Oppenhoff'a, das Strafgesetzbuch für die preussische Staaten, подъ указанными ст. и №№.

⁴³⁾ Первый проектъ обходилъ это молчаніемъ.

государственных документов, должествующих служить доказательствомъ правъ союза или союзнаго государства на что либо требуемое отъ другаго государства. Наказуемость—срочное лишение свободы. Покушеніе въ техническомъ смыслѣ, т. е. дѣйствіе, которое должно непосредственно привести къ исполненію, карается наравнѣ съ совершеніемъ, приготовленіе же—срочнымъ смирительнымъ до-
момъ; голый умыселъ, конечно, не наказывается.

Второй и третій раздѣлы говорятъ объ оскорбленіи величества союзныхъ государей: въ первомъ проектѣ предполагалось вовсе не дѣлать различія въ наказуемости оскорбленій своего государя или того, въ чьей территоріи находится виновный, и другихъ монарховъ сѣверо-герм. союза; но второй проектъ нашелъ необходимымъ провести это разграни-
ченіе; и въ немъ, однако, осталась часть ошибки перваго проекта: преслѣдованіе оскорбленій величества не своего, но союзнаго монарха, онъ возлагаетъ на судъ *ex officio*, не ожидая жалобы потерпѣвшаго. Уложеніе, принявъ его взгляды, исправляетъ эту ошибку. Оскорбленіе величества проектъ понимаетъ иначе, чѣмъ напр. русское право; въ область его онъ относитъ не только словесныя обиды, но и обиды дѣйствиельныя и по наказуемости отличаетъ оскорбленіе монарха отъ обидъ членовъ его семейства; въ этомъ преступленіи онъ допускаетъ не только смягчающія обстоятельства, но и параллельное наказаніе—заключеніе въ крѣпости вмѣсто рабочаго дома.

Четвертый раздѣлъ караетъ дѣйствія противъ дружественныхъ иноземныхъ государствъ: измѣну верховную и земскую и оскорбленіе величества; русское право, какъ извѣстно, молчитъ объ оскорбленіи иностраннаго величества (260); здѣсь же содержатся постановленія объ оскорбленіи иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ. Во
всѣхъ указанныхъ случаяхъ, преслѣдованіе необходимо обуславливается предъявленіемъ обвиненія со стороны потерпѣвшаго государства.

Пятый раздѣлъ трактуетъ о нарушеніи отношеній, съ которыми, должно думать, и Россія скоро будетъ знакома не только по книгамъ: мы говоримъ о политическихъ правахъ

конституціоннаго государства, которымъ соотвѣтствуетъ нарушение неприкосновенности засѣданій политическихъ учреждений, ненарушимость политическихъ правъ выбора и достовѣрности его, наконецъ, покупка или продажа избирательныхъ голосовъ (*ambitus*; такъ назыв. *venditio fumi*, однако, не составляетъ наказуемаго дѣйствія). Здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, положены строгія наказанія — рабочій домъ или тюрьма.

Раздѣлъ шестой предусматриваетъ «сопротивленіе государственной власти»: публичное возбужденіе къ неповиновенію власти или къ совершенію наказуемыхъ дѣйствій, сопротивленіе съ насиліемъ или угрозами органамъ власти или лицамъ, которымъ даны въ помощь чиновникамъ; возстаніе, возмущеніе и освобожденіе арестантовъ изъ заключенія; самоосвобожденіе арестантовъ карается лишь въ томъ случаѣ, когда оно произведено совокупными ихъ силами, съ оказаніемъ сопротивленія тюремному начальству или стражѣ.

Родственные имъ преступленія составляютъ предметъ седьмаго раздѣла: «преступленія и проступки противъ публичнаго порядка»; сюда отнесены: нарушенія домашняго мира; публичное насиліе единичными или совокупными силами противъ личности или чужаго имущества (*crimen vis publicum*); собраніе незаконной сходки или снабженіе ея оружіемъ; нарушеніе общественнаго спокойствія угрозами совершить общеопасное преступленіе; участіе въ обществахъ, которыхъ существованіе, устройство или цѣль должны быть скрываемы отъ правительства или члены которыхъ обязаны повиноваться неизвѣстнымъ начальникамъ, или хотя и извѣстнымъ, но безпрекословно; возбужденіе одного класса населенія противъ другаго, хотя бы и не путемъ печати; распространеніе вымышленныхъ или искаженныхъ фактовъ для возбужденія презрѣнія къ власти и ея органамъ; присвоеніе, истребленіе публичныхъ документовъ и знаковъ авторитета власти (гербы, памятники и проч.); истребленіе или похищеніе секвестрованныхъ и арестованныхъ въ власть предметовъ; вышеуказанные виды недонесенія; самоизувѣченіе и обманы для избѣжанія повинности; представленіе ложныхъ фактовъ въ извиненіе своей неявки въ качествѣ присяжнаго, свидѣтеля

или эксперта; промыселъ выселенія сѣверо-германцевъ изъ территории союза и — неизвѣстно почему попавшія сюда, а не въ рубрику полицейскихъ нарушеній — неисполненіе распоряженій, данныхъ въ видахъ предупрежденія столкновенія судовъ на водахъ. Наибольше строгая кара во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ — тюрьма, за исключеніемъ коноводовъ народныхъ сходбищъ, употреблявшихъ насилие, которые, при отсутствіи смягчающихъ обстоятельствъ, караются смирительнымъ домомъ.

Восьмой раздѣлъ посвященъ поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ, имѣющихъ ходъ въ торговомъ обращеніи.

Девятый жеприясгѣ, которая, по закону, сопровождается лишеніемъ правъ чести и права быть свидѣтелемъ или давать показанія передъ судомъ въ качествѣ свѣдущаго лица, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда показаніе правды могло вредить самому свидѣтелю или когда онъ далъ ложное показаніе въ пользу лица, относительно котораго онъ по закону могъ не давать показаній, но не зналъ объ этомъ. Наказуемость вовсе отпадаетъ, если виновный заявилъ о лживости своего показанія чиновнику, который отбиралъ его, прежде чѣмъ противъ него было возбуждено преслѣдованіе или произошелъ какой либо вредъ (Rechtsnachtheil) отъ его дѣйствій.

Постановленія о завѣдомо ложномъ предьявленіи обвиненія и доносѣ выдѣлены изъ жеприясги и ложныхъ показаній въ особый десятый раздѣлъ; лишеніе правъ чести здѣсь обязательно для суда, но онъ можетъ примѣнять его по своему усмотрѣнію.

Раздѣлъ одиннадцатый — «о религіозныхъ преступленіяхъ» — охраняетъ всѣ христіанскія церкви и религіозныя общества, пользующіяся корпоративными правами въ предѣлахъ сѣверо-германскаго союза; оскорбленія предметовъ ихъ культа, ученія, учреждений или обычаевъ, безстыдныя дѣйствія и нарушеніе спокойствія въ мѣстахъ богослуженія и принужденіе лица примкнуть или отстать отъ ученія данной церкви, — караются тюрьмой до 3 лѣтъ. Въ этомъ же раздѣлѣ нашли себѣ мѣсто оскорбленія памяти умершихъ посредствомъ

клеветы, противозаконныя изыятія труповъ изъ гробницъ, поврежденіе или истребленіе послѣднихъ и безстыдныя дѣйствія надъ ними; наказуемость — тюрьма до 2 лѣтъ; оскорбленіе памяти естѣ преступленіе частное, караемое не иначе, какъ по жалобѣ родителей, дѣтей или супруговъ умершаго.

Раздѣлъ двѣнадцатый — «преступленія относительно состоянія лица» — предусматриваетъ только подмѣнъ дѣтей и вступленіе обманомъ въ бракъ, который можетъ быть признакъ недействительнымъ, если этого пожелаетъ обманувшій; въ послѣднемъ случаѣ преслѣдованіе обусловливается жалобой обманутой стороны.

Въ ряду «преступленій противъ нравственности», составляющихъ предметъ тринадцатаго раздѣла, предусмотрѣны: многобрачіе; прелюбодѣяніе, какъ частное преступленіе; кровосмѣшеніе; безнравственныя дѣйствія сластолюбиваго свойства (*Unzüchtige Handlungen*) опекуновъ, врачей и чиновниковъ съ лицами, ввѣренными ихъ попеченію или зависящими отъ нихъ; совокупленіе съ непорочной дѣвушкой моложе 16 лѣтъ; изнасилованіе женщинъ или совокупленіе съ женщинами, находящимися въ безсознательномъ состояніи, и безнравственныя дѣйствія надъ лицами моложе 14 лѣтъ. Любопытны здѣсь постановленія о содоміи: простое мужеложство надъ лицами женскаго пола не наказывается, насильственное же, при тѣхъ же условіяхъ, карается смирительнымъ домомъ до 10 лѣтъ; простое мужеложство съ мужчиной или животнымъ наказывается тюрьмой, насильственное — тоже тюрьмой⁴¹⁾; что же касается, наконецъ, сводничества, то указанный первымъ проектомъ составъ его справедливо встрѣтилъ порицаніе германскихъ юристовъ. Какъ сводничество, онъ наказываетъ «всякое содѣйствованіе непотребству» изъ «корыстныхъ мотивовъ», такъ что лицо, за $1\frac{1}{2}$ зильбергроша указавшее публичный домъ, могло быть наказано тюрьмой до 5 лѣтъ,

⁴¹⁾ См. вышеуказанную статью Зонтага въ январской книжкѣ 1870 г. Архива прусск. угол. права, стр. 25 и слѣд.

съ правомъ суда назначить здѣсь и лишеніе чести; вотъ почему второй (пересмотрѣнный) проектъ, къ которому примкнуло и уложеніе, удерживая моментъ промышленности или корыстнаго мотива, ограничило сводничество содѣйствіемъ «посредствомъ доставленія удобнаго случая къ неpotребству».

Четырнадцатый раздѣлъ содержитъ постановленія объ оскорбленіи чести частныхъ лицъ; мы уже видѣли, что проектъ отказался отъ искусственнаго прусскаго взгляда на обиду; всѣ оскорбленія чести составляютъ преступленія частныя; начала о взаимности и зачетѣ обидъ взяты изъ прусскаго уложенія; особенность въ наказаніи состоитъ въ томъ, что оклеветанный, сверхъ личнаго взысканія, можетъ просить о присужденіи въ его пользу до 1,000 талеровъ за убытки, которые могли произойти отъ клеветы.

Дуэль, предусмотрѣнная пятнадцатымъ раздѣломъ уложенія, разсматривается какъ особое преступленіе только въ томъ случаѣ, когда ни одна изъ сторонъ не выступила умышленно изъ условленныхъ правилъ поединка. Назначая при этомъ нормальныя наказанія за тѣлесныя поврежденія или убійство, уложеніе ограничивается наименѣ позорнымъ наказаніемъ — заключеніемъ въ крѣпости, когда такого отступленія не было; увеличивающими обстоятельствами признаются — смерть одной изъ сторонъ и отсутствіе секундантовъ; передатчики предложеній, когда они старались воспрепятствовать исполненію поединка, секунданты, свидѣтели и врачи, бывшіе при дуэли, не подвергаются наказанію.

Постановленія о преступленіяхъ противъ жизни, составляющихъ предметъ шестнадцатаго раздѣла, большею частью переписаны проектомъ изъ прусскаго уложенія; уважемъ лишь особенности его. Вопреки прусскому уложенію, проектъ выдѣляетъ убійство по соизволенію изъ обыкновеннаго вида этого преступленія; здѣсь имѣетъ мѣсто только тюрьма. Постановленія объ оставленіи безъ помощи также подверглись измѣненію; прусскій кодексъ объектами этого преступленія признаетъ лишь дѣтей до 7 лѣтъ и лицъ, беспомощныхъ вслѣдствіе физическихъ недостатковъ или болѣзни; сѣверо-германскій проектъ и уложеніе справедливо полагаютъ, что огра-

ниченіе 7 лѣтнимъ возрастомъ, не имѣеть никакого основанія; нерѣдко встрѣчаются дѣти старше 7 лѣтъ, которые безъ опасности для ихъ жизни не могутъ быть брошены на произволъ судьбы; поэтому оны измѣнили прусскую редакцію и вводятъ болѣе общую: «кто оставитъ на произволъ судьбы (aussetzt) лицо, безпомощное вслѣдствіе своего малолѣтства, физическихъ недостатковъ или болѣзни»... § 185 прусскаго уложенія, трактующій о причинной связи преступнаго дѣйствія съ лишеніемъ жизни, не воспроизведенъ сѣверо-германскимъ кодексомъ; мотивы объясняютъ, что это постановленіе съ легкой руки баварскаго кодекса 1813 года веѣми германскими уложеніями помѣшалось въ раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ жизни, между тѣмъ, какъ оно имѣеть значеніе общее для всѣхъ преступленій. Постановленіе о погребеніи лица безъ дозволенія и вѣдома власти отнесено уложеніемъ въ разрядъ полицейскихъ нарушеній. Гёберлингъ порицаетъ эту систему, но съ ней нельзя не согласиться: строгое наказаніе за указанное дѣйствіе назначалось благодаря предположенію о виновности въ болѣе тяжкомъ преступленіи, которая не могла быть доказана; подобными предположеніями старые кодексы были очень богаты, но въ наше время они окончательно признаны неумѣстными⁴⁵⁾. Наконецъ, наказанія прусскаго уложенія нѣсколько смягчены сѣверо-германскимъ; такъ, непредумышленное убійство родственника въ восходящей линіи обложено пожизненнымъ рабочимъ домомъ вмѣсто смертной казни, минимумъ наказанія за убійство по вызову убитаго съ двухлѣтней пониженъ до 6-ти мѣсячной тюрьмы и проч.

Тѣлесныя поврежденія (раздѣлъ семнадцатый) распадается на двѣ большія группы: одна — за которыя положенъ рабочий домъ — имѣють своимъ послѣдствіемъ потерю, постоянную или продолжительную, важнаго члена организма, глаза, слуха или способности рѣчи.

⁴⁵⁾ Саксонское уложеніе, какъ извѣстно, помѣщаетъ § о причинной связи въ легальномъ смыслѣ въ ряду постановленій общей части, какъ бы въ поясненіе того, что должно разумѣть подъ совершившимся преступленіемъ. См. art. 38.

увѣче или душевную болѣзнь и, наконецъ, смерть; въ группѣ болѣе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій относятся всѣ остальные, состоящія въ поврежденіи здоровья или просто въ нарушеніи тѣлесной неприкосновенности (*wer... einen Anderen körperlich misshandelt oder an der Gesundheit beschädigt*); здѣсь уложеніе почти буквально повторяетъ прусскій кодексъ; между тѣмъ, тутъ то переписываніе наименѣе умѣстно. Прусскій кодексъ, какъ извѣстно, относилъ обиды дѣйствіямъ къ тѣлеснымъ поврежденіямъ и потому могъ употреблять такую редакцію: «кто другаго толкнетъ или побьетъ, или учинитъ иное нарушеніе тѣлесной неприкосновенности или тѣлесное поврежденіе»; проектъ, какъ мы видѣли, рѣзко разошелся съ прусскимъ уложеніемъ во взглядѣ на обиду дѣйствіемъ и потому долженъ былъ позаботиться точнѣе опредѣлить составъ тѣлесныхъ поврежденій. Поврежденія второй группы караются тюрьмой до 3 лѣтъ или денежнымъ взысканіемъ до 300 талеровъ; преслѣдованіе ихъ зависитъ отъ жалобы потерпѣвшаго. Наконецъ, и при тѣлесныхъ поврежденіяхъ, какъ при клеветѣ, виновный, по требованію потерпѣвшаго, можетъ быть присужденъ къ уплатѣ въ его пользу денежной суммы до тысячи талеровъ.

Преступленія противъ свободы (восемнадцатый раздѣлъ) обнимаютъ похищеніе людей (*Menschenraub*), похищеніе женщинъ изъ сластолюбивыхъ мотивовъ, противозаконное задержаніе и заключеніе, принужденіе, угрозами и насиліемъ, къ какому либо дѣйствию или бездѣйствию и простыя угрозы преступленіемъ; здѣсь сѣверо-германскій кодексъ, въ существенныхъ чертахъ, не отстываетъ отъ прусскаго уложенія. Можно замѣтить только, что и здѣсь, какъ при оставленіи безъ помощи, онъ употребляетъ общую редакцію: «кто хитростью, насиліемъ или угрозами похититъ несовершеннолѣтняго у его родителей или попечителей для нищенства, или въ виду корыстныхъ или безнравственныхъ цѣлей» вмѣсто прусской редакціи: «кто человѣка, недостигшаго 16-ти лѣтняго возраста» и проч.

Опредѣленіе кражи (раздѣлъ девятнадцатый) переписано изъ прусскаго уложенія: сѣверо-германское уложеніе не вноситъ въ него ни

корыстнаго намѣренія, ни требованія, чтобы вещь была похищена изъ охраны (gewahrsam) управомоченнаго на нее лица; квалицированные виды обозначены очень сжато: такъ, оно не опредѣляетъ ни взлома, ни влѣзанія и проч.; мотивы замѣчаютъ, что опредѣленіе этихъ понятій есть дѣло практики, а не законодателя. Редакція постановленій объ утайкѣ въ уложеніи гораздо лучше, чѣмъ въ прусскомъ кодексѣ.

Насильственное похищеніе движимаго имущества посредствомъ разбоя и вымогательства (раздѣлъ двадцатый) ни въ чемъ, кромѣ величины наказанія, не отличается отъ прусскаго уложенія.

Двадцать первый раздѣлъ, какъ уже было замѣчено выше, кромѣ пристанодержательства, предусматриваетъ и другіе виды прикосновенности, именно доставленіе помощи дѣятелю или участнику преступленія послѣ его совершенія и, притомъ, безъ предварительнаго уговора, все равно доставляется ли эта помощь для обезпеченія виновному выгодъ его преступленія или для парализованія относительно его дѣйствія уголовного закона; здѣсь родственныя отношенія влекутъ безнаказанность; что же касается укрывательства вещей и пристанодержательства (Hellerei), то здѣсь проектъ повторяетъ узаконенія прусскаго права.

Въ опредѣленіи мошенничества (раздѣлъ двадцать второй) дополняется прусское уложеніе, находя достаточнымъ для его состава не только возбужденіе, но и поддержаніе ошибки въ обманутомъ и требуя для его состава положительный ущербъ для имущественныхъ правъ другаго лица; что же касается наказуемости, то денежный штрафъ до 1000 тал. и временное лишеніе правъ чести, вмѣсто обязанности, стали факультативнымъ правомъ суда; указаніе особенныхъ видовъ мошенничества проектъ считаетъ излишнимъ, за исключеніемъ, впрочемъ, поджога застрахованнаго имущества. Нельзя не замѣтить однако, что тѣ постановленія, которыя помѣщены подъ рубрикою «Betrug und Untreue», не обнимаютъ всѣхъ видовъ мошенничества: нѣкоторые изъ нихъ можно найти въ раздѣлѣ двадцать пятomъ «наказуемое корыстолюбіе и распространеніе чужихъ тайнъ» и

въ ряду полицейскихъ нарушеній (§ 367 п. 7). Тамъ и здѣсь важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, произведено ли оно съ корыстнымъ намѣреніемъ или безъ него. Не останавливаясь на подлогѣ и банкротствѣ, составляющихъ предметъ двадцать третьяго и двадцать четвертаго раздѣловъ — такъ какъ постановленія о нихъ отличаются отъ прусскаго права большею частью только по формѣ редакціи ⁴⁶⁾ и по той же причинѣ умалчивая о поврежденіи имущества и объ общеопасныхъ преступленіяхъ и проступкахъ (раздѣлы двадцать шестой и двадцать седьмой) — замѣтимъ относительно преступнаго корыстолюбія, что уложеніе выбросило изъ ряда преступленій лихвенные проценты, которые наказывались по прусскому праву, и помещаетъ подъ эту рубрику самыя разнообразныя дѣйствія, которыя нерѣдко ожидаешь встрѣтить въ другомъ мѣстѣ. Такъ, кромѣ § 287, предусматривающаго употребленіе чужихъ или поддѣльныхъ фабричныхъ знаковъ и клеймъ, можно указать § 300, предусматривающій разглашеніе тайнъ повѣренными, врачами, повивальными бабками и проч., и §§ 301 и 302, которые въ существенныхъ чертахъ соответствуютъ 1689 ст. Улож. о наказ. и заимствованы изъ прусскаго закона 2-го марта 1857 года о недозволенномъ открытіи кредита несовершеннолѣтнимъ.

Мы уже указали тѣ споры, которые возникли въ литературѣ по поводу внесенія въ сѣверо-германское уложеніе служебныхъ преступленій (двадцать восьмой раздѣлъ). Чрезвычайно строгія наказанія за нихъ, по примѣру прусскаго кодекса, также вызвали порицаніе со стороны Гейнце.

Наконецъ, послѣдній, двадцать девятый, раздѣлъ особенной части посвященъ «полицейскимъ нарушеніямъ». Составъ ихъ или опредѣ-

⁴⁶⁾ Мы уже замѣтили выше (§ I), что постановленія о банкротствѣ не получили окончательнаго развитія и поставлены пока въ зависимость отъ мѣстныхъ земскихъ конкурсныхъ уставовъ. Кругъ субъектовъ этого преступления сѣверо-германское уложеніе ограничиваетъ лицами торговыми, суживая нѣсколько прусское уложеніе.

ляется самимъ уложениемъ, или же опредѣленіе его предоставляется полицейскимъ узаконеніямъ отдѣльныхъ государствъ. Въ послѣднемъ случаѣ уложеніе выбираетъ такую редакцію: «за неисполненіе существующихъ постановленій по томъ-то, виновные наказываются такъ-то». Составъ полицейскихъ нарушеній, опредѣляемыхъ самимъ уложениемъ, по большей части не отличается отъ прусскаго кодекса. Есть, конечно, и нѣкоторыя отступленія; мы уже указали важнѣйшее изъ нихъ, состоящее въ томъ, что простыя обиды словомъ уложеніе помѣщаетъ въ ряду проступковъ.

Таковы въ существенныхъ чертахъ постановленія сѣверо-германскаго уложенія и измѣненія, вводимыя имъ въ область уголовного правосудія. Я не имѣлъ возможности останавливаться на разборъ каждаго § уложенія—это задача не журнальной замѣтки, а будущаго учебника сѣверо-германскаго уголовного права—и указывалъ лишь тѣ пункты, которые могутъ представить больше интереса для читающей публики. Не могу не сознаться, у меня при этомъ была и другая цѣль: изложеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ уголовного правосудія въ ихъ современномъ положеніи въ западной Европѣ я хотѣлъ напомнить о той безднѣ, которая лежитъ между нашимъ положительнымъ законодательствомъ и сознанными уже требованіями справедливости и жизни, годъ отъ году, часъ отъ часу завоевывающими себѣ все больше и больше мѣста въ западно-европейскихъ кодексахъ. Пора бы намъ серьезно вспомнить, что русское общество ждетъ отъ своего законодателя рѣшительнаго шага во многихъ вѣтвяхъ законодательства и прежде всего въ области уголовного правосудія. У насъ, страшно подумать, судья по закону можетъ и даже долженъ подвергать наказанію душевно больныхъ⁴⁷⁾, за скотоложство, несоставляющее никакого право-

---

⁴⁷⁾ Рѣшеніе касс. угол. сената (1868. № 86, по дѣлу Виноградова), признававшего невменяемость при запоѣ, постановлено на основаніи общихъ началъ уголовного права, а не постановленій нашего законодательства.

нарушенія, законъ грозитъ тяжкимъ уголовнымъ наказаніемъ, а за самодурство чиновника, нарушающее коренныя условія общежитія (ст. 1419 Улож.), гладитъ его по головкѣ выговоромъ!

Смѣемъ думать, что сѣверо-германское уложеніе наглядно докажетъ необходимость еще одного явленія, котораго такъ горячо — но увы! до сихъ поръ напрасно — добивается наше общество. Весьма значительною частью своихъ хорошихъ сторонъ сѣверо-германское уложеніе обязано указаніямъ литературы. Для полученія ихъ были опубликованы первой и второй проекты (съ мотивами и прибавленіями); кромѣ того, министерство разослало значительное количество ихъ извѣстнымъ юристамъ. Кромѣ того, уложеніе прошло черезъ живое, очищающее горнило общественно-политическаго благоразумія — рейхстагъ. Скоро ли, наконецъ, поймемъ и мы, что законодательство должно оставить глухія стѣны канцелярій, что оно интересуется далеко не одного законодателя?

Ив. Фойницкій.